

И. Ш. АНИСИМОВ

КАВКАЗСКИЕ
ЕВРЕИ-ГОРЦЫ

«НАУКА»

Илья Шеребетович
АНИСИМОВ
(1862 – 1928)

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ
И АНТРОПОЛОГИИ

РОССИЙСКИЙ ФОНД СОХРАНЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE OF ETHNOLOGY
AND ANTHROPOLOGY

THE RUSSIAN FOUNDATION FOR THE
MAINTENANCE AND DEVELOPMENT
OF JEWISH CULTURE

Ilia Sh. Anisimov

MOUNTAIN JEWS OF CAUCASUS

MOSCOW
NAUKA
2002

И. Ш. АНИСИМОВ

КАВКАЗСКИЕ
ЕВРЕИ-ГОРЦЫ

МОСКВА
«НАУКА»
2002

УДК 391/395
ББК 63.5 (2)
А 67

Издание осуществлено при поддержке Группы ЗАР,
Московской религиозной общины
горских евреев "Бейт Талхум",
Российского фонда сохранения и развития еврейской
культуры
в память основателя фонда известного мецената
и предпринимателя Т.Г. Гуршумова

Под общей редакцией
доктора философских наук С.И. ВАЙНШТЕЙНА

Научно-редакционный совет:
С.А. АРУТЮНОВ, А.А. АББАСОВ, М.Я. АГАРУНОВ,
З.Т. ГИЛАЛОВ, А.Т. ГИЛАЛОВ, Ю.И. МУРЗАХАНОВ,
И.Г. СЕМЕНОВ, В.А. ТИШКОВ, М.А. ЧЛЕНОВ

Анисимов И.Ш. Кавказские еврей-горцы / И.Ш. Анисимов; [Под ред. С.И. Вайнштейна]. — М.: Наука. 2002. — 191 с.

ISBN 5-02-008841-2

Переиздание ставшей **библиографической редкостью** книги 1888 г. повествует о всех деталях общественного быта, материальной и духовной культуры горских евреев Кавказа конца XIX в. Приводятся уникальные данные о занятиях и образе жизни горских евреев, их обычаях, религиозных традициях, пережитках языческих верований. Книга является ценным источником сведений по проблемам этнографического кавказоведения и иудаики.

Для этнографов, историков и широкого круга читателей.

Без объявления
ISBN 5-02-008841-2

© Издательство "Наука",
оформление, 2002

К ЧИТАТЕЛЮ

Почти полтора века отделяют нас от времени написания известным ученым-этнографом Ильей Анисимовым статьи, ставшей позднее основой для первой монографии о евреях-горцах. Ее значение трудно переоценить, ведь и сейчас она столь же необходима ученым, как и в момент доклада членам Императорского Московского археологического общества после поездки ее автора на Кавказ, предпринятой с целью сбора историко-этнографических материалов о горских евреях.

Исследование Ильи Анисимова, по словам его любимого учителя Всеволода Миллера, "представляло тем больший интерес, что о горских евреях в нашей этнографической литературе до сих пор не было достоверных и обстоятельных сведений..." Выдающийся русский ученый оказался прав. Илья Анисимов проехал около семи тысяч верст во время своего путешествия,

неутомимо собирая сведения, которые стали интереснейшими историческими, этнографическими и статистическими сведениями, послужившими исходным материалом для написания монографии "Кавказские еврей-горцы".

Работа Ильи Анисимова, кстати, первого ученого среди горских евреев, была опубликована в третьем выпуске "Сборника материалов по этнографии, издаваемого при Дашковском этнографическом музее", а затем напечатана отдельным изданием в типографии Потапова тиражом в тысячу экземпляров в 1888 г. Она получила широкую известность и высокую оценку в российской историографии того времени. И сегодня, став библиографической редкостью, это произведение не потеряло своего значения.

Горские евреи являются одним из древнейших восточных еврейских этнических субэтносов и заметно изменились за прошедшие столетия. Среди них большое количество бизнесменов и ученых, проживающих в России, Израиле, Азербайджане, США, Германии. В результате миграционных процессов около 15 тыс. их оказались в Москве, здесь же открыта первая синагога горских евреев "Бейт Талхум".

В прошлом году нашим фондом были проведены: Первый международный сим-

позиум "Горские евреи — история и современность" в Российской Академии государственной службы при Президенте Российской Федерации и Международная научно-практическая конференция "Горские евреи Кавказа" в Баку, вызвавшие еще на стадии подготовки необычайный интерес у нас в стране и за рубежом. Опубликовано на русском языке первое обширное современное исследование о самобытном народе — "Горские евреи. История, этнография, культура" (М., 1999).

Впервые, после 74 лет безмолвия, на столь высоком уровне обсуждались политиками, учеными, раввинами и представителями общин проблемы сохранения и развития культуры, религии, языка и традиций горских евреев. Заметим, что в Азербайджане существует единственное в мире место их компактного проживания в диаспоре — Красная Слобода. И потому у нас есть возможность провести сравнительный анализ на стыке веков и еще раз убедиться в верности горских евреев традициям своего народа.

В этом году исполняется 140 лет со дня рождения Ильи Анисимова. Готовясь к проведению Научной сессии, посвященной его юбилею, мы стали разыскивать его родственников по всему миру и обра-

тили внимание на то, что потомки ученого-этнографа из поколения в поколение славно продолжают традиции своего знаменитого предка. Не зря же они состоят в родстве с известными семьями Ландау, Мандельштам, Блювштейн. Мы хотели бы здесь выразить им свою признательность и заверить, что научные труды Анисимова и сегодня, во времена возрождения горских евреев, служат примером благородного служения своему народу.

*З.Т. Гилалов,
президент Группы ЗАР
и Российского фонда сохранения
и развития еврейской культуры*

ПРЕДИСЛОВИЕ

29 мая 2002 г. исполнилось 140 лет со дня рождения горско-еврейского ученого самородка этнографа Ильи Шеребетовича Анисимова (Нисимоглы).

Перу И.Ш. Анисимова принадлежит немало статей и выступлений в печати, но основной его труд — "Кавказские еврей-горцы", переиздаваемый сегодня благодаря братьям Гилаловым и Российскому фонду сохранения и развития еврейской культуры.

Материал, вошедший в эту монографию, собирался автором в 1880-е годы. Опубликована она была в 1888 г. и с тех пор остается главным источником наших знаний о народном быте, материальной культуре, обычаях и верованиях горско-еврейского народа в том виде, в каком они еще сохранялись в конце XIX в.

За прошедшие более чем сто лет со времени появления труда И. Анисимова многие из этих обычаев и верований оказались полностью забыты, коренным образом изменились брачные и се-

мейные традиции, нравы горских евреев, их быт и материальная культура подверглись коренной модернизации. Этот труд стал ныне по существу единственным источником, благодаря которому с должной полнотой можно составить представление об этнокультурном облике горских евреев до начала процессов модернизации их жизни. Достаточно интенсивно они протекали уже на заре XX в., в связи с изменениями экономической ситуации в Дагестане и других регионах Кавказа, и лавинообразно ускорились с установлением на Кавказе советского строя.

Данные И. Анисимова имеют огромное научное значение, которое отнюдь не ограничивается проблемами изучения истории и этнографии собственно горских евреев, этнографической иудаики или кавказоведения. Те подробные сведения, которые он приводит о божествах языческого, доиудаистского периода в народных верованиях горских евреев, об их представлениях о душе, процессе смерти, странствиях души между адом и раем в разных перерождениях, имеют огромное значение для развития общего религиоведения, понимания древних пластов религиозного мышления народов Евразии в целом. Ясно только, что параллели указанным верованиям и идеям следует искать далеко не только в еврейской или кавказской религиозной традиции, но и гораздо шире; возможно, это часть индоиранского духовного наследия, а возможно, они отражают и более дальние и древние культурные влияния.

Очень ценны наблюдения И. Анисимова над отношениями горских евреев с христианами и мусульманами, для которых характерны определенные двойственность и противоречивость. С одной стороны, они предпринимают особые меры защиты в страстную субботу православной пасхальной недели, когда, по их представлениям, уязвленный дух Иисуса Христа витает над миром и может причинить евреям вред, с другой стороны, свято хранят память о том, что их предки были уведены в Мидию еще во времена Первого Храма и, таким образом, к распятию Иисуса причастны быть не могли.

Столь же двойственные, но в целом преимущественно дружественные и добрососедские, были и отношения с мусульманами. Материалы И. Анисимова показывают, что группы населения, исповедывавшие иудаизм, целыми общинами участвовали в этногенезе аварцев, татов-мусульман и других народов Дагестана и еще в конце XIX в. во многих мусульманских общинах берегли, как святыню, еврейские старинные книги и сохраняли некоторые иудаистские обычаи.

Двойственными выглядят в передаче И. Анисимова и отношения полов до брака. С одной стороны, практика детского обручения полностью игнорировала фактор взаимного влечения молодых, подчас даже не видевших друг друга до свадьбы. С другой стороны, И. Анисимов описывает праздники и общественные работы, дающие юношам и девушкам много шансов для знакомст-

ва и ухода. Более того, имели место и случаи влюбленности, притом заканчивавшиеся счастливым браком, между евреями и мусульманами, когда либо жених переходил в ислам, либо даже мусульманка в иудаизм. По-видимому, указанная двойственность в традициях и моделях поведения отражает социальное расслоение и переходные процессы в эволюции горско-еврейского общества в конце XIX в., но что-либо более определенное по этому поводу сейчас сказать трудно.

Наконец, следует отметить непосредственность и живость этнографического описания у И. Анисимова. Передавая ситуации семейного быта, в которых он мог быть и свидетелем, и даже участником, ученый рисует яркие, драматичные, нередко глубоко психологичные картины, порой поднимающиеся до уровня художественной прозы. Поэтому книгу эту с удовольствием прочтут не только все интересующиеся этнографией или иудаикой, но и вообще самые широкие категории читателей.

*Член-корреспондент РАН
С.А. Арутюнов,
заведующий отделом
Кавказа Института этнологии и
антропологии РАН*

*Посвящается
профессору
Всеволоду Федоровичу
Миллеру*

ВВЕДЕНИЕ

Среди многочисленных народностей Кавказа, привлекавших к себе внимание исследователей-этнографов, сохранилось одно немногочисленное племя, о быте которого до сих пор известно очень немного. Это — горцы-евреи или, как их называют, "горские евреи". Никто из наших исследователей Кавказа специально не занимался изучением этого народа, и лишь немногие путешественники говорили о нем мимоходом при описании других племен Кавказа. По всей вероятности, это объясняется тем, что этот небольшой народец не пользовался ни исторической известностью, ни литературой, и по своей незначительности почти ничем не выделялся из других, окружающих его племен как внешностью, так и одеждой. Впрочем, в последние десять — двадцать лет появились в печати четыре произведения, посвященные евреям-горцам. Первое из них книга г. Немировича-Данченко "Воинствующий Израиль". Она действует более на воображение читателя своими фантастическими, художественными картинками, чем на ум. Изображением нравов, обычаев и некоторых сторон быта горских евреев, ввиду художественных сценок, она приобрела довольно обширный круг читателей, но только среди европейских евреев, интересовавшихся сведениями о своих единоверцах на Кавказе. Вторая статья о горских евреях появилась 15 — 16 лет

тому назад сначала в европейских журналах на древнееврейском языке, а потом в "Сборнике сведений о кавказских горцах" и принадлежит путешественнику 60-х годов по Кавказу Иуде Черному¹.

Этот путешественник, достойный уважения по перенесенным им трудностям и лишениям в неизвестном и еще не совсем безопасном крае, говорит в начале своей статьи, что ему пришлось путешествовать по Прикаспийскому краю и Терской области два года, в течение которых он изучил "по мере возможности" быт своих соплеменников, их образ жизни, обычаи, нравы, предрассудки и пр., и пр.

Принимая во внимание то время², в которое путешествовал Иуда Черный по Кавказу, тот низкий уровень нравственного состояния горских евреев и, наконец, их неприязненное отношение к русским или европейским евреям, о котором будет сказано ниже, можно, даже не вдаваясь в критический разбор произведения Черного, положительно сказать, что "возможность" сообщения точных данных о быте горских евреев была для него весьма ограничена. Если автору и пришлось заметить в их жизни что-нибудь, то лишь самую ничтожную долю, остальное же он описывает или по частному быту нескольких аулов, или понаслышке.

Горцы-евреи отличаются крайним фанатизмом и доходят иногда под влиянием предубеждений до того, что бывают готовы из-за религии и обрядов, установленных ею, терпеть всевозможные страдания. Свою религию, по их убеждению, приняли их прадеды от евреев первого храма. Многого, что есть у европей-

¹ См. статью "Горские евреи" в Сборн. сведений о кавказских горцах. Издан. Кавказского Горского управления, вып. III. 1870 г., Тифлис.

² Дагестанская область только что была завоевана и усмирена русскими, и жители были рассеяны в городах, ущельях и хуторах.

ских евреев, нет в религии горских, и мне пришлось заметить, что и, наоборот, многие религиозные обряды горских евреев неизвестны у европейских. Большинство русских или европейских евреев, которых горцы называют "эшгенези", будучи более или менее образованными и более развитыми, чем их кавказские единоверцы, не слишком придерживаются устаревших обрядов Талмуда, чем нередко вызывают против себя в этих дикарях негодование. "Эшгенези", по их мнению, то же, что и "эпикурусы" (отступники). Но есть и другая странная причина неудовольствия горских евреев против европейских. По завоевании Кавказа Россией многие солдаты из русских евреев, поселившиеся в городах, почему-то дали своим единоверцам, горским евреям, принимавшим их радушно, прозвище "бык". Вероятно, этим они хотели указать на их грубость. Это прозвище осталось за ними и до наших дней³. По примеру первых и последующие поселенцы на Кавказе из русских евреев стали величать своих единоверцев "быками". Но горские евреи, отличаясь детским самолюбием и раздражительностью, считают такое прозвище для себя величайшим оскорблением. Не раз я видел, что они приходили в ужасное негодование от этой клички, доходили до драки со своими нежеланными соседями единоверцами и, наконец, давали себе слово ничего не иметь с ними общего.

Вообще высокомерие, с которым относились русские евреи к горцам, при всяком удобном случае, повело к тому, что между теми и другими возникло значительное препятствие к сближению. Евреи-горцы стали удаляться от русских евреев и перестали питать

³ Несколько раз обращался я с просьбой к европейским евреям объяснить мне точное происхождение и значение этого прозвища, но ни от кого не получил другого объяснения, кроме вышеприведенного.

к ним доверие. Эта вражда продолжает существовать и до наших дней. Насколько сильна она, можно судить из того, что у горских евреев сложилась пословица: "Эшгенезире эз ховорé кушдé хуб нисди, эз пeсéй кофóю бисдоге бешгай", т.е. "нехорошо убивать европейского еврея через горло (резать), а непременно через затылок, чтобы мучить его".

Недавно произошло в городе Т.Х.Ш. между европейскими и горскими евреями следующее столкновение. У русских евреев был один кантор, который исполнял у них вместе с тем роль резника и мясника. Горские евреи, привыкшие на зиму делать запасы копченого и сушеного мяса, очень мало употребляли свежей мясной провизии и не стали заводить своей мясной лавки, а брали свежее мясо, когда потребуется, у русского еврея мясника. Но вот в городе год от году стало прибывать число горских евреев холостяков, которых привлекали сюда торговые цели и заработки. Вследствие большого требования мяса, появилась у горских евреев потребность открыть свою мясную лавку. Этого желали они еще и потому, что, как носились слухи, резник русских евреев насчитывал лишнее на тех, которые брали у него мясо на книжку. Явились двое из горских евреев, которые попросили бывшего тогда главного рабби горских евреев М-ва резать для них мясо, и открыли свою мясную лавку. Увидев хорошее мясо, и многие из русских евреев стали покупать у них. Не прошло и года, как резник русских евреев почувствовал в покупателях большой недостаток, начал возводить обвинения на главного рабби горских евреев, рассказывая в городе, что он не умеет резать, не знает правила резания скотины "Шахидо" и проч. и проч. Наконец, он увлекся до того, что в субботний день взял заповеди и сказал, что, присягая на них, он подтверждает негодность мяса (трефность) приготавливаемого горским рабби. Слух

этот дошел до горских евреев и их рабби; горские евреи страшно возмутились и потребовали у своего рабби опровержения возведенного на него ложного обвинения и наказания клеветника. В следующую субботу собрались несколько горских евреев и отправились кто с дубиной, кто с палкой и оружием (по субботам горские евреи не носят оружия) со своим рабби в синагогу русских евреев. Рабби начал требовать он кантора объяснения, но тот начал увертываться; тогда горские евреи начали горячиться, ругать всех русских евреев мошенниками и грозить разбить их синагогу и убить их всех в случае повторения таких гнусных обвинений. В некоторых местах синагоги даже началась драка, и, вероятно, много бы пришлось потерпеть русским евреям, если бы не вмешательство самого рабби, который убедил своих приверженцев оставить это дело без последствия до следующего повторения подобного случая. Такие случаи, в которых является у горских евреев сильное желание разгромить своих недоброжелательных единоверцев, русских евреев, бывают нередко и не в одном городе.

После всего сказанного не удивительно, если г. Черный не мог пользоваться у своих единоверцев слишком большим доверием и выведать у них многое. Мне, знающему жизнь своих братьев, при чтении статьи И. Черного бывает иногда и смешно и досадно: до того в ней в иных местах много несоответствия с действительностью.

Говоря, например, о гостеприимстве горских евреев, об обмывании ими ног страннику, о многоженстве, кровомщении и других еврейско-горских обычаях, отсутствующих у европейских евреев, Черный все объясняет сохранением ими в первобытной чистоте обычаев их предков-патриархов, из чего выходит, что и все прочие горцы магометанского, христи-

анского и языческого вероисповедания, имеющие те же обычаи, заимствовали их, конечно, от горцев-евреев (?!). Рассказывая о том, как, по мнению г. Черного, горские евреи переселялись из места на место, из аула в аул, пока не дошли до сел. Тарку, дабы не платить своим властелинам более трех рублей подати, некто Г. — Б. — Г. в своей рецензии под заглавием "Кавказские евреи"⁴ очень метко и справедливо замечает: "Оказывается, таким образом, что все их прошлое почти за 2-тысячелетний период от царя Навуходоносора до наших дней заключается в трех рублях, не больше и не меньше ни на одну копейку, как будто их предки дали обет еще у горы Синая — никому и ни в какой стране больше трех рублей никогда не платить, а иначе переселиться".

Мы согласны с тем, что горские евреи крайне невежественны в своей истории и почти ничего письменного или достоверно-устного не сохранилось у них о своем прошлом, но в статье И. Черного мы не находим ни одного предания, которыми так богат Кавказ, представляющего для историка серьезный интерес, как материал для нахождения какой-либо исторической связи горских евреев с другими племенами.

Говоря о языке горских евреев, И. Черный называет его фарсидско-татским и относит его к древнеперсидскому, думая, что из этих двух языков, фарсидского и татского, мог образоваться у евреев жаргон; но у него не появляется даже желание узнать, что такое таты и фарсы, если народ относит себя к этим древним племенам. Вообще сведения, сообщаемые И. Черным о языке горских евреев, отличаются крайней неточностью. Для сравнения слов, представленных И. Черным, с действительным произношением

⁴ Журнал "Восход". Дек. 1884 г.

их евреями-горцами, напишу несколько из них рядом со своими:

Перевод	Написано	Следует
я	ма	ме
ты	ты	тў (ў – лат. u*)
небо	аасму	осму (э осму пред пад.)
шар	сар	дутереге-чи
сиди	ниш	нўш
сидите	нишит	нўшит
отец	баба	бебе
мать	дадай	деде (дедей – обраш.)
говорить	гуфтере	гуфдире
желает, хочет	иста	хосдени
дрова	hизум	hўзўм**
вечер	таhайр	шахангум
он пришел	у амори	у омо
очень	амбар	омбор
нить	хурум	эри хурде
что он говорит?	чи у гуфтерени	чў гуфдире у?
что он хочет?	чи у hиста?	чў войсдеуре?
что он принес?	чи у биор	чў оворд у?
баранина	гушт пенди	гушт гусменди
имя	нумо	нум
как?	кейф	{ чўтам чў теher?
понимаете?	даностены?	данўстенит?
хорошо ли	кейф зенты хубо?	кефь зен-тў хуби?
здоровье		
твоей жены		
		и т. п.

* ў – читать за франц. u.

** h – читать за нем. h.

Так же неточно и неверно переданы у И. Черного рассказы на языке горских евреев, и я, несмотря на большое желание, мог понять из них очень немного.

Но, говоря о недостатках статьи И. Черного, нужно, с другой стороны, отдать и справедливость покойному автору⁵ и заметить, что, как любитель-путешественник, он представил очень много интересного из действительной жизни горских евреев, описал их домашнюю обстановку и собрал статистические сведения об их численности и местах поселения. Заметим также, что тот же автор пометил в 1869 году в "Терских Ведомостях" краткие исторические сведения о горских евреях, охватывающих период их жизни на Кавказе от начала XVII в. до наших дней. Эти сведения касаются главным образом переселения евреев из аула в аул в Дагестане и основаны на местных преданиях. Несомненно, что труды покойного автора все же ознакомили русских евреев с бытом и нравами их единоверцев, заброшенных судьбой в дикую страну между дикими племенами. Четвертой и последней статьей о горских евреях была моя статья под заглавием "Кавказские еврей-горцы", где были помещены некоторые сведения об обычаях горских евреев при свадьбе, похоронах и при убийстве⁶; эта статья также далеко не охватывает всех сторон быта горских евреев.

Летом 1886 года я был командирован на Кавказ Императорским Московским Археологическим Обществом с целью собирания археологических сведений по Дагестанской области и между прочим отыскания преданий и памятников, могущих служить к разъяснению истории кавказских евреев. Еще за два

⁵ Умер в Одессе 16 апр. 1880 года.

⁶ "Рассвет" — орган русских евреев, изд. в С.-Петербурге, год 1881 — № 18 и 24.

года перед тем я имел честь быть приглашенным председателем этнографического отдела Импер. Общ. Естествознания, проф. Вс.Фед. Миллером сделать в заседаниях отдела сообщение о быте кавказских горских евреев, которых я в Москве был единственным представителем. Знакомство мое с глубокоуважаемым председателем этнографического отдела, проф. Вс.Фед. Миллером, обратившимся ко мне за сведениями о языке моего племени, вызвало во мне горячее желание снова приняться за это дело и подробнее изучить современный быт и прошедшую историю моих соотечественников. К сожалению, ни в том, ни в другом отношении не было более или менее точных сведений: не были известны ни численность горских евреев, ни их занятия, ни история их переселения на Кавказ. У меня были, впрочем, кое-какие сведения о численности горских евреев, доставленные мне главными раввинами Северного и Южного Дагестана (Рабби Яковым Ицхаковичем и Рабби Хаскель Мушаиловым), но они были не полны и требовали проверки на местах. В такой же проверке и пополнении нуждались и те сведения о быте моих единоверцев, которые я сохранил в памяти с детства. Ввиду этого я почувствовал необходимость предпринять поездку на Кавказ и посетить *все места*, в которых живут мои соотечественники. Благодаря ходатайству Вс. Фед. Миллера я получил вышеупомянутое поручение от Московского Археологического Общества. Пользуясь этим благоприятным обстоятельством, я принял на себя и поручение этнографического отдела О-ва Люб. Естествознания исследовать быт и собрать статистические сведения о моих соотечественниках и через ходатайство "Общества" перед кавказской администрацией получил открытые листы, значительно содействовавшие успеху моей поездки.

Обращая особенное внимание на точность статистических данных, я, приезжая в какой-нибудь аул, обращался к старшине и спрашивал посемейные списки. Затем я проверял их, расспрашивал местное население и просил местных старшин скреплять уже проверенные списки своими подписями.

В это время правительственные чиновники составляли перепись народонаселения, которая, как носились слухи, должна была служить к привлечению горцев к отбыванию воинской повинности. Поэтому сообщаемые мною статистические данные могут считаться наиболее точными. В некоторых местах, вследствие отсутствия посемейных списков, мне приходилось самому составлять статистические таблицы. Затем я расспрашивал отдельно горских евреев и мусульман, не существуют ли предания о времени их поселения в данном ауле, где и какие памятники находятся в окрестностях, и записывал все сообщаемые сведения. Потом я шел вместе со стариками моллами и раввинами на кладбища и списывал надписи на древних памятниках для того, чтобы таким образом узнать о времени поселения мусульман и главным образом евреев в той или другой местности. Конечно, везде я старался также собирать старые письменные документы, расспрашивал о быте, занятиях, обрядах, обычном праве и произведениях народного творчества. Везде смотрели на меня как на своего, с доверием, так как я говорил на местных языках, *татском* или так называемом горско-еврейском и татарском (адербейжанском) [принятое до начала XX в. написание слова "азербайджанский". — *Рег.*] и не скрывали от меня никаких сторон своей жизни.

Маршрут моего путешествия 1886 года был следующий:

Дагестанская область

<p>Кюринский округ</p> <hr/> <p>Кайтако-Табасаранский округ</p> <hr/> <p>Темир-хан Шуринский округ</p>	<p>38) Касум-Кент</p> <p>37) Мамрача</p> <p>36) Хош-Мамзюл</p> <p>35) Аглаби</p> <p>34) Рубас</p> <p>33) Кая-Кент</p> <p>32) Дашлагар</p> <p>31) Отемиш</p> <p>30) Мама аул</p> <p>29) Башли</p> <p>28) Янги-Кент</p> <p>27) Уркарах</p> <p>26) Купечи</p> <p>25) Кара-Кураш</p> <p>24) Чуфут-Катта</p> <p>23) Маджалис</p> <p>22) Ерси</p> <p>21) Салак</p> <p>20) Хушни</p> <p>19) Нитюг</p> <p>18) Гемейды</p> <p>17) Мугатыр</p> <p>16) Рукель</p> <p>15) гор. Дербент</p> <p>14) Чир-Юрт (Уроч.)</p> <p>13) Дюргели</p> <p>12) Джунгутай</p> <p>11) Тарки</p> <p>10) Губдень</p> <p>9) Буйнаки</p> <p>8) Карабдакент</p> <p>7) Параул</p> <p>5) Торкали</p> <p>4) Киз-таш</p> <p>3) Капчугай</p> <p>2) г. Шура (глав. гор.)</p> <p>1) Петровск (порт. гор.)</p>	<p>Дагестанская область</p> <hr/> <p>Кюринский округ</p> <hr/> <p>Шемахинский уезд</p> <hr/> <p>Кубинский уезд</p> <hr/> <p>Нухинский уезд</p> <hr/> <p>Елизаветопольская губерния</p>	<p>72) Чухур-Кабала</p> <p>71) Ницж</p> <p>70) Хочмаз</p> <p>69) Варташен</p> <p>68) Джалут</p> <p>67) Мухас</p> <p>66) Кюнгут (Бидейс)</p> <p>65) Зегзит (Башни Урта)</p> <p>64) гор. Нуха</p> <p>63) гор. Елизаветополь</p> <p>62) гор. Куба</p> <p>61) Кизил-Бурум (почт. станц.)</p> <p>60) Алти-Агач (станция)</p> <p>59) Хильмили (станция)</p> <p>58) гор. Шемаха</p> <p>57) Мюджи</p> <p>56) Хан-Кенди</p> <p>55) Курдеван</p> <p>54) Боскал</p> <p>53) Зергеран-Кент</p> <p>52) Кевенди</p> <p>51) Урушан-Кент</p> <p>50) Афтаран (Мюджю)</p> <p>49) Гермахани</p> <p>48) Ванк</p> <p>47) гор. Баку</p> <p>46) Ньюг-ли Мюшкюр</p> <p>45) Куллар</p> <p>44) Янан-Кала</p> <p>43) Ньютох</p> <p>42) Зизик</p> <p>41) Джерах</p> <p>40) Карчаг</p> <p>39) Араг</p>
--	--	--	--

	Бумско-приставство:	73) Султан-Нух		82) Щедринская (стан.)
		74) Беглер-Кенди		83) Червленная (стан.)
		75) Амир-Ван		84) Николаевская (стан.)
Терская область	Хасав-Юртовский округ	76) Султан-Янги-Юрт	Грозненский округ	85) гор. Грозное
		77) Слоб. Хасав-Юрт		86) Целей-Куликент
		78) Андреево		87) (Бураган-Каш)
		79) Костек		88) гор. Владикавказ
		80) Аксай (Ташкечи)		
		81) Янги-Кала (станция)		

Резюмируя по губерниям, областям и округам, маршрут мой представится в следующем виде: в *Дагестанской области*: Петровск на Каспийском море, гор. Т.Х. Шура, Т.Х. Шуринский округ до Укр. Дашлагар с одной и Чир-Юрта с другой стороны, Дербент, Кайтако-Табасаранский и Кюринский округа; в *Елизаветопольской губернии*: Елизаветополь, Нуха, Нухинский уезд и Арашский уезд; в *Бакинской губернии*: Баку, Шемаха, Шемахинский уезд, Куба, Кубинский уезд и, наконец, в *Терской области*: Хасав-Юрт, Хасав-Юртский округ, Грозное и Владикавказ. В общей сложности в течение 3-х месяцев мне пришлось проехать по горам верхом около 1200 верст, а всего, считая, от Москвы и обратно, около 7000 верст.

Так как история переселения горских евреев на Кавказ очень запутана и требует серьезной обработки, то я решил заняться ею впоследствии и выпустить ее в свет отдельной книжкой, а пока, для придания моему труду некоторой полноты, я позволю себе, не распространяясь, сказать несколько слов по этому вопросу.

История переселения горских евреев на Кавказ достоверно не известна, и никаких письменных указаний не сохранилось на время этого переселения; но основываясь на народных преданиях, эти евреи ведут свое происхождение от Израильтян, выведенных из Палестины и поселенных в Мидии еще ассирийскими и вавилонскими царями. Таким образом, их предки принадлежат еще к временам 1-го храма и не участвовали в убиении Иисуса Христа, как об этом заявляют и сами горские евреи, в какой бы аул или город вы ни приехали, говоря, что это предание перешло к ним от их дедов и отцов. Еще в Персии евреи смешались с иранским племенем татов, причем одни приняли господствующую языческую религию Моисея между иранцами, вследствие чего, во-первых, теперешний язык евреев принадлежит к группе иранских языков, т.е. состоит в ближайшем родстве с языками: персидским и курдским, осетинским, талышским и др. (по исследованиям профессора В.с. Миллера), а во-вторых, в религии горских евреев остались и до сих пор некоторые языческие верования. Затем в средние века, по преданиям же, таты-евреи смешались с хазарами, жившими на западном берегу Каспийского моря, так что хазарских царей этих времен они считают в то же время и своими. И, наконец, при вторжении арабов на Кавказ множество татов-евреев целыми аулами приняли магометанство, а остальные остались верны религии Моисея и получили наименование "Даг-Чуфут", т.е. горские евреи. Многие местности Табасаранского и Кюринского округов Дагестанской области, а затем Кубинского уезда Бакинской губ., где преимущественно живут горцы-евреи, населены и теперь татами-магометанами, которые имеют сходный тип с горскими евреями и говорят одним языком с ними. Часто приходилось мне ошибаться во время путешествия по этим местностям

и принимать татов-магометан за моих единоверцев, — до того мало было отличия между ними. Иногда, впрочем, можно было отличить магометан по сбритым пейсам, так как горские евреи бреют головы и оставляют коротенькие пейсы. Многие аулы сами говорят о своей недавней принадлежности иудейской религии и, будучи мусульманами, хранят, как святыню, еврейские книги, перешедшие к ним от их предков-евреев. Таковы, например, аулы: Ахти, Ружами или Аракан в Дагестанской области и др. Жители этих аулов до сих пор дают детям своим имена своих отцов и матерей, взятых из Ветхого завета и носимые горскими евреями.

Число горских евреев составляет 4090 дворов или 21 тысяча душ, живущих в 38 аулах и городах Дагестанской, Терской, Кубанской областей, губ. Бакинской и Елизаветопольской губ. Во многих местностях Дагестанской и Терской обл. и Бакинской губ., где теперь нет горских евреев, существуют развалины бывших там когда-то еврейских аулов, могил, ключей, каналов и проч. Все эти места указываются туземцами мусульманами под названиями: Чуфут Тебе (еврейская гора, холм), Дарай-Татауль Канаузский (шелковый) канал, Чуфут-Кабур (могилы), Гяур-Калэ (крепости) и пр. Таковы местности в сел. Карабаденте, Андреевском, Кара-Кураш, Чуфут-Катта, Курдеване, Кулкатте (близ Кубы) и друг.

В селе Мюджи (Шемахинск. окр. Бакинск. губ.) нашел я заповеди, написанные на пергаменте приблизительно лет 200 — 300 тому назад и доказывающие недавнее только знакомство горских евреев с европейскими евреями и вообще с законами иудейской религии. Они написаны по незнанию талмуда на волосистой стороне кожи, тогда как по талмуду, если заповеди не написаны на обратной, примыкающей к

мясу, стороне, то они называются негодными. Недавнее знакомство горцев-евреев с европейскими евреями доказывается кроме этого и множеством языческих поверий — о божествах злых и добрых, постоянных и переменных, о временах года и их праздновании, которые сохранились еще в их религии, и затем своеобразными обычаями, сопровождающими свадьбу, похороны, поминки, кровомщение и проч., которые описаны мною подробно в следующих главах. В настоящее время горские евреи уравниены в правах со всеми туземцами Кавказа и имеют документы, обеспечивающие их права в торговом, военном и гражданском отношениях. Приведу их содержание:

1) Копия предписания Ставропольской Казенной Палаты Хасав-Юртовскому Слободскому Общественному Управлению от 12 августа 1883 года за № 27597-м. "По поводу возбужденного вопроса рапортом от 13 июня сего года за № 1205-м Ставропольская Казенная Палата дает знать Слободскому Обществу Правлению, что относительно горских евреев не следует требовать удостоверений полиции ввиду того, что ограничение прав по торговле евреями (ст. 128, 130, 131, тома XI, части II Уст. торг. по продолж. 1876 года) не относится до Горских евреев, как коренных жителей Кавказа, которые по торговле пользуются всеми правами и преимуществами наравне с горскими племенами Кавказа и вообще коренными Русскими". Подлинный за надлежащей подписью.

2) Копия с отзыва Канцелярии Терского Областного по воинской повинности присутствия Хасав-Юртовскому Окружному Начальнику от 28 октября 1887 года за № 7573-м.

Доверенные обществ: Аксаевских, Костековских, Андреевских и Хасав-Юртовских горских евреев — Иргана Измайлов, Анох Мелихов, Алхас Алхасов и Юнун Амиржуев — обратились к г. главноначальст-

вующему гражданскою частью на Кавказе с прошением, в котором они ходатайствуют о предоставлении горским евреям, служащим в военной службе, тех прав и преимуществ по службе, какими в ней пользуются все туземцы. Вследствие передачи означенного прошения Господину Начальнику Области, Его Превосходительство, имея в виду, что горские евреи, согласно Устава о воинской повинности 28 мая 1886 года, отбывают воинскую повинность натурою и что поступившие из них в военную службу будут пользоваться всеми служебными правами наравне с лицами других исповеданий, приказать изволил объявить об этом просителям.

После этих предварительных сведений, перехожу к описанию быта моих единоверцев.

ГЛАВА I

Об оседлости горских евреев • Отношение других горцев к ним • Статистические сведения об евреях-горцах
• Занятия горских евреев • Религия и верования
• Праздники народные и религиозные • Образование
• Училища • Раввины • Синагоги • Религиозные обязанности женщин и их омовения

Прежде чем описать домашний быт, нравы и обычаи горских евреев, я представляю собранные мною во время путешествия по Кавказу статистические сведения о месте жительства их на Кавказе, о количестве людей, способных к труду, о различных отраслях их труда и занятий, о движимых и недвижимых их имуществе и хозяйстве, о религии, образовании и о других сторонах, по которым можно судить о физическом, экономическом и нравственном состоянии этого народа.

Горские евреи, после персидских религиозных гонений, рассеялись по нынешним Дагестанской и Терской областям и поселились соответственно роду занятий на равнинах, в ущельях гор или на косогорах. Аулы их расположены или рядом с аулами других племен, или в стороне от них, а в некоторых местах они живут вместе с туземцами. Горские евреи живут с другими туземцами вообще очень дружно, за исключением немногих мест, где евреи поставили себя плохо и перестали пользоваться уважением их окружающих, но все-таки и там далеко не так презираются горцами, как европейские евреи — европейцами. Нередко горский еврей вступает с мусульманином в дружбу и, горячо поцеловавшись с ним, делается на

всю жизнь его "курдашем". При этом они обмениваются оружием и дают друг другу "священный обет" не пожалеть и головы в случае надобности для спасения друга. Но если иногда горцы-магометане высказывают свое неудовольствие против горцев-евреев и называют их "кипты" (заблуждающиеся)¹ или "жуһут" или Чуфут, то единственно потому, что не уважают, кроме своей религии, никакой и желали бы, чтобы все исповедовали магометанскую религию. Это видно из того, что по настоящее время они борьбу с "гяуром" (иноверцем) из-за религии считают священной, и каждый правоверный, павший в этой борьбе, получит, по их убеждению, царство небесное. Тем более мусульманин не уважает иудейской религии, ибо она воспрещает евреям употреблять в пищу мясо, приготовленное другими, и тем ставит мусульманина в неловкое положение, когда еврей-горец приезжает к нему в гости, и он не может принять его как следует. В этом случае раздражение мусульманина доходит до такой степени, что он готов бы разорвать, кажется, всех евреев, чтобы они поскорее бросили эту гадкую религию, заставляющую их так далеко держаться от мусульман и мешающую еврею привязаться иногда к человеку, которого он сильно уважает. Зато как полюбит мусульманин и почитает еврея-горца, если тот примет магометанскую религию! Тут не только он, его бывший друг, но и все общество правоверных к услугам бывшего еврея-горца. Сейчас ему отводят лучшее помещение, дарят его подарками — тот лошадей, тот земель, тот хлебом, стадом — и сватают ему самую лучшую девушку в ауле.

¹ Мусульмане убеждены, что одно племя, родственное горским евреям и называемое ими "Бани Исраиль", следует исламу еще со времен вторжения арабов на Кавказ; потому не принявшие ислама горские евреи величаются "заблуждающимися".

Еврей-горец, принявший магометанскую религию, принимает торжественно титул "шейх" (святой) и становится выше всех в обществе. Когда он подходит или проходит мимо, то все считают своею обязанностью вставать и оказать ему должное почтение словами приветствия "салам-алайкум" (да будет тебе привет), на что и он отвечает: "Во-алайкум восалам".

Во время моего последнего путешествия мне случилось столкнуться со следующим обстоятельством. Один из моих соотечественников в моем родном ауле Тарки принял магометанство и поселился в другом ауле Капчугай, в 30-ти верстах от нашего, где он впоследствии разбогател, женился и имел детей. Шейх этот, как оказалось, еще будучи горцем-евреем, подрался с одним из своих соотечественников в моем же ауле и сохранял все время свою злобу на него, ожидал благоприятного случая отомстить. Несколько раз встречался он со своим врагом в дороге, придирался к нему, бил его палкой, а тот пропускал его, боясь, в случае несчастья, мести всех татар, у которых заступничество за шейха считается религиозным требованием. Наконец дело дошло до того, что молодой горец-еврей стал выходить из дому не иначе, как вооруженный с ног до головы. И вот однажды, по дороге в город Петровск, встречаются враги и шейх опять бросается на еврея. Выведенный из терпения молодой еврей вынимает кинжал и, не дав противнику опомниться, наносит ему удар в живот, после чего тот моментально падает. Сделав это, отправляясь в город, он встречается с некоторыми из своего аула, открывает им совершенное преступление, просит передать братьям и родственникам совет остерегаться мести мусульман и идет отдаться в руки русского правосудия. Узнав о случившемся, весь аул пришел в волнение и принял грозный воинственный вид. Родственники убийцы скрылись в одном крепком доме и окру-

жили себя наемным караулом, а родственники убитого стали искать случая взять кровь за кровь, как принято обычаем у всех туземцев. Татары же еще дальше пошли в своем мщении. Они собрались над еврейским аулом и начали бросать на него с горы громадные камни. Они разбили много окон, дверей, многих ранили, а евреи, признав свою вину перед многочисленным народом, скрылись в своих домах. Наконец вмешательство аульных властей взяло верх над расхрипевшимися страстями и между родственниками убийцы и убитого заключен мир. С убийцы взяли в пользу семейства убитого 200 р. и отправили его, как это требуется по обычаю, в другой аул на 2 года, чтобы тем временем успокоились родственники убитого.

Года четыре тому назад я был свидетелем еще одного происшествия, которое даст читателю еще лучшее понятие об отношениях горцев-магометан к горцам-евреям. Будучи еще учеником гимназии, после каникул, ехал я с родины на лошадях и, по случаю большого разгона, мне пришлось оставаться дня два в городе Гр. Там жил некто Ж. из моих дальних родственников, которого, по просьбе отца, я должен был непременно проведать. Сидим мы в богато убранной по-азиатски кунацкой комнате (на коврах, поджавши под себя ноги) и пьем вечерний чай, который принес мальчик на подносе из другой комнаты. Вдруг слышу вопли и рыдания и обращаюсь к хозяину за объяснениями. Услышав мою просьбу, старик стал плакать. Я посмотрел на него в недоумении, пожал плечами и опустил голову, сочувствуя какому-то постигшему его горю и не желая мешать старику выплакаться. Это продолжалось около 10 минут, после чего старик спокойно рассказал мне о несчастье, посланном им Богом "за их грехи". Дело в том, что сын его и любимец (самый младший из троих) был обвенчан по желанию

родителей, месяца три тому назад, с одной горской девушкой хорошей фамилии, но, кажется, не любил ее и не хотел сказать этого родителям, не желая огорчить их. Родители же, ничего не ведая об отношениях новобрачных, были спокойны, потому что "искони ведется, чтобы молодые соединялись не по своему желанию, а по желанию родителей". Но не прошло и двух месяцев после свадьбы, как молодой муж оставил свою жену и убежал в чеченский аул, где он принял магометанскую веру и женился на девушке, любимой им прежде, как оказалось по собранным сведениям. Старики считали своего любимца погибшим для себя и оплакивали его. Действительно, после таких случаев между родителями детьми прерываются всякие сношения, и они не посещают и никогда не видят друг друга. "Как будто мне легче от этого", начал старик, глубоко вздохнув после своего печального рассказа. "Как будто они исцелят мои раны тем, что отомстили татарам". Опять я ничего не понял и посмотрел на него вопросительно. Старик не заставил себя долго ждать и рассказал мне следующее. Один молодой человек из евреев-горцев полюбил чеченскую девушку магометанку в том же ауле, где сын его принял магометанство, и украл ее оттуда, так как и она из любви к нему пожертвовала своей религией и согласилась бежать с ним. В увозе девушки ему помогала горско-еврейская молодежь, которая настаивала во чтобы то ни стало на том, чтобы взять за своего соотечественника одну из девушек того же аула, родители девушки и родственники пустились в погоню за ней, пытались отнять ее, но им это не удалось, и молодежь, которая охраняла ложе новобрачных, отстояла их, несмотря на то что между защитниками было несколько тяжело раненных. Наконец между чеченцами и евреями был заключен мир, и молодой человек и девушка сохранили принятую ими религию.

Надо заметить, что обычай "воровать девушку", существующий у евреев-горцев наравне со всеми племенами Кавказа, не всегда кончается подобными трагическими сценами, а большей частью мирно. Если молодой человек, укравший невесту, успел до погони родственников, или пока они не отняли ее у него, фактически стать ей мужем, то она делается его женою. А это, конечно, возможно только с согласия девушки, которая бежит с ним по желанию и вопреки воле родителей; иначе невысказано, чтобы она сделалась его женою, так как девушка защищается геройски против похитителя (а на это способны горские девушки!), пока не подоспеет к ней помощь от родных. Таких случаев очень много, особенно в аулах. Выйдя от старика и направляясь к станции, мне пришлось пройти мимо того двора, где праздновали свадьбу влюбленной пары, которая, несмотря на громадную пропасть, созданную религией между ними, соединилась так счастливо. Свадьба была оживлена еще тем, что начальник округа также разрешил молодым вступить в брак. Невеста приняла иудейскую религию и сделалась женой горца-еврея.

Статистические сведения о горских евреях, живущих между другими племенами Кавказа и занимающихся почти одинаковым трудом с ними, до сих пор были далеко не точны, да и невозможно было требовать точности ввиду того, что, во-первых, русское правительство не очень давно стало вести перепись народонаселения, и то не по числу душ, а по семействам или "дымам", как выражаются на Кавказе, говоря о числе жителей, а во-вторых, евреи рассеяны всюду и часто переселяются с места на место, ища той или другой деятельности. Но во время своего путешествия и благодаря содействию административных властей я постарался собрать всевозможные сведения об евреях, какие только могут заинтересовать

образованного человека. Нет сомнения, что еще много, много осталось в их жизни темного и неисследованного, но это предоставим будущим путешественникам по Кавказу и будем надеяться, что они не будут так поверхностно относиться к этому вопросу, как наши предшественники — автор "Воинствующего Израиля" и Иуда Черный².

Слова Иуды Черного "горские евреи преимущественно занимаются торговлей" совершенно неверны. Эти слова доказывают, что покойный автор не знал действительной жизни горских евреев и вывел свое заключение, судя по горским жителям и не принимая в расчет, во-первых, занимающихся различными отраслями земледелия и затем бедного рабочего класса. Ни статистика, составленная им, вероятно, со слов покровительствовавших ему административных лиц, ни образцы татско-еврейского языка, ни исследования быта, нравов, обычаев — ничто в его записках не отличается той точностью и верностью, которые необходимы при изучении быта целого народа. Иуда Черный однако сам рисует нам несколько мрачных картин быта одной деревни — Рукель в Дербентском округе, все жители которой заняты исключительно полевыми работами, плоды которых доставляются ими ненасытному их беку (князю). Как увидим ниже из статистических данных, к городским жителям можно отнести почти половину всех горских евреев, из которых, если исключить приходящих из аулов искать работы, занимающихся выделкой кож и сафьяна из сырой шкуры, разведением садов, огородов и вообще обработкой земли, останется (из 4090 дымов) не больше $\frac{1}{8}$, занимающихся торговлей и преимущественно красными мануфактурными и галантерейными товарами. Из этих последних около $\frac{2}{3}$ приходит-

² Статистические сведения помещены на отдельном листе.

ся на мелких торговцев и на разносчиков, носящих в большем узле на спине свои товары и продающих их по аулам.

Занятия горских евреев распределяются следующим образом. Если принять во внимание, что почти везде и у всех народов городские жители занимаются преимущественно торговлей, и этих городских горских евреев исключить из общего числа всех вообще горских евреев, то достоверно можно сказать, что горские евреи народ земледельческий. В этом легко убедиться, обратив внимание на статистику. Под рубриками "число лавок мануфактурных и бакалейных" и затем "число разносчиков" находим:

	Число лавок		
	мануф.	бакал.	разн.
в городах	99	73	45
в аулах	16	139	217
итого:	115	212	262

Под рубрикой "число дымов" и "душ" написано:

	чис. дым.	чис. душ
в городах	1503	11097
в аулах	2587	10032
итого:	4090	21129

Из этих чисел видно, что городские семейства горских евреев заключают вдвое больше душ, чем аульные; и вообще приходится по числу душ на семейство: в городах — 7,35, аулах — 3,87 и среднее — 5,61. Это объясняется тем, что города вообще, как известно, привлекают массу рабочего люда, отыскивающего себе различного рода заработки. Эти рабочие иногда поселяются у родственников по несколько человек и, составляя с ними одно семейство, трудятся для общего хозяйства. Исключив из 11,097 душ, числящихся в городах, число рабочих семейств с десятками

душ в каждом, мы приходим к заключению, что только $\frac{1}{3}$ горских евреев населяет города Кавказа, а $\frac{2}{3}$ живут в аулах. Теперь же, приводя вышеупомянутые числа торгующих мануфактурными, бакалейными и мелочными товарами к процентному отношению, мы находим:

	Мануфактурными		Бакал. и мелоч.		Разносчиков	
	по дым.	по душ.	по дым.	по душ.	по дым.	по душ.
в городах	6,56%	0,89%	4,88%	0,65%	2,32%	0,40%
в аулах	0,61%	0,15%	5,37%	1,38%	8,38%	2,16%
в среднем	3,58%	0,52%	5,12%	1,01%	5,35%	1,28%

Таким образом, из всех этих 3-х параграфов, относящихся к различным отраслям торговли, мы замечаем, что торговлей занимаются исключительно в городах и из них:

по жителям: крупной торг.	6,56%	бакал. и мелочной	4,88%
по душам:	— " —	0,89%	— " —
			0,65%

и наконец занимающихся всеми родами торговли:

по жителям	11,44%
по душам	1,54%

Из тех же соображений получим для аулов, включая разносчиков и коробейник: по жителям — 5,98%, по душам 1,53%. Сравнивая числа 11,44% и 5,98%, видим, что в городах почти вдвое более развита торговля между горскими евреями, чем в аулах. Наконец, собственно говоря, и число 5,98% не может вполне относиться к занимающимся торговлей, так как почти все из них, именно 5,37%, делая маленькие обороты, продают бакалейные и мелочные товары и лишь 0,61% — мануфактурные товары. Что же каса-

ются разносчиков, которые держат в своих узлах или коробах на 30 — 40 руб. мелочного или мануфактурного товара и вечно промышляют пешком по аулам,нося эти товары на спины при 40 — 48 градусах жары, то их, кажется, и нельзя отнести к торговцам. Они вечно остаются теми же бедняками, какими были и при начале своего предприятия, и едва успевают прокормить себя и семейство, обыкновенно обремененное множеством детей. Из выведенных выше чисел замечаем, что особенно много этих разносчиков в аулах. Мне удалось собрать о них точные сведения, и оказалось, что большинство их ненавидят это занятие; но, тем не менее, занимаются им, не имея ничего другого для прокормления семей; таких-то бедняков весьма внушительная цифра, именно — в аулах 8,38% и в среднем — 5,35%. Мы все-таки причислим их к числу занимающихся торговлей; тогда общее количество торговцев выразится средним отношением в городах и аулах 14,05% или, по числу семейств, из 4090 семейств 574,64 занимаются торговлей. Из этого числа на настоящих купцов-капиталистов приходится лишь приблизительно 5%. Но, говоря о капиталистах, опять-таки не следует думать, что у них крупные состояния: самые богатые из них имеют лишь от 25 — 30 тысяч. Что же касается аульных горских евреев, то, как я справлялся, из них те считаются богачами, которые владеют землей, имением, мельницей и пр. недвижимым имуществом, стоящим от 1000 до 2000 руб., и имеют тысячи две в обороте. Но таких богачей очень немного среди евреев. Большой же частью бывали известны своим богатством 2 — 3 семейства, владевшие имуществом на 1000 — 1500 руб.

Таким образом, мы убедились, что слова покойного путешественника Черного лишены всякого основания, и горские евреи, занимаясь лишь в числе 14,05% торговлей, не могут называться торговым на-

родом. Бывая большей частью в городах, видя по дорогам большое количество евреев-разносчиков и не углубляясь в самую жизнь горских евреев, путешественники выводили заключение, что они занимаются преимущественно торговлей. Однако не трудно заметить, что главные занятия горских евреев заключаются: а) в обработке земли, в возделывании полей, на которых сеют пшеницу, ячмень, маис, рис, в разведении виноградных и фруктовых садов, в культивировании марены и овощных растений; б) по обрабатываемому производству: в выделке сафьяна, кож из сырых шкур, которые получают они или от своих домашних животных, или у туземцев за деньги, или у своих братьев, владеющих стадом коров, баранов, коз, лошадей, и, наконец, в шелководстве и в приготовлении сыра, масла из буйволиного и овечьего молока. Сеянием хлеба занимаются горские евреи исключительно в Кюринском и Кайтако-Табасаранском округах Дагестанской области и в некоторых местностях Бакинской губ. Мне, например, пришлось в этих местах видеть аулы горцев-евреев, которые исключительно заняты земледелием и не имеют ни одной лавчонки или торговца; к ним могу отнести: Джерах, Нюг-ди-Мюшкюр, Мамрача и др. (Кюринского округа), Афтаран (Бакинской губ.). В этих местах встречаются тройкого рода хлебопашцы: а) те, которые имеют земли, земледельческие орудия, сеют и пахнут землю; б) те, которые, не имея земледельческих орудий или достаточного количества людей для обрабатывания полей, отдают другим туземцам свои земли на доли и потом сами жнут и снимают хлеб и с) наконец, которые, не имея ни земли, ни орудий, нанимаются пахать землю, сеять и снимать с полей хлеба за известное вознаграждение. Этих последних очень много в аулах, и они обозначены у меня под рубрикой "рабочих семейств". Второй род хлебопашцев в виде

платы обрабатывающим их поля и сеющим их хлеб дают в иных местах $\frac{1}{2}$ всего сбора, в иных один "саб" (около четверти) за "капан" (десятина = 4 капанам, 1 капан = 3 саб). В статистической таблице выведено, что число всех хлебопашцев 1-го рода равно 143 семействам, а второго — 208 и отдельно:

в городах	1-го рода	21,	второго	19
в аулах	" — "	122	" — "	189

Из последних чисел замечаем, что в городах очень немногие занимаются хлебопашеством. Приводя эти числа на 100, находим подъемное отношение их:

в городах	1,99% — 1,25%
в аулах	4,71% — 7,30%
и в среднем	3,05% — 4,27%

Числа 3,05% — 4,27% в среднем, или еще лучше 4,71% — 7,30% в аулах показывают, что хлебопашцев второго рода гораздо больше, почти вдвое, чем первого. Это объясняется тем, что у горских евреев, во 1-х, почти совсем нет земельных владений для посева хлеба и, во 2-х, нет у них домашних животных, которые облегчали бы им труд возделывания полей. На вопрос мой имеющим землю, помнят ли они, как, когда и от кого из предков остались им такие-то земли, которые в данное время обрабатываются ими, они, бывало, отвечают, что они куплены ими, их отцами и не далее как дедами. Но у них во многих местах есть другие земли, которые числятся за ними, но которыми фактически они все могут владеть. На такие земли указали мне в городах Дербенте и Куббе и во многих других аулах недалеко от ущелья Малого Кавказского Прохода (Дербентского). Близ Дербента есть местечко горских евреев, носившее наименование "Аба-Сава". Оно было разрушено в 1800 году (5557-м от сотворе-

ния мира) Кумыкским Шамхалом Сурхал-ханом, и евреи поселились в Дербенте, купив каждый себе землю под сады и дома. Все время земля эта в количестве 1000 кап. или 250 десят. считалась собственностью горских евреев, пока у них не отняли ее во времена мюридизма. Но так как бумаги о принадлежности этой земли горским евреям сохранились³, да и многие из татар не отрицали их право на нее, то, после замирения Кавказа, горскими евреями гор. Дербента было подано правительству прошение об утверждении за ними земли, оставшейся им от их предков. Между тем на эту землю стало изъясвлять свои притязания дербентское население туземцев. Эта тяжба, благодаря массе доказательств, была решена правительством в пользу горских евреев. Но несмотря на это, горские евреи и теперь не могут вступить во владение этой землей, так как мусульманский наследный хан грозит убийством всех евреев, если только они разделят ее между собою и станут возделывать. Несколько раз, говорят, были столкновения, кончавшиеся страшными драками, но администрация бездействует, и мусульмане препятствуют фактическому владению этой землей горскими евреями. Поэтому никто из них не осмеливается приступить к ней, и эта земля или остается необработанной, или отдается в аренду за ничтожную сумму.

Но эта земля все-таки считается святынею у горских евреев, и они раз в год⁴ идут поклониться туда могилам своих отцов (Там находятся еврейские кладбища с сохранившимися еще еврейскими памятниками на могилах⁵). Они, по-видимому, ничуть не жале-

³ Бумаги эти находятся у главного дербентского раввина Якова Ицхакевича.

⁴ В день разрушения Иерусалима.

⁵ См. путешествие Иуды Черного по Кавказу под заглавием "Кавказские евреи".

ют о том, что сила не дает им владеть их собственностью, говоря, что "видно это есть воля Господня". А между тем сколько безземельных несчастных горских евреев г. Дербента, которые все время проводят в заработках в чужих аулах или нищенствуют в Дербенте! Тоже самое можно сказать о Кулкате, близ г. Кубы, Чуһут-Тебе, близ Кара Кураша (Кайт. окр.), Дарай Татаул, близ сел. Карабдакента, о земле, принадлежащей жителям нашего аула Тарки, и о множестве других. Многие из этих земель даже сами туземцы называют "чуһут", т.е. еврейскими, а между тем, не имея никакого права и документов, владеют ими сами, или, хотя и считают земли собственностью горских евреев, но не позволяют им обрабатывать их и вообще пользоваться ими.

Всем, изучившим хорошо Кавказ, но не так, как авторы "Воинствующего Израиля" и "Кавказских евреев", известен факт, что первые горские евреи начали обрабатывать недоступные клочки Кавказа, сеять на них рис, маис, пшеницу, разводить виноградные и фруктовые сады, культивировать марену, шелковичные деревья, овощные растения, заниматься различными обрабатывающими производствами вроде выделки сафьяна, кож, тканей, вязания и вышивания различных материй и пр. Для доказательства я приведу несколько мест из одной статейки под заглавием "Даг-Чуфут", помещенной в газете "Кавказ" № 77 за 1885 г. Автор, некто Б.Ф., говорит в ней следующее:

«Местные евреи Северного Кавказа известны под наименованием "Даг-Чуфут". Они живут небольшими обществами в Дагестанской, Терской и Кубанской областях, ведут свое происхождение от персидских евреев, зашедших в Дагестан в глубокой древности и оттуда уже, вследствие разных невзгод, искав-

ших приюта между кумыками, князя которых ценили высоко их способности в торговом отношении и воспользовались их искусством в разведении марены, виноградных и тутовых садов и сарачинского пшена (рис). Евреи эти, еще до владычества русских на Кавказе, основали свой поселок в Андреевском ауле на Кумыкской плоскости, а потом во времена генерала Ермолова им для жительства и пользования землею была указана местность "Портыч" на Терекке — между нынешними станицами Шелководской и Щедринской, но вследствие нападения горцев они расселились в аулы: Андреевский, Ташкечи, Казий-Юрт, Хасав-Юрт, Костек, Грозный, Нальчика, где и живут теперь; с русскими евреями ничего общего они не имеют, кроме религии, но и в сей последней есть немало уклонений и своеобразных особенностей.

За заслуги свои и усердие многие из горских евреев были награждены золотыми и серебряными медалями и ценными подарками от генералов: Ермолова, Вельяминова, графа Паскевича и фельдмаршалов князей Воронцова и Барятинского. Несмотря на тревожную жизнь, в которой жили предки и отцы нынешних евреев, они не оставляли своих мирных занятий, вели торговлю в мирных и неприязненных аулах, сеяли марену, гнали из винограда и фруктов водку и спирт, разводили шелковицу и первые из горцев стали посещать отдаленные места России и ярмарки, а своею деятельностью и личным примером немало способствовали развитию разных промыслов в кругу горцев. В настоящее время горские евреи, как отнесенные русским правительством к числу покоренных кавказских горских жителей, пользуются всеми правами горцев, избавлены от воинской повинности, наделяются землею наравне с теми жителями, где живут, платят подати и несут одинаково с горцами по-

винности натурой. Вследствие возбужденного акцизным ведомством вопроса о праве торговли горскими евреями разными напитками в прошлом году последовало правительственное распоряжение о предоставлении им этого права, не смешивая их с русскими евреями, с которыми они общего ничего не имеют».

Вот слова, которыми говорит человек, знающий хорошо судьбу, положение и занятия горских евреев, хотя, говоря о наделении их землею наравне с другими, их окружающими туземцами, и он ошибается. Правда, некоторые аулы или города наделены достаточным количеством земли, но и безземельных аулов горских евреев очень много. Особенно счастливо наделены горские евреи в г. Дербенте, где почти на всех землях разведены богатые виноградники, и затем города Хасав-Юрт и Грозное, сел. Карчаг, Джерах, Нугди-Мюшкур, Ханчал-Кала, Хошмензюл, Мамрача, Афтаран и несколько других. Благодаря этому мы и не находим в этих аулах той крайней нищеты, которая господствует в других, не имеющих земли аулах. В статистической таблиц находим мы относительно земли следующие данные:

в городах	8841	капан = 2210,25 десятин
в аулах	7978	капан = 1818,25 десятин
итого:	16,114	капан = 4028,5 десятин.

Раскладывая эту землю между всеми жителями, мы замечаем, что на каждый дым приходится только:

в аулах	2,81 кап. = 0,70 десят.
в городах	5,86 кап. = 1,46 десят.
в среднем	4,38 кап. = 1,03 десят.

а на душу:

в аулах	0,72 кап. = 0,18 десят.
в городах	0,74 кап. = 0,19 десят.
и в среднем	0,73 кап. = 0,18 десят.

При этом не следует думать, что эти земли все годные для посева; они обнимают и посевные поля, и покосы, и лес. Числа же 0,74 в городах и 0,72 в аулах показывают, что в городах жители владеют гораздо большим количеством земли, чем аульные. На самом же деле на один Дербент и Кубу приходится около 1500 капанов или 375 дес. земли, непригодной к делу или приносящей обществу ничтожный доход. Если исключим эти 375 дес., приходящихся на долю 2-х только городов, то заметим, во-первых, что городские евреи, за исключением владельцев садов, вовсе не наделены землею под посев хлеба или под покос. На самом деле это так, и городские жители из горских евреев никогда не наделались землею. Если кто из них и имеет землю, то она предназначалась для посева марены, которая имела в промышленности большое значение лет 10—12 тому назад. Главную причину теперешнего бедствия жителей Кавказа, не только горских евреев, но и других туземцев, объясняют падением цены на марену, разведением которой занимались повсеместно. В настоящее время она до того потеряла значение, что ее и не выпаживают из земли. Сеять марену было выгодное предприятие для каждого. Каждый, имевший несколько сот руб., спешил тогда купить участок земли и посеять семена марены. Через три года она давала уже достаточной толщины корни, которые и пускались в продажу. Корни эти выкапывались не до основания, а около аршина. Затем они присыпались землей и оставались до будущего года, когда вновь выкапывались и засыпались землею. Это был вечный кусок хлеба, так как за корнями марены не было никакого особенного ухода, и она сеялась раз на 15 и даже 20 лет. При цене в 15, 10, 8 руб. хозяин нанимал несколько десятков рабочих и получал хороший барыш. Но вдруг вышла французская краска *ализарин*, которая могла с

большей выгодой и удобством заменять марену, и последняя упала в цене и в продолжение 5 лет с десяти рублей спала до двух руб. Тут почувствовалась невыгодность копать ее, и в настоящее время немало полей Кавказа хранят в своих недрах стволы марены, достигающие все больших и больших размеров в толщину. С падением марены обеднело множество собственников, затративших последнюю копейку на нее, и масса работников осталась без средств к жизни. Далее следует отметить, что, исключив 1500 кап. или 375 дес. из общего числа 16 114 кап. (4028 дес.) и распределив остающееся число 14,614 кап. между 4090 дымами, мы найдем, что на дым приходится только 3,56 кап. или 0,89 дес. годной и негодной земли.

Приводя количество домашних животных у горских евреев, мы должны также, к сожалению, сказать, что и в них чувствуется большой недостаток. Из домашних животных более распространены у горских евреев лошади, коровы, буйволы, ослы, овцы и козы. Редко кто из горских евреев владеет большими стадами и табунами, и большей частью скот встречается в очень ограниченном числе. Из домашнего скота насчитывают:

	рогатого скота	лошадей и ослов
в городах	735	389
в аулах	1318	462
и в среднем	2048	851

Относя их к дымам находим, что на каждый дым приходится:

	рогатого скота	лошадей и ослов
в городах	0,48	0,25
в аулах	0,50	0,14
и в среднем	0,49	0,19

или же всех домашних животных и в среднем отношении приходится:

на каждый дым	0,68
на душу	0,13

Самыми полезными животными для горца являются буйвол и осел. Буйволы дают им прекрасное густое молоко, а осел замечателен по выносливости. В Бакинской губ. кроме них между домашними животными находится и верблюд.

Говоря о рабочих, мы нашли причину их стесненного положения, во-первых, в неимении земли, земледельческих орудий и домашних животных, во-вторых, в падении марены. Особенно много рабочих в городах, где они часто, не находя никакой работы, остаются без всякого средства к существованию и увеличивают собою класс нищенствующих. По моим исследованиям, их оказывается:

в городах	463 семейства	с 1805 рабочих душ
в аулах	989	887
и всех	709 семейства	с 2199 рабочих

или, вычислив число рабочих в каждом рабочем семействе, находим:

в городах	3,9
в аулах	1,6
и в среднем	2,7.

Большинство этих рабочих лишены даже убогой сакли в родном ауле и должны жить за плату у других. В моей статистической таблице под рубрикой "число имеющих дом или саклю" означено:

в городах	1261
в аулах	1195
и всех	2456,

и следовательно, вычтя из всего числа дымов горских евреев (именно 4090) эту цифру, находим, что почти $\frac{2}{3}$ всех горских евреев живут за плату в чужих домах ила саклях, и это приблизительно:

в городах	0,27%
в аулах	0,54%
в среднем	0,36%

Из всех этих данных невольно приходится заключить, что экономическое положение горских евреев довольно печально, и может подняться только тогда на сколько-нибудь, когда горские евреи будут наделены землею. Недостающий хлеб и крупный рогатый скот покупается ими за деньги у туземцев или христиан, занимающихся вблизи хлебопашеством, или доставляется меновой торговлей на фрукты, сафьян, табак и пр.

Как сказано выше, садоводство занимает видное место в занятиях горских евреев. Сады сосредоточены главными образом в аулах, но большее число их в 2-х, 3-х городах, именно Дербенте (160), Хасав-Юрте (12) и Кубе (8) поднимает общее процентное отношение садов в городах против аулов. Так, в нашей таблице показано:

	число садов
в городах	191
в аулах	149
всех	340

Взяв их по отношению к дымам и душам находим:

	по дымам	по душам
в городах	12,66%	1,72%
в аулах	5,75%	1,48%
в среднем	9,4%	1,60%

Табакководством занимаются горские евреи тоже в большом количестве, даже большем, чем садоводством, особенно в аулах; затем следует кожевничество; эти два промысла проникли особенно в низшие слои горско-еврейских общин. Вместе составляют занимающихся ими около 24% всего народонаселения, отчего в иных местах между туземцами эти занятия и служат нарицательным прозвищем горских евреев, так что нередко слышишь, как татары зовут их "тамаку" (табак), "сактиян" (кожа) и "тавук пук" (птичий помет). Дело в том, что при выделке сафьяна и кож употребляется птичий помет, который горские еврей-кочевники собирают по аулам; но таким грязным и нечистым делом, как говорят татары, могут заниматься одни евреи, а никак не правоверные мусульмане, откуда и назвали "тавук-пук". Под табачные плантации отводятся земли, изобилующие водой. У одних он собственный, у других — арендованный на известное число лет и за известное вознаграждение. Тут обыкновенно поступают так же, как при отдаче земли под посев хлеба; именно на $\frac{1}{3}$ всего сбора, или наполовину, смотря потому — близко ли вода от плантации или нет. Вода требуется растущему табаку в громадном количестве. День — два без воды, и он вянет и начинает сохнуть; точно так же относится к воде рис, сеянием которого особенно много занимаются горские евреи в Кюринском и Кубинском округах.

Пользование сельской водой производится также по обычным правилам. Во-первых, она проводится из реки или источников каналами через весь аул, где на всем пути построены небольшие мельницы, и она служит для всех двигателем мельничных колес. Во-вторых, каждый околоток или соседство имеет свою канаву, идущую от главного канала, и по которой могут только в известные, назначенные поочередно

дни пускать воду в свои сады, огороды и плантации. Когда одно "соседство" (часть аула) принимает воду и раздает по частям всем своим членам, все другие соседства или кто-либо из его членов не должны открывать своей канавы, в противном случае от нарушителя порядка, как от вора, взимается известная штрафная сумма; иногда, если воды много, берут ее сразу 2 — 3 соседа.

Раздача воды по очереди происходит 6 дней, а в 7-ой, именно в пятницу, она поступает в пользу общества. В этот день продают с аукциона пользование всею отпускаемою водой. Тогда никто из аульных не имеет права брать и капли воды. Пользование в этот день водой обходится от 2-х до 5-ти, 6-ти руб., смотря по времени года. Незаконное пользование водою бывает часто причиной ссор, драк и даже убийств между различными членами соседств или покупателями воды в этот день. Иной, положим, пропустил свою очередь по какому-нибудь случаю и вот видит, что ждатель следующей очереди — значит подвергнуть засухе все, что у него в саду, в огороде или плантации; на аукционе же страшно набивают цену, когда чувствуется общий недостаток в воде. Вследствие этого, не долго думая, открывает он свою канаву и пускает к себе небольшую струю воды, расширив или сузив в канаве ход. Между тем на местах получения воды чувствуется недостаток, и к каналу посылаются работники с железными лопатами. Они находят нарушение порядка и, предположив, что, может быть, оно случайное, запирают вход и уходят. Опять чувствуется уменьшение воды, опять находят нарушение порядка — вор вызывается, и происходят споры, драки, доходящие и до кинжалов. Иной же, пожелав разом пустить к себе порядочное количество воды, останавливает и мельницы, отчего происходит целая свалка.

Табак горских евреев, хотя низшего сорта по се-
мени, выходит очень крепким и недурного качества,
так что русский табак, если и бывает в этих местах,
почти не употребляется. То же можно сказать и от-
носительно кожевничества. Специалисты по обра-
ботке сырых шкур находят кожи и сафьян, изготов-
ленные горскими евреями, очень порядочными и
крепкими. Кожевенные заводы их в аулах бывают
тут же рядом с их саклями, а в городах — за чертой
города. Поэтому при входе почти в каждый аул гор-
ских евреев, занимающихся кожевничеством, слы-
шен особый запах от гниения различных веществ,
а за аулом — вечный дым, вечная копоть. Последнее
происходит от того, что зажигают целые горки на-
воза, и не в одних только аулах горских евреев, но и
у всех туземцев Кавказа. По статистике число ко-
жевников и табаководов выражается в следующих
цифрах:

	кожевники	табаководы
в городах	89	800
в аулах	158	397
всех	247	697

или же в процентном отношении по жителям:

	кожевники	табаководы
в городах	5,90%	19,89%
в аулах	6,10%	15,84%
в среднем	6,00%	17,61%

Отсюда видим, что кожевничеством занимаются
больше в аулах, а табаководством — в городах. Но
последнее несколько неверно, так как вышесказан-
ное процентное отношение зависит от большого
числа табаководов в одном только г. Кубе где имен-
но их 300 семейств. Наконец, на что можно обратить
внимание в статистических данных — это число

шелководов и ремесленников. Оба промысла находятся в жалком состоянии у горских евреев: несмотря на то что предки нынешних горских евреев были первыми шелководами на Кавказе, несмотря на прививающиеся там с успехом шелковые деревья, сами горские евреи до того позабыли переданное им отцами искусство, что в настоящее время они совсем уже не занимаются им. Оказывается, что на все 4090 дымов народонаселения и на 38 местах их жилиществ между горскими евреями шелководов и ремесленников считается только 27 семейств. Так или иначе приходится заметить, к сожалению, что у горских евреев нет никакого желания заниматься каким бы то ни было ремеслом. Их не привлекают даже и общекавказские, туземные ремесла. Сколько ни приходилось мне слышать о кавказском оружии, но однако ж не пришлось видеть ни одного горского еврея не только оружейного мастера, но и простого слесаря.

Исследовать причину этого не совсем симпатичного отношения горских евреев к шелководству и ремеслам, мне кажется, трудно, но однако ж все-таки можно полагать, что, во-первых, ремесленники, за исключением немногих, почти не требуются в жизни туземцев, а во-вторых, что искусства эти не находят ни поощрения, ни вознаграждения за труды.

Представив отдельно данные числа и вычислив по ним процентное отношение шелководов и ремесленников, мы заметим, что:

	шелководов			ремесленников		
в городах	4 или	0,12 %		в городах	22 или	1,45 %
в аулах	23 "	0,74 %		в аулах	5 "	0,19 %
всех	97 "	0,43 %		всех	27 "	0,82 %

Резюмируя все сказанное, занятия горских евреев распределяются по жителям следующим образом:

	в городах	в аулах	в среднем
садов	12,66%	5,75%	9,20%
лавок } мануфактурных	6,56%	0,61%	3,58%
	бакалейных	4,88%	5,37%
разносчиков	2,32%	8,38%	5,35%
хлебопашцев 1-го рода	1,39%	4,71%	3,05%
хлебопашцев 2-го рода	1,25%	7,30%	4,27%
рабочих семейств	30,80%	9,23%	20,01%
кожевников	5,90%	6,10%	6,00%
табаководов	19,89%	15,34%	17,61%
шелководов	0,12%	0,74%	0,43%
ремесленников	1,45%	0,19%	0,82%
Итого:	87,22%	63,72%	75,47%

Наконец, ради большей полноты статистических сведений *о горских евреях* представлю некоторые данные за 4 года о движении населения горских евреев в городе Дербенте. Эти сведения даны мне уважаемым дербентским рабби, Яковом Ицхаковичем, и могут считаться достоверными [см. табл. на стр. 54. — *Рег.*]

Говоря о неприязненных отношениях горцев-евреев к европейским евреям и о причинах этих отношений, я коснулся между прочим и религии и сказал, что многое, чего нет у вторых, есть в религии первых и наоборот. Это различие мы видим в некоторых религиозных обрядах и обычаях, сохранившихся в религии горских евреев и прямо противоречащих духу и требованиям иудейской религии, так как некоторые обычаи горских евреев носят языческий характер. К ним относятся празднества в честь некоторых древних богов, много народных верований, обычаи

Год	Число ауш		Число умерших		Число родившихся		Ч. браков	Ч. разводов	Число умерших по возрастам									
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.			от 1—10 лет		от 10—20 лет		от 20—30 лет		от 30—40 лет		от 40—50 лет	
									муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.			муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
в 1882 г.	826	781	17	12	57	42	44	1	5	9	—	—	—	3	—	1	—	
в 1883 г.	856	814	22	13	52	46	30	1	10	4	2	5	2	—	1	2	1	
в 1884 г.	864	836	35	22	43	43	17	2	22	16	1	—	1	—	7	1	—	
в 1885 г.	888	858	29	19	53	41	25	4	18	9	—	3	3	—	3	—	1	

Год	Число ауш		Число умерших		Число родившихся		Ч. браков	Ч. разводов	Число умерших по возрастам										Незаконнорожденных
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.			от 50—60 лет		от 60—70 лет		от 70—80 лет		от 80—90 лет		от 90—100 лет		
									муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.			муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	
в 1882 г.	826	781	17	12	57	42	44	1	2	1	1	4	1	1	1	1	1	—	нет
в 1883 г.	856	814	22	13	52	46	30	1	1	—	3	1	1	1	—	—	—	—	нет
в 1884 г.	864	836	35	22	43	43	17	2	1	—	—	1	1	3	1	1	1	—	нет
в 1885 г.	888	858	29	19	53	41	25	4	1	1	2	3	1	3	—	—	—	—	нет

кровавой мести и пр. Горские евреи, хотя и уверены в существовании единого Бога, но предполагают, что кроме него есть и другие необыкновенные существа божественного происхождения, которые пользуются покровительством Бога во всех своих предприятиях и имеют обширную власть над природой и человеком. Некоторые из этих божеств видимы и являются человеку в образе какого-либо животного, чтобы наказать его за тот или другой проступок или наградить за доброе дело. К видимым божествам относят: Нум-Негир, Ожденое-мар, Илеп-Нови, Шехаду, Сер-Ови или Дедей-Ол и др.⁶ Большой же частью божества невидимы и, повелевая природой, производят различные явления, заставляющие человека или радоваться, или приходить в ужас, чем они обнаруживают людям свою благосклонность или напротив свой гнев. Из невидимых божеств особенно почитаются горскими евреями: Идор, Земирей, Гудур-Бой, Кессен-Бой.

Правда, в последнее время горские евреи, знакомясь с европейскими или русскими евреями, у которых вполне установлены законы Моисея, начинают постепенно очищать свою веру от прежних языческих верований и забывают своих второстепенных богов, но к таким пуристам относятся только городские евреи или те, которые имеют раввина, получившего иудейское образование между русскими евреями или у какого-либо своего святого рабби. Но жители аулов, которые продолжают жить в первобытном состоянии, чтут этих духов и теперь и справляют в известные дни и времена года различные церемонии.

Родившись в ауле и выросши в нем, я сохранил в памяти множество сцен из быта нашего народа, которые дают мне теперь некоторое понятие о его верова-

⁶ Буквой h мы передаем звук, тождественный с немецким h и латинским h.

ниях. Основываясь на этом, я опишу эти божества горских евреев и народные праздники, устраиваемые в честь их. По своим свойствам, как сказано выше, духи делятся на видимых и невидимых, а по качествам — на добрых и злых. Одни из них постоянны в своих свойствах, а другие изменяются сообразно с поступками людей, которым они покровительствуют, т.е. иногда делаются для них добрыми, иногда злыми. К последним относятся: Нум-Негир, Земирей, Гудур-Бой, Кесен-Бой и Сер-ови, а к первым — Илеһ-Нови, Ождеһоје-мар и Шаһаду, из которых два первые духа добрые, а последний злой. Божество Нум-Негир, принадлежащее перемененно к добрым и злым, смотря по заслугам человека, считается покровителем путников и семейного плодородия. Чтобы приобрести его расположение, нужно уважать ближних и их детей, как своих собственных, и быть ласковым к странникам. В этом случае оно является человеку в виде белой каменной куницы, которая проносится мимо с быстротою молнии и исчезает моментально из вида, не дав ему опомниться. Тогда человек вполне может надеяться на счастливый исход своего предприятия и на благополучное возвращение из путешествия. Если же это загадочное животное прошло между ногами человека, то непременно быть беде, и человека будет вечно преследовать горе. Тогда все семейные несчастья взваливают на Нум-Негира, и болезни новорожденных детей объясняются тем, что детей "держит" (душит) Нум-Негир за грехи родителей.

Вообще же Нум-Негир совсем не почитается горскими евреями, потому что очень мало счастливцев, которых встречало бы оно приветливо и не проходило им между ногами. Одно имя его⁷ приводит бед-

⁷ Нум-Негир происходит от "Нум" (имя) и "не гюде" (не держать, не произносить). По поверию нельзя произнести настоящего имени Бога, и оно никому не известно, так же и имя Нум-Негира.

ных родителей в панический страх за жизнь своих новорожденных. Как только началась детская болезнь, состоящая обыкновенно из частых вздрагиваний малютки и неистового плача, при котором является на губах его красноватая пена и на лице особенная бледность, знахарками произносится над ним смертный приговор, что действительно и сбывается через два — три дня по рождении. Бедные родители, жаждущие хоть одного живого ребенка, никак не могут умиловить грозного божества и заслужить у него прощения за свои грехи. Они перемещают место жительства, продают новорожденного тотчас после появления его на свет старухам-знахаркам, чтобы выкупить его после, — все тщетно! Они принуждены до поры до времени или всю жизнь свою покоряться злему существу и не иметь детей. Бедная мать! Она каждый год рождает детей, каждый год с трепетом ждет появления роковой болезни, которая ей причиняет столько горя и несчастия!

Но мне кажется, что здесь главным образом виноваты наши "момои" (бабки) и знахарки, которые, как заметят что-нибудь в ребенке, сейчас начинают давать ему лекарства (травы) и употреблять над ним различные колдовства и "бабьи средства". При этом ребенка пропускают через железный треножник (на котором ставится котел на очаг), проводят сквозь окна, двери, заключают его в сундук и предают различным подобного рода истязаниям. Если по какому-нибудь чуду спасается ребенок, то это, конечно, приписывается знахаркам. Отсюда понятно, какое они имеют значение в народе. Как только случилось что-нибудь, сейчас прибегают за помощью к "момоям" или "полчи" (колдуньям). Они приглашаются не только для лечения маленьких, но также к взрослым. Кроме трав для лечения употребляются ими еще различные

масла, соли и мясо животных, как, напр., летучих мышей, ежей, крыс, кровь черных или белых птиц с молоком и пр. Раны же лечат большей частью печенью, курдючьим салом и тестом, которое смешивается с сахаром или медом. Самое же главное, без чего не обходится никакой опасной больно́й, есть "һейкель" (талисман), который имеет вид равностороннего треугольника из сукна или кожи, украшенного галунами. Он пришивается или под мышкой, или на спине на верхнем платье, а иногда висит на шее на шнурке. Этот талисман заключаете в себе, смотря по роду болезни, разные травы и камни, которые обматываются несколько раз шелковыми или шерстяными нитками, имеющими также различное значение; над ними нашептывают и производят различные реакции над парами воды, спирта и пр.

Ождеһоје-мар⁸ и Сер-ови имеют такое же значение, как *домовые* и *водяные*. Домовой изображается в виде семиглавой змеи, обитающей или под полом и в фундаменте, или в потолке, около верхней полки (в стене), этой змеи никто не видит, потому что она не выходит из своего гнезда, но она посылает своих детей, которые не причиняют хозяевам дома никакого вреда, лишь бы они не убивали их и не трогали. Сильно верующие в это ставят на полку чашку меда и думают, что сама Ождеһое-мар выходит из гнезда, чтобы попробовать и оценить достоинство жертвы. Это божество относится к добрым и заботится о благосостоянии семьи.

Сер-ови⁹ — водяной — имеет образ воздушной девы, белой как снег. В лунную ночь она сидит над фонтаном и охраняет воды, чтобы люди не бросали в

⁸ Ождеһоје-мар происходит от слов "ождоһо" — чудовище, исполин и "мар" — земля.

⁹ Сер-ови происходит от "сер" — глава и "ови" — вода.

них нечистоты. Иногда же Сер-ови манит молодых людей к себе и топит их в воде, а стариков не трогает. Но Сер-ови, по поверию народа, ужасно боится була-та и убегает при виде его. Поэтому, когда идут ночью за водой, то берут какую-либо стальную вещь, которой все время размахивают в воздухе и над фонтаном. Ввиду этого большинство мужчин и женщин носят на большом пальце булатные кольца. В темную ночь Сер-ови преобразовывается и расстилается над водой в виде черного тумана.

Относительно Сер-ови, или, как ее иначе называют, Дедей-ол (или ов — вода, т.е. Мать воды) рассказывают еще следующее интересное предание.

Дедей-ол особенно старается обмануть или ввести в заблуждение беременных женщин или рожениц. Поэтому у горских евреев никогда нельзя оставить роженицу одну в комнате. В последнем случае Дедей-ол приходит к ней в образе какой-нибудь ее родственницы, обманывает ее, приближается к ней, незаметно снимает с нее одеяло и затем вынимает некоторые ее внутренности, как-то: сердце, печень и легкие. Рассказывают, что одна мамой (бабка) принимала у одной женщины ребенка и вышла куда-то на минутку, оставив роженицу. Пришедши к роженице, она видит большое кровавое пятно в виде ладони и пальцев как раз над дверью и затем страшно бледную, почти полумертвую больную. На ее вопрос, что все это значит, больная говорит, что к ней приходила сейчас такая-то ее родственница, приблизилась к ней, превратилась в страшную женщину и вынула ее внутренности. В то же время шел мимо реки живший в этом же ауле один благочестивый человек и увидел женщину во всем белом с длинными волосами, стоящую с засученными рукавами у берега и полоскающую человеческие внутренности. Тут же он вынимает кинжал, бежит за ней и кричит, чтобы она положи-

ла их обратно, откуда взяла. Она действительно возвращает их и исчезает, но вместе с тем проклинает того человека, чтобы от него не осталось и семени, что действительно и случилось: у него умерли все дети и родные. Рассказывают, что старик, догоняя Дедей-ол, отрезал даже у нее одну косу, которую держал у себя и которую видели еще не так давно очень многие.

Илеһ-Нови составляет соединение личности Ильи пророка с богом богатства. Он исключительно является в ночь с субботы на воскресенье, почему эта ночь носит имя Шев Илеһ-Нови (Ночь Ильи пророка). Он показывается людям в двух видах: или в виде гостя, одетого бедно, или в виде белого духа с огромной бородой. В первом случае он приходит в дом и просит "принять гостя". Поэтому в ночь Илеһ-Нови всякий из мужей приказывает своим женам варить "хинкал", несмотря на то что они упорствуют, так как возня за этим кушаньем продолжается глубоко за полночь и за приготовление нужно приняться по закону Моисея после 8-ми часов вечера (субботы). Редко это приказание мужей не приводится в исполнение, ибо в противном случае они наносят бедным женам страшные побои. Бить жену в эту ночь, если она не соглашается сварить хинкал, считается даже за подвиг благочестия, потому что это делается единственно в честь великого гостя, который может вздумать завернуть к хозяину, чтобы испытать его. Конечно, тот, кто удостоился иметь Илеһ-Нови гостем в эту ночь и накормил его хинкалом и вином, вскоре после этого посещения окружается всеми родами богатства. А тот, который был богат и не принял его в рубищах, постепенно начинает беднеть и наконец впадает в нищету.

В виде же белого духа Илеһ-Нови является также в эту ночь (только в лунную) и бывает главным обра-

зом в нечистых уголках и на навозе. Увидев его в подобных местах, человек не должен пугаться и бежать или произнести слово "вой!" (горе!). В первом случае он будет несчастен и дойдет до нищеты, а во втором заболит и умрет. Если же он встретит Илеһ-Нови с поклоном или скажет слово приветствия "шолум-алихим" (да будет тебе привет) или же одно слово "бой" (богатый), то ему быть счастливым и богатым. По народному поверью Илеһ-Нови посещает также в виде бедняка свадебный пир, и если его пригласят и посадят между почетными гостями, то жизнь новобрачных будет счастлива, если же не обратят на него внимания и не пригласят его, то один из новобрачных умрет, может быть, уже в первую ночь. Поэтому горские евреи приглашают всех в ауле или городе на свадебное торжество и бедняков сажают между самыми богатыми.

Об Илеһ-Нови рассказывают еще следующий случай. В Маджалисе был один богач по имени Курах, который имел большие стада овец и коров. Однажды пришел к нему Илеһ-Нови и попросился к нему в гости. Так как не принимать гостей, по обычаю, было нельзя, но в то же время хозяин был очень жадный скряга, то и велел зарезать для гостя кошку вместо барана. Гость, не подавая вида, что знает обман, съел кошку и проклял хозяина. Тогда все стада Кураха вместе с пастухами превратились в камни. Горские евреи и теперь указывают на множество камней, разбросанных недалеко от Маджалиса и напоминающих формами некоторых домашних животных и называют их Гелей-Курах, т.е. стадо Кураха. Рассказывают, будто явственно видны пастух, облокотившийся на посох, пирог, лежащий на сковороде, котел и прочая пастушья утварь.

Шеһаду есть нечистый дух, принимающий всевозможные образы, чтобы свести человека с пути

истины. В его ведении находится множество других духов, которые по приказанию Шегаду вселяются в душу человека и управляют им произвольно. Дети этих духов обитают в недрах земли, где находятся и палаты их, и жены. Когда нечистый дух входит в душу человека за какую-либо вину его, то человек делается сумасшедшим, т.е., по горски "шегадуни" — водящимся с нечистым духом. Шегаду ужасно не любит, чтобы горячую воду лили на землю, потому что она, всасываясь, начинает жечь детей нечистых духов, которые стоят часто почти у поверхности земли и любят дела отцов. За подобное слушание Шегаду посылает одного из своих подданных к человеку, которого тот схватывает за сердце и горло и хочет душить. В это время изо рта и носа идет у человека кровь, обильная пена, и он начинает сильно хрипеть от удушения. Таким образом делаются с человеком припадки. Полное сумасшествие объясняется тем, что у Шегаду очень мало подчиненных как мужского пола, так и женского. Особенно не хватает у него для своих духов женщин, почему он и старается заманить их к себе. Для этого он посылает по разным местам в темные ночи духов, которые принимают образы людей, близких тем, которых они хотят взять. Пришедши к дому, они начинают стучаться и кричать голосами знакомых, чтобы отворили дверь или ворота. Хозяева, не замечая обмана, выходят и видят пред собою своих знакомых, которые зовут их на улицу или за город, говоря, что приехал такой-то или уезжает и желает видеть их. Люди идут за ними, но духи, вышедши из аула, схватывают их и влекут в пропасть, к своим жилищам. Там они кормят своих пленных различными кушаньями и напитками, после чего люди сходят с ума и поступают к ним на службу. Женщины же выходят замуж за духов и остаются на веки в подземном царстве. Рас-

сказывают, что некоторые мужчины возвращались из этого царства, но опять были уводимы. Многие же из них, услыша зов духов, опоясывались кинжалом и выходили. Заметив обман, они вынимали кинжалы из ножен и водили ими вокруг себя, после чего духи рассеивались и исчезали. Но рассудок этих людей все-таки омрачался, и они делались сумасшедшими. Чаще же всего случается то, что духи приходят поздно, когда все покоятся сном, и теряют много времени на вызов, на просьбы идти туда-то и туда-то. Между тем по наступлении утра духи ничего уже не могут сделать и оставляют своих пленных среди дороги, откуда они возвращаются домой сумасшедшими.

Я видел многих, которые вылечились от сумасшествия и уверяли, что видели духов, были в их домах, встретили женщину и пр. и пр. Постоянный образ этих нечистых духов, по уверениям бывших у них, представляет существо, похожее на человека и отличающееся от него тем, что оно имеет рожки и хвост, затем широкие ноги и руки с сильными пальцами, которые расположены числом шесть веерообразно друг над другом, и наконец — кривой рот с выдающимися по бокам кривыми клыками. На пальцах страшные длинные когти.

Относительно козней Шагаду еще рассказывают следующее. В селении Нуте диһе жила одна бабка, Гегей-аа. Однажды позднею ночью пришел к ней один из ее близких родственников и начал стучаться, прося ее к рожаящей своей жене. Та оделась и пошла с ним. Ночь была очень темная, и она не могла сообразить, какой дорогой они шли. Наконец видя, что дорога затягивается, она спрашивает своего проводника, куда они идут.

— К нам, — говорит он, — только мы идем другой дорогой.

Шли, шли они и наконец вошли в маленькую саклю. При входе бабки все встали с мест и стали кругом около двери. Она присела к лежавшей тут же на полу больной и начала ее осматривать. Больная начала кричать, чувствуя родильные схватки, а все, стоявшие кругом, услышав это, стали бить в ладоши и заорали песню:

"Кукле сохди, мумуни, момой! Сына дашь (сделаешь), будешь жить, бабка! Духделе сохдиге, мимири, момой! Дочь дашь, умрешь, бабка!" При этих словах бабка подняла голову, посмотрела на окружавших ее и замерла от страха. Все были с перестановленными пальцами на руках и рогами на лбу. Тут она поняла, что попала к чертям, и начала думать о своем спасении в случае рождения девочки. Она пошарила в кармане и нашла кусок воска. Через несколько времени больная родила дочь, и бабка, сделав при помощи воска из нее мальчика и показав им его, начала проситься домой. Черти упрашивали ее остаться еще на несколько дней, но бабка не согласилась. Тогда черти принесли ей целый подол золотых денег и провели ее до самого ее аула. Тут начало рассветать. Черти рассеялись, и она увидела в подоле вместо денег шелуху лука и чеснока. Она бросила ее и побежала; черти же, узнав, что она их обманула, выдав девочку за мальчика, во все следующие ночи приходили к ней и вызывали ее. Она догадывалась об обмане и не выходила. Но когда черти начали ее беспокоить каждую ночь, она положила на порог двери кусок железа и прочла главную молитву евреев "Внемли Израиль!..." Черти исчезли и больше не показывались. Относительно же шелухи лука, брошенной ею, рассказывают, что на том месте действительно была кем-то после этого найдена золотая монета. Вот почему и в настоящее время горские евреи не бросают прямо шелухи лука и чеснока ни в огонь ни на улицу,

боясь этим разгневать чертей, так как это их деньги, а аккуратно собирают ее и, поплевав на нее, сжигают ее в огне.

Идор относится к невидимым духам и считается властителем растительного царства. В честь его существует праздник, который бывает перед началом весны и называется Шев-Идор, т.е. ночь Идора. Празднество состоит в том, что каждая хозяйка собирает в продолжение года всевозможные плоды и ягоды. Некоторые из фруктов заботливо солятся хозяйками, другие сушатся. Во время вечерней трапезы, когда все члены семейства сидят кругом на полу, где на разостланном холсте расставлены тарелки с кушаньями, хозяйка собственноручно приносит на подносе эти плоды и ягоды и приветствует присутствующих словами пожелания здоровья и всех благ. Самый младший из сидящих поспешно встает и принимает со словами благодарности из рук хозяйки поднос, который ставится торжественно между кушаньями. Хозяин берет один из главных плодов и произносит молитву, приглашая других последовать его примеру. Все с усердием принимают уничтожать плоды, и хозяйка уходит на свою половину. Через несколько минут поднос пустеет и присутствующие начинают просить Бога, подняв руки к небу, чтобы Он ниспослал хороший год и обильное плодородие.

В эту ночь, по поверью горских евреев, все деревья и травы устраивают великий пир, на котором первенствующее место занимают деревья, которых плоды употребляются человеком в пищу. Между деревьями дуб считается царем, а виноград и кизил святыми, ибо первый живет дольше всех, а вторые, будучи райскими, неприкосновенны для червей. Говоря же о неприкосновенности, не надо иметь в виду сами лозы винограда или кизилловые деревья, у

которых, конечно, гниют корни, сохнут ветки, а это говорится об их плодах. Во время пира все деревья и травы, разделяясь на группы по виду и роду своему, пляшут и поют на разные голоса. К утру окончив пир, все они с музыкой и песнями отправляются к богу плодородия, который произносит каждому из них свой приговор или определяет кому сколько жить. Между ними самое печальное место занимают тополи и другие неплодоносные деревья и травы, которые с тополями во главе тянутся с плачем и воем за плодоносными деревьями и травами также к богу и начинают упрашивать его сделать их плодоносными. Бог не соглашается, несмотря на то, что они просят за это укоротить даже их жизнь, и все отправляются обратно с печально поникшими вершинами. Между тем остальная растительность хлопает листьями, шумит, поет песни и восхваляет бога, который идет впереди них, чтобы дать влагу земле. Человек не видит всего этого торжества, но слышит особенный шум, всюду раздающийся в эту ночь, к утру.

В родстве с Идором находится Земирей¹⁰, бог дождя, грома и молнии. Как только начинается дождь, дети надевают на изнанку верхние платья и папаху (шапку), надевают на голову мешок, глухим концом его, и выходят на улицу, где они, взявшись за руки и кружась то направо, то налево, поют громко песню, призывая имя Земирая. Эта песнь выражает молитву, в которой дети обращаются к Земирею с просьбой послать побольше дождя и целыми "батманами" (ведрами), чтобы растительность могла напиться

¹⁰ Слово "Земирей", вероятно, происходит от слова "зими" — земля, т.е. означает существо, заботящееся о плодородии земли ниспосланием дождя.

вдоволь. Во время же засухи горские евреи поголовно собираются на кладбища, постятся целый день и молятся Богу Отцу о ниспослании дождя, а дети, подобно предыдущему, обходят несколько раз кладбища и призывают опять Земирая. В это время некоторые из женщин заняты одеванием лягушек в одежды из шелковых материй. Как говорят они, Богу приятна такая благосклонность человека к низшему водяному животному, которое тоже начинает просить Его о ниспослании дождя, так как вода необходима и этому животному. По всей вероятности, эти церемонии, которые уже постепенно выходят из обычаев, представляют остатки прежнего почитания бога Земирая.

В некоторых местечках горских евреев, как, напр., Маджалисе, Нуге диһе (Янги-Кент) и др., молодые люди и девушки в день открытия весны идут в лес искать Шам-агажи (дерево-свечи или елку) и затем ночью из нескольких штук этих молодых деревьев разводят костер и прыгают через огонь, распевая следующую песню:

Шам-агажи, бульбуль-
агажи,
Имишев шев һеміяссали.
Иври кокил, пасул мото!

Дерево-свечи, дерево певчих
птичек,
Эта ночь — весны ночь.
Да будут на высоте евреи.
Да умрут враги их!

Девушки же чествуют весну обыкновенно перед праздником Пятидесятницы и почти везде одинаково следующим образом: они берут большой деревянный уполовник или шумовку, надевают на них платье маленькой девочки, завешивают этой кукле, как невесте, лицо платком и ходят группами с этими чучелами по домам своих односельцев собирать подарки. Тут хозяева дома окачивают водой как чучело, так и девушек, сопровождающих его,

а те бегут, хохочут и распевают хором татарскую¹¹ песню:

Тангала бизге ун герек.	Завтра, Гогиль (имя обращения), нам солнце нужно;
Турсене, гелин, турсене,	Завтра нам мука (хлеб) нужна; Встань, невестка (хозяйка), встань,
Сени кардаш боши учун Гогиль пойну берсене!	Ради братьев своих Отдай нам долю Гогия!

Отсюда и самый этот праздник называется горскими евреями Гогиль. Вероятно, это то же самое божество весны, как и Земирей, и перешло к евреям от татар, почитающих его.

Гудур-Бой и Кесен-Бой относятся к божествам осени и зимы. В настоящее время почитание их тоже почти оставлено. Но лет 10-ть тому назад я участвовал в празднествах, устраиваемых юношами в честь этих богов. В ноябре, начиная от новолуния и до полнолуния, мы вставали в час ночи и обходили весь аул до утра с песнями. Нас бывало человек двадцать в каждой группе, которые ходили по порядку через две ночи. Подходя к сакле горского еврея, один из нас стучался и произносил слово "Гудур-Бой". Хозяин или хозяйка немедленно вставали и впускали нас всех в саклю. Здесь один, знающий наизусть песню про Гудур-Бой, входил в середину круга, составленного другими, и произносил громко слова: "Гудур, Гудур, Гудур-Бой", которыми начиналась песня, на что другие отвечали: "Һоссой, Кесен-Бой". Таким образом продолжалось пение, пока не кончатся все слова песни. После этого хозяйка давала нам денег, мерку муки и кусок мяса, колбасы из баранины или курдючьего сала. Припасы

¹¹ Так как кумыкский язык или, как его называют, татарский считается между племенами Кавказа одним из господствующих и популярнейших языков, то и горские евреи стараются при торжественных случаях сочинить песни не на своем родном татском языке, а на татарском. На своем же языке у них очень мало существует песен, да и те все выражают одни грустные стороны жизни.

клали мы в мешки, которые носили по порядку. С таким пением ходили мы к каждому еврею-горцу, будили его и собирали подарки: никто нам не отказывал. К концу новолуния мы прекращали свои ночные прогулки в честь Гудур-Боя и устраивали праздник, на который редко не приходили большие. На деньги, собранные от продажи лишних припасов, мы покупали свежего мяса, фруктов, вина, крупы для плова (каши), а кушанье варили нам две женщины, выбираемые каждый год нами по очереди из своих матерей. Деньги же, полученные от хозяев во время наших посещений, мы раздавали бедным.

Обычай этот продолжался, как узнал я, почти до последних годов. Смысл песни представляет очень мало интересного, так как почти во всех местах восхваляются не сами Гудур-Бой и Кесен-Бой, которые шли однажды во время вьюги друг против друга и приветствовали друг друга, а хозяин, от которого ждут получения подарка. Запевалом несколько раз произносится имя хозяина, после чего другие по-прежнему поют: "носсой, Кесен-Бой!"

Не меньший интерес представляет, как остаток язычества, также и другое справление праздника весны некоторыми горскими евреями. В городе Кубе и теперь перед наступлением весны собираются все девушки и отправляются в лес. Тут они гадают, собирают известные цветы: подснежники, фиалки и другие, и делают из них себе венки. Затем пред возвращением домой они собирают целую кучу хворосту, щепок и тащат ее в город сообщая с парнями, являющимися к ним вечером. Это сопровождается всевозможными увеселительными песнями и плясками. Принесенная ими куча сучьев зажигается вечером, и парни прыгают чрез высоко пылающий костер. В других местах то же самое делают под русскую Пасху; тут уж поверие имеет чисто характер иудейства, именно полага-

ют, что дух Иисуса Христа витает в эту ночь над всем миром и грозит евреям бедой и несчастьем. Костер разводится с целью отдалить его от еврейских жилищ. Потому в редком из аулов горских евреев нельзя видеть в ночь под Светлое Воскресенье разведенных повсюду костров. Городские горские евреи совсем не знают этих обычаев.

При справлении горскими евреями некоторых праздников, установленных иудейской религией, также видим остатки прежнего язычества. В ночь под 7-й день праздника Кущей, называемую Араво и проводимую горскими евреями в синагогах и молитвенных домах за чтением псалмов Давида, девушки собираются и, сделав меж собой складчину, проводят время до утра с пляской и песнями. При этом они несколько раз садятся ужинать, смеются и предаются разным девичьим играм и гаданиям о суженых. Для довершения веселья к ним являются юноши и начинают состязаться с ними в искусстве находить ответы на песни, заключающие в себе вопросы. По мнению горских евреев, в эту ночь решается судьба человека и определяется свыше, быть ли ему бедным или богатым, жить или умереть до будущего года и какой смертью. Но особенность этого праздника состоит в том, что, по мнению горских евреев, воды рек к двенадцати часам ночи перестают на одно мгновение течь и потом начинают шуметь и пениться. Кто чего ни попросит в этот момент у Бога, все сбывается. Рассказывают, что одна женщина жила в высоком доме, из которого на реку выходило окно. В ночь Араво она высунула голову из окна и смотрела на реку, которая должна была перестать течь около 12 часов. Вдруг остановилось течение, река запенилась, зашумела и из уст женщины вышли невольно слова: "Господи! сделай голову мою великой!" Что же? Голова ее сделалась до того большою, что она не могла вынуть ее из

окна и начала звать на помощь. Только что прибежали домашние, как голова перевесила туловище, и женщина упала в реку, где ее уже не нашли.

Остальные праздники справляются горскими евреями так же, как и русскими евреями, но с некоторыми особенностями, свойственными образу их жизни. Главные праздники — Пасха и праздник Мардохея и Эсфири. К этим праздникам готовятся евреи два — три месяца. Особенно много хлопот причиняют праздники женщинам, которые сперва, сидя днем и ночью, не заботясь о сне, шьют всем домашним и себе новые платья, а затем принимаются за смазку и чистку комнат и дворов. Недели за три до праздника, куда ни идешь, везде видишь женщин и девушек, которые то мажут полы, стены глиной, то белят их, то чистят посуду: словом, всюду кипит работа! Только что настал праздник, как уже все, начиная с мужчин и мальчиков, которые спешат в синагогу, и кончая женщинами и девушками, которые готовят стол до прихода мужчин, нарядились или в новые, или в чистые платья. Препровождение праздников состоит исключительно в молитве и еде.

С наступлением праздника для каждого члена семьи наступает особенная жизнь, особенно препровождение времени, в котором никто из них не должен мешать другим, но однако ж с соблюдением возложенной на каждого из них обязанности. Утром мужчины идут в синагогу, а женщины остаются дома, чтоб убрать комнаты и приготовить обед, состоящий из нескольких (от 5 до 6 — 7) блюд. Мужчины старше 15 лет по выходу из синагоги прямо отправляются или к своим старшим родственникам поздравить с праздником, причем им подается рюмка водки или стакан вина с маленькой закуской, или к носящим траур, чтобы утешить их и высказать пожелание, чтобы они больше не видали таких несчастий. Приходя в гости,

они садятся по старшинству и занимаются разговорами, а молодые, не женатые, стоят у двери и слушают. Через каждые полчаса одна группа выходит от хозяев, а другая приходит. И это продолжается часа два — три у каждого горца-еврея, лишившегося незадолго перед тем одного из близких, хотя бы тот не имел в ауле или городе ни одного родственника и даже знакомого. Отдав этот долг, мужчины отправляются в семейства друг друга, где их встречает один из младших членов семьи и приводит в кунацкую комнату к столу, на котором расставлены закуски и напитки доброй и аккуратной хозяйкой дома. Если пришедшие близкие приятели мужа их родственники, то хозяйка выходит из своей половины, подходит к ним и, взяв за протянутые руки, поздравляет их, высказывает свои пожелания и благодарность за посещение. Девушки гостям вовсе не показываются. Тоже самое происходит в этот день и во всех еврейских домах. Наконец, около 2 — 3 часов по полудни мужья возвращаются домой обедать или посылают кого-либо сказать, что остались обедать там-то, после чего жена отправляет мужу кушанья в тарелках, покрытых платками, или несет сама, если одна дома. Этим кончается обязанность жены, и она, пообедав с детьми, бежит делать свои визиты; точно так же дети и девушки.

Женщины собираются у носящих траур и проводят там время до вечера. Девушки собираются также у одной из подруг и проводят праздничный день в танцах, в веселье, беседах и песнях. Два раза в году, на праздники Пасхи и Мардохея и Эсфири Пурим, которые называются у нас Нисону и хомуну, дети встают рано утром и ходят поздравлять с "новым годом" по домам, где им дают по состоянию орехов, яблоко или по одному яйцу, а невесты или невестки их братьев и родственников — по красному яйцу и по пятаку

денег. День пред праздником "номуну" называется постом Эсфири, и горские евреи постятся до 9—10 часов ночи, пока не придут из синагоги.

В эту ночь женщины заботятся о приготовлении "альвы" из муки или орехов, перемешанных с маслом и медом. В это время юноши взбираются на плоские крыши домов и смотрят трубы, чтобы узнать, находится ли сковорода или котел на треножке. Как только хозяйка сняла котел, один из них кричит "Гоя́" и опускает в трубу на веревке деревянную чашку с двумя ушками. Сигнал "Гоя́" дается для того, чтобы предупредить хозяйку и чтобы сажа не упала в котел. Опустив чашку, куда юноша кладет яйцо, и притягивая ее кверху другим концом веревки, который находится в его руке, он изменяет голос и начинает беспрестанно кричать "Гоя́, Гоя́", что означает "яйца, яйца". Хозяйка пытается вытащить находящееся в чашке, чтобы пошутить над юношей, а опытный юноша не поддается ее уловкам и все кричит "Гоя́, Гоя́", то опуская совсем чашку, то сразу поднимая ее. После долгой возни хозяйка кладет в чашку яйцо, и юноша, крикнув уже своим голосом и сказав фамилию, идет к следующей трубе. Некоторые же из неопытных юношей поддаются хитростям хозяек, которые желают узнать, кто он, и подняв свою отяжелевшую чашку, находят в ней вместо своего яйца тяжелый камень или золу с огня. Юноша вторично опускает, опять такая же шутка; в третий тоже. Он выходит из себя и начинает кричать поддельным, а потом своим голосом и требовать хоть своего яйца. Его узнают и, если в комнате были девушки, то до его ушей доходят разные остроты и "смех резвых плутовок", как говорят о своей неудаче юноши. Приготовленная "альва" кладется хозяйкой кругами на несколько хлебов, которые на следующий день отправляют с детьми к знакомым "в знак памяти".

Каждая хозяйка делает таким образом и взамен своих получает от других соседок и подруг также по хлебу, смазанному альвой. Так проводят горские евреи первые дни своих праздников. Самое же веселье начинается для них в следующие дни. Тут каждый, по возрасту, присоединяется к особой группе и занимается приглашением к себе в гости. Гулянья эти называются "гезме" (обход). Когда отец пирует со своими приятелями и товарищами у себя дома, сыновья и дочери его гуляют со своими сверстниками в других домах. Когда же отец гуляет у своих друзей, то дети, по старшинству, занимаются угощением каждый своей партии. Освободившись от мужа и детей и отпустив их по другим, жена в свою очередь также пристает к какой-нибудь группе и проводит с нею время. Таким образом, каждое семейство в продолжение праздника принимает радушно почти весь аул, угощает его и отпускает с пожеланием "встретить и будущий год с таким же весельем и радостью".

Гулянья старших не отличаются никакими особенностями, кроме того, что они едят и пьют до тех пор, что не могут встать с места, и на месте пиршества валяются и спят блаженным сном. Женщины также очень мало в этом уступают мужчинам. Но молодежь предается не пьянству, а танцам и песням, между которыми бывают большие перерывы, назначенные для закусывания. Необходимую принадлежностью каждой группы считаются Накире-Зурнай (национальный музыкальный инструмент, состоящий из зурны и барабана) и Мааничи (певец). Сопровождаемая музыкой, играющей "ёрден-куи" (плясовую), молодежь, имея во главе своих шахов, визирей и хаджи (сенаторы и судьи), переходит из дома в дом, собирая дань, состоящую из десятка, пятка яиц, мерки крупы и куска мяса, и наконец вся партия останавливается у одного из гуляющих. Тут моменталь-

но являются девушки, которые по очереди выходят танцевать с молодыми людьми лезгинку. Если же нет девушек и они на своих гуляньях, то девушку заменяет один кавалер, взяв в руки большие платки, означающие длинные и широкие рукава женской одежды.

Во время антрактов певцы под звуки своей балайки поют заунывным голосом какую-нибудь горскую поэму на лезгинском языке. Девушки веселятся точно так же, но только без музыки и певцов и в тесных пределах приличия, соблюдение которого требуется под страхом наказания от каждой горской девушки. Наказать же ее может не только отец, но и братья. Последние играют главную роль при выдавании девушки замуж. Они, против воли всех, могут выдать или нет свою сестру за сватающего ее жениха, даже не спрашивая позволения ни у отца, ни у матери, ни у сестры.

Не говоря уже о европейском образовании, на которое горские евреи смотрят крайне неприязненно, даже и иудейское проникло в общество в самых ничтожных размерах. Причиной неприязненного взгляда горских евреев на европейское образование является фанатизм, доведший их до крайнего невежества, и опасение, чтобы дети их не делались "машумадами" или отступниками, какими они считают русских евреев. Некоторые аулы имеют только двух — трех грамотных, на обязанности которых лежат все письменные дела целого аула. Большинство евреев не умеют не только написать, но даже и прочесть двух слов священного писания и молитв. Лет десять — пятнадцать тому назад грамотных совсем не было между горскими евреями, и редко кто из них знал или имел понятие об обрядах своей религии. Только с покорением Россией Кавказа горские евреи, по примеру русских евреев, начали отдавать сво-

их детей в ученье, и число грамотных немного повысилось.

Под рубрикой "грамотных" в моих статистических сведениях сказано: в аулах 557, в городах 767 и всех 1324. Из этих данных видим, что на 4090 домов, или на 21 129 душ приходится только 1324 грамотных, что составляет 6,26%, т.е., почти на 16 человек 1 грамотный. Относительное же число грамотных выражается следующим образом: 1 грамотный приходится в аулах, по дымам, на 21,53 дома, в городах на 5,08 дыма и вообще на 13,30 дыма. По душам: в аулах — 5,55%, в городах — 6,91% и вообще 6,23%. Из этих чисел мы видим, что число грамотных в городах гораздо больше, чем в аулах, даже и против общего числа. Число учащихся грамоте в настоящее время доходит (в низших училищах) до 950 и составляет приблизительно 0,05%, или один ученик на 3,25 дыма или 22,24 души.

Число же учащихся в высших заведениях для получения диплома рабби (раввина) составляет меньше 1% по отношению к мужчинам и детям мужского пола; но большего требовать, судя по материальному положению горских евреев, и невозможно. Большинство их, не имея ни собственной земли, ни домашнего скота, ни даже убогой сакли, вынуждены наниматься на разные работы, которые далеко не вознаграждают потраченных трудов их, и в то же время заботиться о воспитании детей и о школах. Мало того, сажая ребят за книги, они лишаются помощников, необходимых рабочих рук в семействе. Не меньшей помехой для получения детьми образования служат и сами школы с их обстановкой. Притом и сами учителя, под руководством которых дети должны обучаться грамоте, совсем не подготовлены к своей обязанности и не менее учеников нуждаются в образовании. Научившись мало-мальски переводить талмуд на свой тат-

ский язык под руководством своих рабби, ученики эти изучают обряды обрезания и богослужения, чем и обуславливается получение свидетельства на звание раввина, резника и учителя. Вот эти-то ученые, которые, как я сказал, едва-едва объясняются по-древнееврейски и с трудом понимают Библию, берутся за просвещение молодых умов и воображают, что они открывают им Бог знает какую премудрость.

Училища делятся на два разряда — высший и низший. Как те, так и другие содержатся раввинами и не зависят от обществ. Но преподаванием в высших училищах занимаются те, которые получили некоторое солидное образование или на родине, или в России и известны всем своею ученостью. Таких раввинов насчитывается на всем Кавказе только пять — шесть, и двое из них называются главными раввинами.

Они поставлены правительством, и в ведении одного находится Северный Дагестан, Бакинская губ. и Закавказье, а другого — Южный Дагестан и Терская область. Кроме обязанностей, возложенных на рабби правительством и состоящих в переписи народонаселения и в выдаче метрических свидетельств, они исполняют роль духовных судей, т.е. решают семейные тяжбы, выдают разводы, говорят проповеди на больших праздниках в синагоге. Они же открывают высшие училища. Высших училищ насчитывается на всем Кавказе пять с 50-ю учащимися во всех, и два из них содержатся главными раввинами, людьми, считающимися довольно образованными, знающими хорошо учение талмуда, законы и обряды иудейской религии и знакомыми даже с еврейской литературой. Один из них — Яков Ицхакович Дербентский, считающийся горскими евреями за благочестивейшего, получил образование под руководством своего отца и сделался вскоре после его смерти пастырем своего

народа. Другой, Хазкель Абрамович Мушаилов, занявший место моего отца года четыре — пять тому назад, воспитывался в России, у русских евреев, и также знает порядочно русскую грамоту.

Остальные же раввины или очень плохо знают еврейские науки, или ничего в них не смыслят, заботясь только об искусстве резать скотину так, чтобы она не сделалась "трефной", и тем приобрести уважение и расположение своих односельчан. Если к этому прибавить богослужение, которое совершает тот же резник своим приятным для слуха горских евреев монотонным голосом, распевая каждую молитву на особые лады, то он царь в селе своем, и положение его вполне обеспечено: все довольны им и считают его за ученого. Подобные субъекты занимаются преподаванием в низших училищах, которые они также открывают на свой счет.

Как низшие, так и высшие училища помещаются обыкновенно или при синагогах, или в домах раввинов. Для того чтобы дать некоторое понятие об училищах горских евреев, я опишу обстановку и метод преподавания в одном училище, где я провел свое детство, и которое считалось высшим учебным заведением. В это училище приезжали со всех концов Кавказа, чтобы получить раввинское свидетельство, которое выдавалось ученикам по истечении четырех лет. Училище состояло из одной большой комнаты, довольно светлой и с окнами в европейском вкусе. Возле четырех стен стояли длинные, вроде скамеек, низенькие столы, за которыми на полу, поджав ноги под себя, сидели ученики; на первом месте "кун-зевер" (высший угол), т.е. у противоположной от двери стены, стоял четырехугольный столик, за которым на пуховой подушке сидел рабби. На правой стене помещались полки, на которых красовались в кожаных переплетах священные книги громадных размеров;

полки эти, окруженные карнизом и закрытые спереди стеклянными дверьми, представляли род шкафа и считались священным местом, назначенным только для книг духовного содержания, так как для светских книг был рядом маленький шкафчик. Книгами духовными считались: Пятикнижие Моисея, писания пророков, талмуд и другие, а светскими — книги общеобразовательного содержания, как, например, физика, химия, космография, романы, повести, речи и пр., переведенные на древнееврейский язык. Весь пол был устлан персидскими коврами.

Всех учеников было в училище около 45, из которых человек десять были маленькие азбучники, а остальные — большие с бородой — библейцы и талмудисты, т.е. те, которые изучали библию и талмуд. Они делились на несколько групп, человек по восемь — десять в каждой, которые учились по отдельным книгам, различающимся по степени их трудности; курс начинался, не считая азбуки, складов и чтения, переводом первой книги Моисея, "Бытия", затем проходили "Исход" и еще остальные три книги. Это был первый курс и назывался "Мугра" (простое чтение и перевод). После книг Моисея начиналось "Писание пророков" или, как оно называлось, "Бист-чор" (24) и "Мишне", которые составляли второй курс. Наконец, проходило несколько книг талмуда и две — три книги светского содержания, что составляло 3-й курс. Те, которые имели желание получить раввинский диплом, учились еще один год и проходили за это время законы резания скотины, анатомирование животных и обряды богослужения.

По окончании каждого курса упомянутые группы приглашали в гости своего учителя с несколькими стариками и давали обед. Тут родители учеников благодарили рабби за труды и дарили его деньгами или новым платьем. По окончании же полного курса уче-

никами рабби приглашал из других мест ученых и назначал экзамены, которые назывались "досдур". Экзамены производились следующим образом. В училище, откуда убирали скамейки, сидели старики-ученые на подушках, начиная с раввина от первого места, кругом около стен и некоторые из мирян, пришедших слушать, а кончающие курс располагались по обеим сторонам двери. Пред рабби стоял его стол, на котором была навалена груда книг. Ученики вызывались по очереди и садились около рабби лицом к ученым экзаменаторам, рабби открывал какое-либо толкование из талмуда и других книг и заставлял переводить и разъяснять смысл каждого толкования. При этом каждый из присутствующих экзаменаторов предлагал вопросы и спрашивал, на основании какого текста из Библии составлено такое-то толкование, кем и как, и где найти тексты. Ученик должен был сказать эти тексты по-древнееврейски и сразу указать их место в книгах; затем спрашивали его о правилах точить, править ножи, которыми должно резать различных животных, и какого они должны быть размера в вершках по роду употребления и, наконец, как резать и какие молитвы произносить при этом. После того спрашивали анатомию животных, какие жилы и нервы в каких органах, где их искать и как вынуть из годного мяса и при каких повреждениях легких и костей мясо считается ("holol") "коширным" (годным) или (haḡim) "треф" (негодным). Эти два отдела — правила ножей и законы о годности и негодности мяса — составляют самую трудную и серьезную часть экзамена.

На следующий день производилась проверка на практике. Ученики точили ножи и резали каждый по курице, по барану и по одной корове. Те из них, которые нехорошо владели ножами, оставались, безусловно, еще на год. Из самого требования на экзамене

нах видно, что будущие пастыри выходили не более, как ремесленниками и полными невеждами. После экзаменов приглашались раввином все мужчины, и давался торжественный ужин в честь кончивших курс.

Не менее интересно само учение в училищах и обхождение раввина со своими учениками. Для этого опять представлю училище того же рабби, которое оставило во мне самое тягостное воспоминание. Ученики должны были быть в сборе около 8 часов, а в 9, совершив свою утреннюю молитву и завтрак, являлся рабби. Забота об уборке училища или содержании его в чистоте лежала или на жене и дочерях рабби, или на маленьких учениках; прислуги не было вовсе, потому что содержание училища, как говорил рабби, стоило ему очень дорого, и грошовая плата за учеников едва покрывала расходы. Ужасно бывало жалко смотреть на жену рабби и дочь, которые, вставая ежедневно рано утром, выносили ковры, подметали пол, топили печь и носили на спине из далекого фонтана воду, делая каждая по пяти — шести раз в день это путешествие и несмотря ни на какую погоду. Подметать училище и убирать его лежало на обязанности учеников, как условливался рабби при поступлении их в школу, но ученики приходили нарочно поздно, и училище часто оставалось не убраным. Рабби горячился, выходил из себя и бросался с кнутом попеременно то на младших учеников, то на жену свою с дочерьми, нередко последних избивал до того, что они по целым неделям не могли показываться от синяков. Заметьте — такое варварское наказание претерпевали жена и дочь главного раввина, человека ученого и почти единственного по своему завидному положению между евреями-горцами! Но иногда бывало жалко и самого рабби, который с утра до поздней ночи бегал по служебным делам общест-

ва, принимал того, другого, третьего по разным семейным неурядицам, выдавал разводы, бегал к умирающим и наконец занимался с 45-ю учениками. Часто ему приходилось не обедать и не ночевать дома. Помощника не было, и он один тянул лямку и выбивался из сил. Помимо всего этого его страшно огорчали ученики невзносом платы за учение. Расходы шли ежедневно, а прихода не было. От общества же получал он 600 руб. в год, которых тоже едва хватало на содержание семьи и училища.

Придя в училище, ученики садились по местам, начиная от рабби старшими и кончая около двери младшими, так что середина комнаты оставалась пустою. Занятия начинались так: по приглашению рабби, группа старших садилась кругом стола, а остальные начинали повторять громко свои уроки. В руке рабби находился постоянно наготове длинный прут, которым угощал он, не вставая с места и протягивая только руку, младших учеников, перестающих читать громко уроки. Почувствовав боль на спине, они поднимали отчаянные вопли и крики, между которыми иногда неясно слышалось чтение какого-либо места из их урока, начинали изо всей силы качать головами, сгибая и разгибая все туловище, чтобы показать свое усердие. Крики их бывали до того громки, что за две, за три улицы можно было их слышать. Из сидящих вокруг стола рабби один начинал кивать головой и читать урок по книге, а другие слушали. После этого начинал второй и тоже переводил с древнееврейского на горский язык. Иногда рабби останавливал их и растолковывал непонятные места. Если же ученик плохо знал урок, то борода ученика тоже не спасала его от наказания: с быстротой молнии ему наносилась пощечина, а иногда и удары нагайки. После этого начиналось задавание урока. Ученики

слушали с вниманием, а рабби читал, переводил и объяснял толкования. Окончив урок, он заставлял повторить одного способнейшего и потом по очереди других. Затем приходила другая группа, третья и занятия продолжались до обеда. Обедать отпускал он на два часа и как раз в 12 часов. В два часа опять все должны были быть в сборе. Но ходили обедать большею частью только старшие ученики, а младшие ели кусок хлеба с говядиной или сыром и плоды, принесенные ими утром.

Зимой в дурную погоду рабби вовсе не выпускал учеников из училища, чтобы они не приходили с грязными ногами. Понятно, такой непосильный труд и сидение в течение всего дня на одном месте выводили из себя маленьких детей, которым училище не представляло ничего, кроме скуки и истязания. Те, которые готовились к званию раввина или резника, спокойно переносили трудности школьной жизни, но мальчишки, которых не занимала никакая будущность, тяготились этими порядками и побоями и, раз убежавши из школы, ни за что не хотели вернуться в нее вторично.

Подобная жизнь, если не хуже, ждала учеников и в низших училищах. Там они исполняли обязанности и школьной прислуги, и учеников. В отсутствии рабби, что бывало очень часто, на его место садился один из старших учеников и исполнял роль учителя. За незнание урока или за какую-нибудь шалость он наказывал маленьких еще хуже, чем рабби, поэтому в отсутствие рабби в классе не бывало ни одного маленького, за что им, конечно, очень строго доставалось как от рабби, так и от их родителей.

Однажды жена рабби заболела, и дочь гостила у дяди в другом ауле; вместе с этим начались в училище различные беспорядки; оно оставалось по три дня не

подметенным, не топленным, и ученики терпели от жажды. Дня два — три рабби заставлял нас, маленьких, следить за нуждами училища и исполнять их, но через несколько дней мы вовсе перестали ходить, говоря, что нас заставляют работать для старших. После этого рабби прочитал нотацию старшим, и когда один из них ответил довольно дерзко, то рабби дал ему пощечину; ученик, долго не думая, ответил ему тем же, и началась драка между учителем и учеником... Это было причиной закрытия училища. Другого исхода не было.

Получая от маленьких по 2 руб. 40 коп. в год, а от больших по 8 — 10 руб., рабби собирал всего около 200 руб., на которые должен был покупать скамейки, нанимать училище, топить его, доставлять воду для 45 человек, нанимать еженедельно женщину для мытья полов и пр. и пр. Согласитесь, что не мыслимо сделать все это на 200 р., не считая тут и труда над учениками. От этого редко какое училище держится более 5 — 6 лет и наконец закрывается. Это относится к высшим, а о низших нечего и говорить, потому что они открываются резниками, большею частью не имеющими совести и угнетающими детей, а такие учителя меняются ежегодно и кочуют из аула в аул.

Несмотря на печальное положение училищ, общества не принимают в них никакого участия. Может быть, они были бы готовы содержать училища, но видно не хватает на это средств. Вот главная причина жалкого состояния образования между горскими евреями и упадка духовного развития народа. Между тем мы видим в этом народе истинное желание получить образование, и каждый отец дает последнюю трудовую копейку, чтобы сын его сделался грамотным. Это мы видим, во-первых, из сравнения статистических данных о числе грамотных у путешест-

венника по Кавказу Иуды Черного за 12 — 15 лет тому назад с числом грамотных между горскими евреями в настоящее время. У Черного говорится, что в Дербенте найдется около 20 человек, знающих немного еврейскую грамоту, а теперь находим их около 120 человек; в Араге 8 — теперь приблизительно 55; в Кубе 30 — теперь 460, так что средним числом выходит в каждом месте почти в 10 раз более прежнего. Во-вторых, сравнивая стремление к грамотности у горцев-евреев и горцев-мусульман, мы заметим, что оно у первых почти в 3 раза больше, пропорционально дымам и душам в аулах. Так, например, в Кюринском и Кайтако-Табасаранском округах мы находим у мусульман:

	Дымов	Душ	Молла	Училищ	Учеников
В Маджалисе	177	786	1	1	5
В Рукеле	211	1014	1	1	10
В Мутатыре	125	681	2	1	9
В Гемейде	122	691	2	2	12
Янги-Кенте	144	721	2	1	5
В Нитюге	25	140	1	—	—
В Аглаби	9	30	1	—	—
В Хангаль Кала	18	79	1	—	5
В Араге	83	395	1	—	10
В Карчаге	79	493	1	—	20
В Мюджи (Бак. губ.)	45	439	1	—	—
В Варташене (Елиз. г.)	42	233	1	1	10
Итого:	1080	5702	15	7	86
Те же аулы дают для горских евреев	898	5414	20	15	201

Из этих чисел мы видим, что, составляя в тех же аулах гораздо большее количество населения, татары имеют меньше на 5 учителей, на 8 училищ и на 115 учеников, или иначе:

1 училище	}	у татар на 154,3 дыма
приходится		у горских евреев на 59,86 дыма
1 ученик	}	у татар на 12,55 дыма
		у горских евреев на 1,46
учеников по	}	у татар на 100 – 1,5
числу душ		у горских евреев на 100 – 3,72

Говоря о грамотности, следует заметить, что под грамотностью подразумевается у евреев только умение читать молитвы и писать письма. Читают горские евреи тоже не так, как русские или европейцы, отчего последние очень мало понимают, присутствуя на их богослужении. Это происходит от того, что в языке европейских евреев, составляющем жаргон языка того народа, среди которого они живут, нет звуков, свойственных восточным языкам, и, кроме того, горские евреи сохранили некоторые архаические черты в произношении отдельных еврейских букв.

В самих обрядах богослужения и в содержании молитв находим также значительные различия между горскими и европейскими евреями, особенно в праздничных днях. Синагога или молитвенный дом бывает построен почти везде по одному типу и представляет собой большую комнату, освещенную большими окнами, сделанными в трех стенах, кроме западной. Пол устилается коврами, на которые садятся, поджав под себя ноги, горские евреи кругом около стен и несколькими рядами посередине. В западной стене находится шкаф с золотыми в иных городах галунами наверху и львами по бокам — кивот завета. В

нем помещаются свитки из пергамента, на которых написаны заповеди Моисея, и серебряные короны с колокольчиками, которые надеваются на верхние рукоятки свитков во время поднесения их к молящимся для прикладывания. Сбоку кивота стоит кафедра, в рост человека, составляющая престол, где рабби совершает богослужение. Над престолом и по бокам его находятся изображения некоторых святых мест в золоченых рамах.

Посреди синагоги находится другая большая кафедра, на которой, обращаясь к западу, рабби читает три раза в неделю — по субботам, понедельникам и четвергам — заповеди и говорит проповеди. Пред чтением каждой главы заповеди рабби приглашает одного из молящихся и благословляет его, за что тот по состоянию жертвует деньги или свечи в пользу синагоги. По большим праздникам эти благословения продаются с аукциона (от 1 р. до 3—4-х), и деньги опять идут в пользу синагоги. Эти сборы составляют капитал, который исключительно идет на ремонт синагоги, на общественные купальни и воспитание сирот.

Богослужение совершается следующим образом: у престола стоит рабби и читает известные молитвы на древнееврейском языке, а за ним по молитвенникам читают тихо и грамотные. Остальные же, не понимающие по-древнееврейски и называющие себя "амь-ноориц" (что означает по-древнееврейски "инородец или неграмотный"), слушают, сидя или стоя при различных моментах богослужения и произносят "Борухо-борух-шему" ("да будет благословлено Его имя") и после каждой молитвы, произнесенной рабби, слова: "благословлен Ты, Предвечный Боже наш". В тех же местах молитвы, при которых должно стоять и, читая про себя, делать несколько поклонов, они также стоят и следят в упор за каждым движени-

ем рабби. Сделает он поклон, они тоже, скажет он "аминь" — они также; не давая себе отчета, за что поклон и после чего "аминь". Многие, даже большинство евреев, вовсе не знают даже о существовании главных молитв евреев.

Кафедра, престол и кивот завета находятся у западной стены, куда и обращаются горцы-евреи со своей молитвой к Богу, что составляет противоположность направления, к которому обращаются европейские евреи, т.е. те молятся на восток, а горские евреи на запад. Женщины не допускаются в синагогу, и ни одна из них не умеет читать молитв. Некоторые из богобоязливых старух приходят в переднюю синагоги по субботам и большим праздникам и стоят у окна или двери синагоги, чтобы видеть заповеди и послушать богослужение. Женщины вообще очень мало заботятся о молитвах, предполагая, что от них, обиженных природой и несовершенных людей, не требуется многого. На них возложены религией три обязанности: первая состоит в том, чтобы каждая хозяйка приветствовала субботу в пятницу вечером зажжением двух маленьких восковых свечей и чтением при этом молитвы; вторая — соблюдение телесной чистоты (наз. "Надо") в продолжение 15 дней после месячных очищений; третья обязанность в том, чтобы женщина при печении хлеба отрезала кусок теста с произнесением при том установленной молитвы и бросила его в огонь. Кусок этот, изображающий собою жертву, носит название "һало". При месячном очищении, прежде чем женщина совершит первое омовение, ей воспрещается законом зажигать субботние свечи и отрезать "һало", так как при них нужно произнести молитвы, а она в это время считается нечистой. На 15-й день она отправляется на реку, взяв с собою мальчика и женщину подругу, или в общественную купальню, где совершает "второе омо-

вение" и становится чистой. Мальчика берет она для того, чтобы он стоял поодаль и шел ей навстречу после омовения. Горские еврейки думают, что у них непременно родится дитя, которое будет иметь вид того человека или животного, которого встретили они сейчас после "омовения". Рассказывают, что многие женщины встречали змею, корову и рождали детей, имеющих подобие этих животных; поэтому, выбирая кого-либо из своих или чужих детей для встречи, еврейка заботится, во-первых, чтобы он был мальчик, так как девочки не особенно ценятся и считаются чужим добром, и во-вторых, чтобы он был красивый. Это относится, конечно, только к женщинам, потому что девушки, идя "на омовение", не берут никого, кроме подруги, тоже девушки. Соблюдая эти обязанности и не изменяя мужу, горские еврейки вполне надеются попасть в рай, хотя бы даже не обращались ни разу к Богу с молитвой.

ГЛАВА II

Тип и характер • Праздность и любознательность горских евреев • Женщина – труженица семьи • Склонность женщин к сплетням и дракам • Многоженство • Жилища и гостеприимство • Пища и напитки • Одежда • Домашний быт горских евреев • Булка • Сугум • Обряды при рождении и обрезании

Переходя к характеристике типа горских евреев с внешней и внутренней стороны, мы должны заметить, что черты семитского типа в них значительно видоизменены путем смешения с туземными племенами Кавказа. Характеристические черты внешности еврея-горца составляют: смуглый цвет кожи, средний и часто высокий рост, стройное телосложение, тонкое в поясице и широкое в плечах, вдавленное черные быстрые глаза часто с желтоватым белком, черные брови и борода, большой орлиный нос и слегка выдающиеся скулы — черты, которыми горский еврей очень много походит на лезгина, чеченца, черкеса, а иногда и на армянина и очень мало на европейского еврея. В красоте мужчины много уступают женщинам, которые имеют круглое или продолговатое белое лицо, часто очень бледное, черные большие глаза с длинными ресницами, длинные, черные волосы на голове, достигающее у иных до колен, тонкие бледные губы, прямой, заостренный немного в конце нос с маленьким возвышением у переносья, удлиненный подбородок, высокую грудь, узкие плечи, тонкую талию и средний рост. Несомненно, что бледность лица горских женщин, как и всех женщин Востока, зависит главным образом от затворнической

жизни и от того жалкого и рабского положения, которое они занимают в семье.

Природа имела громадное влияние на развитие характера горского еврея, следовательно, и на его занятия. Вот проскакал он мимо вас, вооруженный с головы до ног, на бодрой лошади; там в изодранном костюме своем лезет он по горам, карабкается между скалами, рубит дрова или выкапывает пни и корни кустарников, которые несет на согнутой и избитой спине своей; там копает он в поле землю, пашет, выделяет вина, срывает плоды с деревьев; там опустился в глубокое корыто с водой около бассейна, засучив штаны выше колен, и топчет изо всей силы сырые кожи, и, наконец, вот он свободен. Тут забывает он не только о прошедшем, о вчерашнем труде своем, но перестает думать вовсе о будущем, о завтрашнем куске насущного хлеба. И это праздное препровождение времени и беспечность, этот праздный разгул за ведрами вина или штофами водки с шашлыком, это хождение из дома в дом и по всему аулу с шапкой набекрень и черкеской или шубкой в накидку, эти беседы и всевозможные мечты возле лавок или на лавках около домов, на "овчере" (сельская площадь, где бывают народные собрания), перед синагогой или резницей и вообще это переливание из пустого в порожнее продолжается не день, не два и не недели, а иногда целые месяцы. Даже становится досадно, когда постоянно встречаешь одного и того же субъекта, занятого или игрой в шахматы, или перерубанием на пари острым кинжалом нескольких арбузов, поставленных в ряд.

Такие забавы в большом ходу в аулах и производятся на площади. Кроме того, они держат пари съесть столько-то фунтов винограда или тутовника (ягоды шелковичного дерева), столько-то арбузов, дынь, яиц, груш, слив и пр., которые продаются

мальчиками тут же на площади. Завидя какого-либо приезжего, эти празднующие собираются вокруг него, спрашивают, откуда он идет и куда, к кому, зачем и какие у них слышны новости. Горцы вообще очень любят слушать приезжего, чтобы тот ни говорил, верят словам его и передают новости друг другу по всему аулу, сделав по обыкновению из мухи слона. Нередко они приглашают с площади же к себе гостей, если те не имеют еще кунаков в ауле, и завидуют тому, кто имеет приезжего гостя с массой новостей. Они любят также рассуждать о политике и часто, сидя на лавках или камнях на площади, толкуют о военных действиях того или другого государства.

В горской женщине мы видим постоянную труженицу семьи. Все трудные работы в хозяйстве возлагаются на женщин, и они не имеют свободной минуты на то праздное созерцание природы и пустые мечты, которыми так часто бывают заняты мужчины. Вот они идут чуть свет, когда мужчины еще наслаждаются утренним сном, целою гурьбой, согнувшись под тяжестью медного или глиняного кувшина с водой; вот они тащат навоз в носилках к мельнице, где бросают его в реку, или несут его в поле для сожжения; вот они доят буйволиц, дают им корм, очищают конюшни, делают из навоза и самана (соломы) тестообразную массу, из которой образуется впоследствии кизяк, колют дрова; идут печь хлеб в чужих печках, если не имеют своих, мажут крыши, белят стены, ходят на полевые работы (у бедных)... словом, нет конца их ежедневным трудам. Кроме того, шитье платья на все семейство и стряпня входит в их обязанности. Вообще же, говоря о труде, они ничуть не выставляют себя перед мужчинами, и каждая жена, дочь, мать считается тем лучшей хозяйкой и мастерицей, чем больше и неутомимее она работает.

При этих прекрасных качествах горские еврейки имеют однако одну нехорошую склонность, которая ставит их в глазах мужей и родственников очень низко и часто служит причиной семейных раздоров и многоженства. Это — склонность к спорам, постоянным сплетням и дракам, которые очень часто заводятся между женщинами из-за каких-нибудь пустяков. Чуть произошло в ауле что-нибудь, сейчас соберутся женщины, пустятся в рассуждения, поспорят, поругаются и в конце концов подерутся. Эти споры в связи со слухами передаются другим, третьим, четвертым, пока дойдет до мужа, отца, брата, которые, не откладывая дела в дальний ящик, производят сейчас свой суд и жестоко наказывают виновницу молвы. Помимо того, что женщина должна ходить пред мужем, как говорится, по струнке, угождать всем его желаниям и капризам, также и подобные сцены бывают причиной семейного разлада. Строгий муж, в наказание жене, женится на другой и оставляет первую без всякого внимания, предоставляя ей, однако, все то, чем она пользовалась прежде, как один из членов семьи, т.е. пищу, одежду и особое помещение; подобное наказание продолжается иногда несколько лет, иногда даже всю последующую их брачную жизнь. Считая ее своей женой, так как он одевает ее, обувает и защищает от голода, холода и обиды и не имея с ней супружеских отношений, строгий муж требует от нее прежних трудов, услуг и рабского подчинения: она безропотно должна переносить все это, тем более, если имеет детей.

Но не одна подобная сцена и дурной нрав жены служат причиной двоеженства: многие женятся на другой просто из-за чувственных побуждений, прожив с первой женой лет десять и нажив с ней кучу детей. Конечно, женщина, будучи удручена постоянными трудами и заботами о муже, детях и жертвуя для

их блага своим спокойствием, здоровьем, скоро начинает стареть, и на лице ее начинают показываться морщины. Чувственному мужу не нравится это, и он берет себе другую, более свежую и молодую женщину или девушку.

Часто причиной двоеженства является также и бездетность. Множество жен не воспрещается горцам-евреям религией, поэтому часто можно встретить и раввинов, имеющих двух жен. Число жен не ограничено адатом, но редко встречаешь таких, которые имели бы трех жен. Женатых на двух бывает в каждом ауле или городе около пяти, шести и приблизительно человек десять на сто дымов. Жены живут или вместе, имея по особому помещению, или порознь в особых саклях, и муж посещает их поочередно. Находясь постоянно под надзором мужа и боясь, чтобы он не лишил которую-нибудь из них своего внимания, они по-видимому живут мирно между собою, и вторая из них, желая угодить мужу своим великодушием, услуживает первой и старается тем удержать мужа в симпатии к себе. Но зато грызутся же они в отсутствии мужа! Часто бывал я еще мальчиком свидетелем подобных зрелищ между женами двоюродного брата. Они не стеснялись меня, и я мог слышать постоянно, чем и как укоряют они друг друга. Нередко споры и драки их доходили до побоев, при которых били друг друга до синяков, царапались до крови, но как только появлялся муж, как будто ничего между ними не бывало: сидят рядышком, разговаривают, смеются, между тем как сейчас же по выходе мужа принимаются снова за руготню и драку. Часто, бывало, вижу я, как они ропщут на судьбу, плача навзрыд или захлебываясь, рвут в отчаянии волосы, дерут нежные, бледные щеки до крови, бьют себя в лоб и грудь кулаками, кусают себе руки... и мне становилось ужасно их жалко и жутко: я, бывало, тоже

плачу, бросаюсь, разнимаю их руки и прошу, умоляю не плакать. Тогда, конечно, я не понимал причины их споров и раздоров и плакал вместе с ними, утешая то одну, то другую своими детскими словами.

Дети разных жен, находясь в постоянном страхе быть наказанными отцом, несмотря на то, что "мамы" ругаются и дерутся между собою, живут почти вместе, вместе воспитываются, играют и вынуждены видеть и слышать все мерзости, происходящего между соперницами!

Жилища евреев-горцев, живущих в аулах, представляют собой каменные постройки — сакли, а городские — дома в европейском вкусе и с азиатским убранством. Некоторые же богатые горцы имеют и европейские комнаты с порядочной мягкой мебелью, которые служат приемной для гостей русских, и в другое время не бывают почти обитаемы. Сакли выстраиваются или самими хозяевами, или каменщиками. Наружные стены их большею частью голые, за исключением передней стороны, которая, как и внутренние стены, смазываются глиной, смешанной с саманом (соломой). Они белятся известью, добываемой горцами-евреями из местного камня в доменных печах, или мелом, смешанным с глиной (белая глина), встречающимся в горах повсеместно. Нижняя часть выбеленных стен выкрашивается красной или серой глиной, также местной.

Потолок состоит из балок, расположенных параллельно по ширине комнаты и лежащих одними концами на передней и задней стенах, другими на средней широкой балке, идущей в длину сакли и подпертой посредине сакли толстой дубовой подставкой, украшенной вырезанными фигурами и цветами. Редко в какой сакле отсутствует эта подставка. Сверху балок кладется камыш, потом солома, которая смазывается глиной. Таким образом, составляется

плотная крыша. Концы передних балок выходят наружу аршина на два и, будучи смазаны вместе с крышей, образуют навес, служащий для прикрытия от дождя или жары в летнее время и называемый балконом.

Сакли состоят обыкновенно из двух или трех комнат, имеющих каждая особое назначение. Одна из них отводится для женщин, другая для мужчин, третья для гостей. Самую грязную часть сакли составляет женская половина, самую опрятную и прибранную — кунацкая комната. В женской комнате помещается кухня, детская, кладовая, место для белья, для сушки мяса — и все это в одной комнате. Около стен с одной стороны находятся "хумы" (глиняные сосуды громадной величины, часто до 2 аршин вышины), служащие для вина, муки, моченых и соленых плодов, отрубей, ковровые мешки, набитые пшеницей, и дрова, сложенные аккуратно хозяйкой; с другой стороны находятся три каменные столба, на которые кладется доска и навешивается коврик. Это составляет полку для детской и лишней постели и тряпок. За ковром под полкой находится лавка, на которую ставятся в ряд горшки и сосуды, содержащие молоко, сыр, масло, крупу и пр. На третьей стене, справа налево, навешивается занавесь, составленная из пестрых треугольных кусочков разных ситцевых материй. Над занавеской под потолком в стене сделаны две полки, на которых красуется различная стеклянная посуда, бутылки и чашечки, подальше от рук детей. Под полками на колышках, вбитых в эту стену во всю ее длину немного выше занавески, висят по бокам два зеркала, бутылки и графинчики, привязанные веревочками за горлышки, большие и маленькие тарелки, служащие для горячей пищи и вместо подносов. В четвертой стене находятся: дверь, окна, камин и две ниши.

Камин устраивается обыкновенно из глины в стене и имеет открытое отверстие параболической формы. Помещается он как раз посередине стены и имеет прямую трубу. По бокам камина, около почетного места, сделаны в стене две квадратные ниши, в которых стоят кувшины с водой, подсвечники, солонки и пр. мелкие вещи первой необходимости. Эти ниши помещаются от пола на высоте полуаршина. По бокам немного выше их или на одной высоте с нижним их основанием находятся, смотря по размеру комнаты, по одному или по два окна, которые у богатых — со стеклами в рамах и толстыми дубовыми ставнями топорной работы, а у бедных — без рам и стекол. На этой стене сверху, на одной высоте с прежними вещами, висит на колышках или гвоздях различная медная посуда, употребляемая в кухне, как-то: различные ложки, cedилки, чашки, тарелки, подносы и пр.

Почти в углу, в месте соединения первой стены со второй, вделывается дверь. Ставни и двери вращаются на круглых наконечниках, помещенных в отверстиях вверху и внизу, и не имеют петель. Они запираются изнутри посредством деревянных засовов. Сверху двери на длинных, вбитых в стену полках помещается корыто с мукой и куском кислого теста, служащего вместо дрожжей. Каждая хорошая и аккуратная — хозяйка должна иметь постоянно у себя дома кусок кислого теста и тлеющие угли в камине, а не ходить просить к соседкам. Поэтому летом, после приготовления пищи, зимой в отсутствии всех домашних — хозяйка зарывает головни в золу и тем приобретает возможность иметь постоянно огонь. Тоже делает она и каждую ночь. В этой комнате, как сказал я, сушатся мясо и колбасы на зиму. Они вешаются на двух длинных палках, поддерживаемых веревками, прикрепленными к потолку, и оставляются нетронутыми до тех пор, пока не почернеют. Тогда,

значит, мясо и колбасы готовы и могут быть употреблены в пищу. Часто тут же висит громадный копченый курдюк¹, который служит запасом для целого семейства. Когда хозяин остается без работы, и не предвидятся скоро деньги на покупку мяса, заботливая и расчетливая хозяйка отрезает от этого курдюка каждый раз миниатюрные кусочки, растапливает их и разливает сало по поверхности хинкала² или мучной кашицы.

Глиняные полы комнат еженедельно смазываются, чтобы не водились в них под коврами и рогожами насекомые. Зимой трудно войти непривычному человеку в женскую половину — такая там вонь, грязь и нечистота. Остальные две комнаты сакли — мужская и кунацкая — отличаются большею опрятностью и лучшим убранством. Кунацкая комната, даже у самых бедных горцев, бывает наполнена всевозможными хозяйственными вещами азиатского производства и оружием. На верхних полках красуются различные фаянсовые и стеклянные чашки и тарелки по несколько штук одна на другой, графины, старинные бутылки, медные чашки с таковыми же колпаками с вырезанными на них фигурами и цветами, позолоченные кувшинчики, вазы и пр. На стене, под этими же полками и над занавеской из бархата или пестрой шелковой материи с золотой бахромой внизу, висят большие медные тарелки, зеркала, подносы с золочеными рисунками, шелковые шали, сложенные в два—три раза, кинжалы, пистолеты, ружья, шашки и пр. Около другой стены, которая без занавески и бывает вся увешана в несколько рядов всевозможными цедилками, тарелками и различными мисками и мелкими чашами, ставятся сундуки с платьем и драгоцен-

¹ Толстый бараний хвост

² Суп с кусочками теста квадратной формы

ными вещами хозяев. Иногда их бываете два, иногда несколько; в последнем случае самый большой ставится внизу, а над ним остальные меньшего размера. Все эти вещи служат только украшением помещения для приезжающих гостей и не употребляются в дело. Полы покрыты коврами.

Уважение и внимание к гостю — черта общая всех горских племен — считается у евреев-горцев священной обязанностью. Каждый хозяин принимает с искренним радушием всякого странника, оказывает ему всевозможные услуги, дает деньги, если тот сильно нуждается в них, и отвечает за него собственной головой, пока он считается его гостем и находится с ним под одной кровлей. Бедный люд имеет большей частью по две комнаты; потому удивляемся его самоотвержению, доходящему иногда до крайности: хозяин оставляет гостя в кунацкой, если тот особенно настойчиво не будет требовать остаться с ним и сам идет ночевать в грязную женскую половину. Он не имеет по целым месяцам для детей куска мяса, а как приехал гость, идет, берет в долг всякой всячины и угощает его. Иногда гость остается целые месяцы и хозяин, не изменяя своего радушия, нередко разоряется и после отъезда гостя, чтобы поправиться, занимается усиленным трудом.

Каждый горец-еврей имеет в других аулах своих кунаков, еврея или мусульманина, у которых он останавливается; также и каждый мусульманин. По приезде почетного гостя он останавливает свои работы, распоряжается насчет закуски, обеда, ужина, приглашает почетных людей в ауле, чтобы гостю не было скучно, а иногда певцов, молодежь, музыку, состоящую из гармонии и "теп-а" (цилиндр, обтянутый с одной стороны животной перепонкой), на которых играют известные в ауле девушки-мастерицы, или зурны и барабана. Все приглашенные подходят к гостю

и, подавая ему руку, приветствуют его словами: "хош-омори, кен-тү-тү, хуне-жиге, ов-аиль" (с приездом, как твое здоровье, домашних, детей), на что тот встает с почетного места и, наклонив голову в знак благодарности, отвечает: "согь-боши" (будь и ты здоров, благодарю). Девушки приветствуют гостя только поклоном, взглядом и улыбками, а родственницы подходят, подают руки и целуют его в щеку или подставляют свои щеки, смотря по близости родства и своему возрасту. Взрослые девушки и женщины целуют его, маленькие девочки подставляют ему лоб и щеки и обнимают его. Мужчины-родственники целуются с гостем в губы.

За обедом или ужином сидит гость на пуховой подушке, а за ним кругом другие односельцы по старшинству. Подаются кушанья из женской половины или самим хозяином (тогда он вовсе не садится), или одним из меньших членом семьи, или родственником. Прежде всего один прислужник со словами "е-сер-чүмпой-иму-оморит" (рады и готовы принимать вас головой) приносит в руках холстинку или большой круглый медный поднос с двумя или четырьмя чуреками, солью в солонке и зеленью, состоящую из лука, чеснока (зимой луковицы), редьки и разных персидских трав, а другой прислужник — кувшины вина и графины водки. Это все принимается из рук прислужников хозяином и ставится среди круга, образуемого на полу сидящими. Потом прислуга приносит таз и кувшин с водой и подает каждому умыться. Вытерши руки чистым полотенцем, которое по очереди подается каждому гостю, хозяин берет два чурека, произносит молитву, состоящую в благодарении Бога за хлеб и соль, разламывает один из чуреков на куски, число которых больше числа присутствующих и женщин в другой половине, ибо он ждет и других, которые, если случатся в начале еды, непременно

должны садиться также ужинать. Затем приносится и ужин, состоящий из множества азиатских блюд.

Смотря по родству с гостем или по дружбе его с мужем, кушанья подаются хозяйкой дома. Из кушаний, подающихся в честь гостя или по праздникам, самыми лучшими и любимыми всеми считаются: шашлык, хинкал, приправленный уксусом и чесноком, "курзе" (вареники из теста, содержащие рубленое мясо, яйца с курдючным салом), "тара" (травяная каша с кусочками мяса или сала), "гурма" (рубленое мясо, обвернутое листьями капусты или бураков), "чуду" (пирог с мясом), ягини (суп с говядиной или бараниной с кислыми ягодами), "нермов" (пшеничная каша с кусками мяса или курицы) и проч. Самую же необходимую пищу считается при гостях "ош", "плов" — каша из сорочинского пшена, приправленная яйцами, изюмом и курдючьим салом или ореховым маслом, собственного производства. Для добывания этого масла горцы очищают ядро ореха от скорлупы, превращают его в молотильнях в тестообразную массу, которую кладут в плоские чашки тонким слоем и нагревают, ставя ее пред очагом. Когда масса делается красной, ее снимают кусочками и выжимают из нее масло. Остатки, называемые "мүшде", употребляются домашними или вместо мяса или их кладут в пирог, в кашу и проч.

Кушанья подаются все одновременно в чашках и тарелках, по одной на два, на три человека, чтобы дальше сидящим не приходилось далеко протягивать руку с ложкой. Ложки и вилки деревянные, белые, без краски, домашнего производства. Вилка имеет вид тонкого заостренного колышка. Когда пища густая, то почти не употребляют ложек и вилок и едят, захватывая ее между куском хлеба, большим и указательным пальцами. Мясо разрывается на куски руками и в обыкновенное время кладется хозяином по ку-

ску перед каждым, а при гостях в середине круга, в тарелке. При почетном госте ужин происходит с перерывами, во время которых певцы поют, молодежь танцует, хлопает в ладоши и веселится, прислуга снова и снова подает вина и закуски, пока не запоют петухи и присутствующие не вспомнят о том, что нужно дать покой гостю. При подобных торжественных вечерах все бывают одеты в свои лучшие праздничные платья. Кстати представим здесь описание одежды горских евреев.

Костюм женщин составляют: широкие шальвары из канауса, бурсы и других шелковых материй или из цветных ситцев; архалук из атласа — зимою на вате, который надевается сверх рубашки, "чуткү" — мешок, покрывающий голову, открытый с концов, и платок, который накидывается сверху *чуткү*. Платки бывают, по состоянию, или кисейные, обшитые кругом черной или белой бахромой, или шелковые персидские (красные и белые), или шелковые цветные. Зимою же женщины носят теплую шерстяную шаль. Иногда шелковая бахрома кругом платков заменяется золотыми кружевами и на *чуткү* — из гладкой шелковой или шерстяной материи — вышиваются золотом и серебром разные цветочки. Архалуки и рубашки отделяются около груди на спине, рукавах и подол серебряными и золотыми галунами. На ноги женщины надевают бумажные чулки и сверху них чувяки из красного или желтого сафьяна. Для выхода из дому сверх чувяков употребляются башмаки, открытые у пятки и закрытые у пальцев.

На ушах висят громадные кольца — круглые или плоские — из серебра или золота. Кольца эти, заменяющие серьги, имеют в нижнем основании своем один, два или три шарика с отверстиями. Пальцы женщин, особенно девушек, бывают украшены серебряными и медными или булатными кольцами и по

несколько штук на каждом, за исключением большого. Отличительным внешним признаком замужней женщины служит отсутствие на груди бус, чубчика на лбу и длинных пейсов на висках. Бусы делаются из различных просверленных горных камешков, гвоздики, янтаря, кораллов, серебряных монет и других вещей, которые нанизываются с особенным старанием и вкусом на крепкий шнурок. Также в большой моде у девушек употребление "хны", желтого персидского порошка, или того же названия травы, которой они окрашивают себе волосы и ногти. Для волос хна употребляется вместе со ртутью. Эту смесь они вымазывают волосы на ночь и ложатся спать.

Нередко можно видеть горских женщин жующих что-то с усердием. Это "сикиз" (белая смола с гвоздикой), которую употребляют они для чистки зубов и придания рту приятного запаха.

Одежду мужчин составляют: ситцевый бешмет, застегнутый на крючки, со стоячим отороченным воротником, черкеска из сукна или других прочных материй без воротника, с крючками, застегивающимися у талии и на груди, и с патронташами, заключающими газыри для пороха. Поверх черкески или бешмета опоясываются они поясом, шириною в палец и шире, который украшается часто сверху серебряным или золотым галуном, пряжками и пуговицами из эмалированного серебра или из меди. Около пряжки, спереди, к ремню привешивается кинжал, в серебряных или покрытых черной кожей ножнах. На ноги надеваются "ишимы" — ногавицы, достигающие до колен, из черного сукна или кожи и украшенные галунами. Обувью служат также чувяки, без подошв, горские сапоги с подковами, имеющими спереди два длинных острия и сзади одно, для удобства ходить по горам зимой и в грязную погоду. Поверх чувяков употребляются башмаки, также открытые сзади и по-

крывающие только пальцы. Чувяки служат женщинам и мужчинам во время грязи и холода вместо калош. Чувяки мужчин большею частью черные и без украшений. Крючки и петлицы для бешметов, черкесок и рубах делаются из шелковых или шерстяных снурков домашнего производства.

На голову надевается шапка из курпья (бараньего или овечьего меха). Зимой мужчины под черкеску, а женщины поверх архалука надевают шубы, которые отличаются тем, что у первых они не бывают ничем покрыты, а у вторых покрываются шелковыми и шерстяными материями и отделываются галунами, подобно архалукам. Некоторые из мужчин носят тулупы из волчьего и лисьего мехов, которым наружная поверхность тщательно очищается посредством отрубей или муки. В последнее время вошли в моду шубы из собольих мехов, которые привозятся купцами из России, и их особенно стали носить новобрачные.

Домашний быт горских евреев основан на адатах (обычаях), перешедших к ним от предков, и на некоторых обычаях, усвоенных евреями от других племен Кавказа. Помогать ближнему в случае нужды, если не материально — деньгами, то работою рук своих, считается священным долгом у евреев-горцев. Таких обязанностей очень много между горцами, но особенно заслуживают внимания различные собрания, которые ставят своей задачей помогать бедным и неуспевающим в работе, помогать деньгами сиротам, ухаживать за больными и пр. Сборища, с целью помогать неуспевающим в хозяйственных работах, или тем, которые желали бы кончить поскорее свои дела в ожидании какого-либо торжества, называются "булка" и состояются молодежью — парнями и девушками. Отцы, препятствуя дочерям видаться с молодыми людьми, сразу соглашаются на просьбу какой-либо горской еврейки устроить булка, предоста-

вляя, однако, дочери свободу идти или нет. Еще бы! У девушек и молодых парней с появлением слуха о каком-либо булка или о свадьбе вырастают будто крылья, — с таким нетерпением они ждут их. К таким булка относятся сборища для рубки мяса на зиму и вынимания жил из него, для шитья одежды новобрачным, для смазывания и беления новых жилищ, для очищения лука, чеснока и кукурузы, для сбора плодов и пр. Каждый употребляет здесь для ближнего свои молодые силы и работает несколько ночей с истинным рвением.

Я остановлюсь только на вынимании жил и рубке мяса и смазывании новых жилищ, так как все остальные сборища имеют тот же характер. Как только наступила зима, между горскими евреями начинается тревога насчет "сугума" (зимнего запаса). Наряду с обеспечением хлебом заботятся они о приготовлении копченого или сушеного мяса, колбас и вина. Вино готовится из винограда еще осенью и держится запечатанным в бочках и больших глиняных сосудах до первой ночи Маккавеев. Редко можно найти семейство, которое не имело бы ведер тридцать, сорок вина на зиму.

Горские евреи, смотря по состоянию, режут не менее трех, четырех баранов и одной коровы на 4 дыма, для чего собираются четыре — пять семейств и, сделав складчину, покупают одну корову. Богатые режут около двух — трех голов рогатого скота и штук десять — пятнадцать — мелкого. Убрав мясо домой и разложив его на полу на рогожах, хозяин посылает гонцов к раввину, почетным лицам и специалистам с приглашением вынимать жилы из мяса. Те немедленно являются и начинают поздравлять хозяев с запасом. При этом подают гостям стакана по два, по три вина и ставят перед ними тарелки с шашлыком из свежего мяса. После закуски каждый из умеющих

вынимать жилы и негодное сало из различных мест мяса садится за свою работу, а неумеющие принимаются рассказывать различные анекдоты и сказки. Домашняя молодежь (посторонней не бывает в эту ночь) сидит в это время около камина и готовит шашлыки, которые подаются работающим через каждые 10 — 15 минут. Всюду слышится смех, веселый разговор, стук топора по костям, шипение сала, падающего каплями на огонь, и вместе с этим тяжелый запах табака. Дым стоит во всех комнатах сакли просто туманом, и ничего нельзя разобрать. Даже не пивши вина, достаточно, кажется, пробыть полчаса в этой атмосфере, чтобы совершенно опьянеть: до того воздух, пропитанный дымом, парами сала и выделяемой присутствующими углекислотой становится тяжелым. Но им это очевидно нипочем, потому что занятия их, после которых им подается ужин, кончаются далеко за полночь и они почти месяц проводят то в одном, то в другом доме, пока весь аул не запасется сугумом.

После ужина все благодарят хозяев и собираются уйти. Но в это время раввин благословляет хозяев и детей его; за это тот дает ему копеек пятьдесят — шестьдесят. Иногда раввин ухитряется благословить всех присутствующих за ужином, пока те встают, за что и они дают ему по состоянию. Кроме этого, при резанье раввину дают голову скотины и грудобрюшную преграду с мякотью фунта в три. Эти обычаи доставляют раввину хорошие деньги, почему каждая мать, убаюкивая сына, просит у Бога, чтобы малютка ее приносил ей побольше "сер-сугу" (голов и грудобрюшных преград).

На следующий день идет промывание и соление мяса. В этом помогают хозяевам родственницы, и это считается только делом женщин. Интересна также совершаемая при этом церемония. Хозяйка раскла-

дывает несколько куч мяса и внутренностей (печени, требухи, легких, сердца и пр.), которые в больших тарелках посылаются с дочерьми или другими девушками, приглашенными для этой цели, родственницам или бедным вдовам. Рассыльные несут эти дары на голове на подносах через весь аул и получают от тех, кому посылается дар, по яйцу, по несколько головок чесноку, по несколько луковиц и др. мелочей, которые передаются хозяйке.

После резки сугума горские евреи редко когда покупают свежее мясо; разве иногда купят на шашлык или по случаю большого праздника. Но они снабжают друг друга свежим мясом и внутренностями после своего сугума. Такая же взаимная раздача происходит между ними во время сбора плодов, хлеба и отела коровы или буйволицы: тогда посылают они молоко кипяченое и яйца. Но тут вместо яиц получившие наливают воды в чашку или тарелку, в которой был принесен дар. Это для того, чтобы корова дала хорошее молоко и не была суха, как чашка, которую возвратили без воды. Вечером этого дня, т.е. после соления мяса, приглашается молодежь для рубки мяса, из которого изготавливаются колбасы. Почти из каждого дома приходят парни и девушки, из которых одни рубят мясо, другие чистят лук, третьи делают шашлыки, четвертые готовят закуски, пятые поют веселые песни, рассказывают сказки... У каждого своя работа и никто не сидит без дела. Нельзя не любоваться, смотря на сияющих от радости счастливых молодых людей, которые сидят кругом на коврах попарно, ведут беседы — каждый со своей возлюбленной, которая улыбается ему, дарит его любовными словами, и наконец, как бы в такт, все поднимают и опускают тяжелые топоры. Каждая пара занята собой, делает свое дело и не замечает, о чем говорят сидящие по бокам другие пары.

Весело смотреть на сидящих перед очагом разрумяненных парней, которые с усердием вертят шомпола над огнем и пускают остроты в песнях насчет той или другой пары, которая отвечает им тем же без стеснения. Часто слышатся при этом сальности и нецензурные слова, которые во все горло произносит какой-либо парень, после чего краснеют девушки, хохочут женщины, и опять все идет своим порядком. Там звонкий смех сливается с остротами и веселым разговором, там раздается стук топоров рубящих мясо и звон медной посуды, там горит сало на огне от шашлыков, поднимается дым, тушится огонь, который разгорается с новой силой, но атмосфера все-таки чище, чем в предыдущую ночь в мужской половине, потому что гораздо меньше или вовсе нет табачного дыма и винных паров. Девушки почти совсем не пьют ни водки, ни вина, и парни при них тоже воздерживаются. Парни, окончив свои шашлыки, становятся среди комнаты, произносят "э шори бирору и хахару" (за радость братьев и сестер) и приглашают других перестать работать. Те бросают топоры и занимаются закуской, которая подается каждой паре или нескольким отдельно на доске, где рубится мясо. При этом парень или девушка становится перед всеми и начинает петь, а остальные подпевают за ним. Антракты и хоровые песни продолжаются около получаса и раза четыре в продолжение всей работы, смотря по количеству сугума (булка продолжается иногда несколько ночей кряду). По окончании работы все садятся ужинать и к утру возвращаются домой с хоровыми песнями.

После рубки мяса хозяйка приглашает знакомых женщин, которые помогают ей в изготовлении колбас и развешивании отдельных кусков мяса для просушки на поперечных палках, находящихся в женской половине. При этой работе женщины также гу-

ляют, болтают между собою и мало уступают мужчинам в употреблении горячих напитков. Подобное же участие принимают женщины, девушки и парни при построении сакли каким-либо из горских евреев. Одни из них делают грязь, смешивают ее с саманом (соломой) и топчут ногами, чтобы она была липкой, другие несут ее на крышу, которую вымазывают женщины, третьи мажут стены и полы, четвертые убирают двор и проч. Через несколько времени хозяин поселяется в новопостроенной сакле и приглашает своих односельцев на ужин. Наряду со стариками занимают почетное место участвовавшие в постройке сакли. Мужчины собираются в особой комнате, а женщины в женской половине. Иногда на такое торжество приглашают зурну и барабан и устраивают свадьбу, где женихом и невестой служат муж и жена, которые во второй раз после брака или свадьбы детей танцуют вместе при обществе. Все хлопают в ладоши, приветствуя их радостными улыбками и высказывают им пожелание быть счастливыми в новом доме и устроить также счастье детей.

Из домашней жизни горских евреев заслуживают также внимания обычаи носить родственникам кушанья по субботам, затем обряды при родах и обрезании и выпечке хлеба в чужих печах.

Только что вышли евреи в субботу или в день праздника из синагоги и сели за праздничный обед, видишь — по всем улицам и переулкам аулов тянутся мальчики и девушки с двумя — тремя тарелками в руках, покрытыми чистенькими платками. Любопытство задевает вас, и вы спрашиваете: "что это такое?" "Тара, нермов, курзе, ош" (название кушаний), — отвечают вам наивно дети, продолжая идти своей дорогой и боясь, чтобы не отняли у них тарелок или не толкнули их. Вы все-таки ничего не понимаете из этих ответов и начинаете расспрашивать об этом пер-

вого встречного. Тот отвечает вам следующее: "Видите ли, я человек бедный, и жена моя приготовила только одно кушанье на сегодня. Смотрю, сестра моя посылает мне другое лакомое блюдо, а жена ей из своего кушанья; брат — второе, она из своего; сват — третье, она опять из своего... Таким образом, на три — четыре тарелки своего простенького кушанья, которого жена изготовила в изобилии, мы получили три — четыре других сытных праздничных блюда: вот и мы, бедняки, пообедали по-праздничному, не обижая и себя и других, потому что и мы послали им из своего кушанья!". "А что такое несут женщины на голове в больших деревянных чашках, при этом под мышками или в руках их несколько хворосту или два — три полена дров?" — спрашиваете вы. "А вот что, — говорит он, — у нас каждый порядочный хозяин имеет свою печь для выпечки хлеба. Бедным людям иметь печь — значит разориться при теперешней дороговизне дров, так как чтобы вытопить печь да еще каждую неделю, да иногда по два, по три раза в неделю, когда приезжают гости, нужно на месяц по крайней мере три — четыре арбы дров. Здесь же хозяйка топят поочередно и, испеки свой хлеб, предоставляют свою печку на пользование другим. Каждая хозяйка, даже и богатая, так как другой раз и она вытопит свою печь, приходит сюда, приносит с собою готовое тесто, которое несет она на голове в чашке, и ждет своей очереди. Одна кончает, другая бросает сейчас свои поленья в печь, чтобы лучше подтопить ее, и начинает делать *чуреки*, которые сейчас уже готовы".

Печки бывают двух родов: "курук" (вроде русской печи) и "тону". Эта последняя есть яма в земле, имеющая вид усеченного конуса, смазанная внутри глиной, с углублениями на внутренней стороне и глубиною около одного или полутора арш. В *курук* кладутся

чуреки при помощи деревянных круглых лопаток, а в тону прилепливаются руками ко внутренним стенкам ямы. Возле этих печей собирается масса женщин, которые занимаются выпечкой хлеба иногда до глубокой ночи, каждая ожидая своей очереди. Между тем одна из них начинает говорить о новостях, другая рассказывает сказки, третья сплетничает на других, четвертая хохочет со знакомкой, пятые шепчутся и осуждают других, сидящих здесь, франтих... словом, вы видите здесь пекарню, слышите все аульные новости, суды и пересуды, смотрите на горских красавиц, франтих... чего же еще? а польза бедным людям все-таки есть.

Тут же расскажу я об одном обычае горцев-евреев, основанном на общинном устройстве их жизни. Раньше было сказано, что во время отела коровы или буйволицы между горскими евреями происходит раздача первого молока. Для этого из молока вместе с яйцами варят они предварительно нечто вроде сыворотки или простокваши. Сказано было также, что родственники, взамен присланной им простокваши "хуршово", наливают в эту посуду воды, для того чтобы отелившаяся корова была молочная. Хозяйка, как только корова стала давать правильно молоко, входит с соседками в "веhre" и носит к одной из них по утрам несколько кувшинов молока. Дело в том, что каждая женщина, желая запастись на будущее время большим количеством сыра и молока, входит в компанию с другими соседками и обменивается с ними по очереди своим молоком; так что около месяца все хозяйки приносят одной ежедневно по кувшину молока, затем другой, третьей и т.д., пока все не будут иметь у себя "веhre". В это время эти последние, т.е. имеющие очередь, один день делают сыр, другой — сливочное масло, которое после растапливают они в желтое коровье масло. Для того чтобы изготовить

масло, они наполняют сначала кувшины молоком и заквашивают его, налив в каждый кувшин по ложке кислого молока.

На следующий день созываются на "булка" знакомые женщины и девицы и садятся за приготовление сливочного масла, которое производится следующим образом: в большие кувшины с двумя боковыми ушками наливается до половины кислое молоко, кладется туда по деревянной ложке, затем кувшины затыкаются сверху крепко пробками из дерева, которые обертываются тряпкой, и содержимое подвергается взбалтыванию. Через некоторое время в кувшинах образуется белое сливочное масло, которое снимается и кладется в чашки с холодной водой. До окончания очереди через день происходит то же самое, и в конце растапливается все собранное за это время масло. В этот день собираются участвующие в "веhre" соседки, пируют, гуляют вместе с хозяйкой и приводят хозяйство в порядок. Затем отправляется родственникам понемногу сыра и масла и "веhre" переходит к другой хозяйке.

Не менее интересны обряды горцев-евреев при рождении детей и при обрезании. Как только женщина чувствует время разрешения от бремени, домашние сейчас приглашают "момой" (бабку). Рожает горская еврейка или стоя или на коленях и поддерживаясь посредством веревки, перекинутой через брусья в потолке, или лежа на земле, где готовится ей соломенная постель. Комната при родах наполняется постепенно из всего аула женщинами, которые идут к родильнице, принося с собою в больших чашках и тарелках, покрытых платками, муку, крупу, яйца, чеснок и проч. Все это собирается для бабки.

После того как все женщины собрались, одна из родственниц родильницы берет кусок белого полотна, бязи или другой белой материи, аршинов в 5 — 6, и

перевешивают ее через дверь так, чтобы одинаково ровно была видна она снаружи и внутри. Этот кусок остается до тех пор, пока родильница не встанет совсем здоровой, и потом он дарится "момой". Для чего это делается, достоверно никто не знает, но полагают, что белый цвет материи служит для удаления нечистого духа.

При сильных болях посылают кого-нибудь на кладбище, чтобы принести горсть земли из могилы такого-то покойника. Посланный выкапывает из глубины могилы немного земли, которую, смешав с водою, и дают страдающей. Если и это средство не помогает, то муж приглашает учеников раввина, из которых одни трубят в трубы, употребляемые евреями в Судный день и на Новый год при общественной молитве, а другие читают псалмы. Все начинают молиться: "је Худо, тў шор хилос-сохош!" (Единый Боже! дай ей радостно разрешиться). Наконец все успокаиваются и начинают расспрашивать бабку: "сын или дочь". Если сын, то бабка сейчас говорит и просит у отца за "бешереи" (радостную весть) подарка. Отец с удовольствием исполняет ее просьбу и, пригласив присутствовавших и утешавших его в кунацкую комнату, начинает угощать их вином и закусками. Всюду раздаются радостные речи, слышатся смех и говор, везде встречаешь сияющие лица. Особенно радуется мать при этом радостном известии, так как за это все начинают питать к ней особое уважение.

Отец новорожденного посылает сейчас кого-либо из мальчиков на женскую половину, чтобы он прибил к стенам, над окнами и дверьми различные бумажки, на которых написаны имена ангелов хранителей. Это делается для того, чтобы злые духи не причинили новорожденному и матери вреда. Первое время "момой" кормит мать одним жидким мучным супом без мяса и приправ. К родильнице воспрещается вход му-

жу и всякому мужчине, также и женщине, имеющей при себе какую-либо плотную вещь, пока при родильнице не будет золота. В противном случае с новорожденным делается "чўле" — болезнь 40-ка, которая задерживает рост ребенка. В эти дни мать беспрестанно посещают женщины, а отца новорожденного мужчины. Тех и других хозяева угощают алвою, шашлыками и вином. Родственники же и родственницы дарят бабушку деньгами, каждый по 20 — 30 коп., и делают ей подарки. Наконец приходит восьмой день, в который совершают обряд обрезания над ребенком по установлению закона Моисея. Операцию обрезания делает раввин или резник и почти всегда очень искусно. Рану обмывают ртом, набирая в него уксусу, и посыпают обожженную шерстью и порошком из особой обожженной глины. Через три — четыре дня рана заживает, и ребенок делается здоровым.

Имена, даваемые новорожденным, большею частью бывают наследственные, т.е. умерших отцов, дядей, братьев и т.д., взятые из Пятикнижия Моисеева и из книг пророков или составленные самими родителями по отношению к каким-либо предметам, как, напр.: Татли (сладкий), Шеребет (питье) и друг. Часто встречаются также имена сильных животных и драгоценных металлов. Эти последние даются большею частью женщинам. К именам мужчин относятся: Аслан (лев), Коплон (тигр), Ождоно (чудовище, змея) и пр. Церемония обрезания происходит большею частью в синагоге и очень редко дома и состоит в следующем: новорожденного приносят на большой подушке в синагогу, где передается он "отцу по обрезанию" (как у русских — крестному), который сидит на кресле, назначенном для обрезания и называемом "кресло Ильи Пророка". На руках этого отца производит рабби свою операцию, а настоящий отец приносит в это время известную молитву и дает ребен-

ку имя. Затем наливает в стакан вино, над которым раввин служит молебствие, наливая затем мизинцем новорожденному в рот несколько капель со словами: "да проживешь ты с этою кровью". После совершения обряда тут же в синагоге дается присутствующим закуска, состоящая из водки, вина, кур и гусей. Каждый подходит к столу, отламывает руками кусок хлеба, отрывает кусок мяса, наливает себе рюмку водки или стакан вина и уходит. Богатые же устраивают настоящий "обед обрезания" и приглашают всех в ауле или городе.

Совсем не так встречают еврей-горцы новорожденную девочку. Муж, родственники и даже "момой" оставляют мать без всякого внимания и не прислуживают ей. Таким образом, дочь с самого рождения приносит бедной матери горе, и на нее смотрят только, как на будущую рабочую силу.

Женщина лежит в постели после родов обыкновенно дней девять — десять и не больше двух недель. После рождения мальчика она идет на омовение через 40 дней, а после девочки через 60. Ребенок 40 дней не выносятся из дому, чтобы с ним не сделалась "чўле" — "болезнь 40-ка".

ГЛАВА III

Женитьба • Положение женщины как причины различных несчастий • Обряды горцев-евреев при помолвке детей и обручение • Жених и невеста • Приглашение жениха родителями невесты • "Гечелей" (ночные свидания) • О разводе • Взгляд общества на гечелей • "Табаг" • Пресечение пути жениху и невесте • Поверья • Свадьба

Женитьба сопряжена для еврея-горца с большими трудностями и многолетними стараниями о скоплении некоторой суммы, для того чтобы купить себе невесту. Обычай требует, чтобы еврей-горец, вздумавший жениться, заплатил родителям невесты деньги, которые называются "калын" [местное произношение общетюркского слова "калым". — *Reg.*]. Калын редко доходит до суммы менее 150 р. сер., а если к этому прибавить, что свадьба продолжается обыкновенно около четырех суток, справляется также на счет жениха и что подвенечные одежды, по обычаю горцев, богато обшитые серебряными и золотыми галунами, должны быть сделаны им же, то в итоге выходит, что горец, чтобы жениться, должен иметь минимум 300—400 руб. сер. — сумму, по их средствам, совсем немалую, почему у евреев-горцев старые холостяки далеко нередкое явление. Но так или иначе еврей-горец, считающийся порядочным человеком, должен жениться и, следовательно, стараться скопить денег, иначе на него смотрят всюду, как на неблагогородного горца, недостойного носить папаху (шапку) и кинжал. Конечно, пристроить детей, братьев, сестер и прочих родных представляется евреям-старикам делом и трудным и, несомненно, радостным, так как молодые, обвенчавшись, как

говорят они, не будут заниматься баловством и привыкнут к семейному очагу.

Однако же между этими преждевременно пристроенными молодыми людьми мы находим массу несчастных. Это объясняется двумя причинами, именно: во-первых, распространением чахотки, которая в последние годы с большей и большей силой стала надирать преимущественно молодое поколение и всего чаще мужчин от 15 до 30 — 35 лет и, во-вторых, способами лечения взрослых и детей местными врачами. Нет сомнения, как это подтверждают многие старожилы кавказских племен, что двадцать — тридцать лет тому назад гораздо было меньше умирающей молодежи, и никогда чахотка не косила их так, как в последние годы. Это относится не к одним горцам-евреям, но и к горцам мусульманам. Причину пагубного распространения чахотки, как объясняют многие, следует искать, во-первых, в самом образе жизни горцев и, во-вторых, в распространении русского владычества на Кавказе. Обычай всех горцев требует, чтобы молодые люди — парни и девушки — не видели друг друга, и девушкам показываться мужчинам или назначать им свидание воспрещается безусловно и строжайше. Поэтому девушки до замужества ведут почти замкнутую жизнь и никуда не показываются, исключая тех случаев, когда они посещают друг друга, присутствуют на свадьбах и бывают на "булка", ночных собраниях, о которых было сказано выше. Вследствие этого девушки горских евреев отличаются теми же свойствами, как и все женщины Востока: они стыдливы, робки и крайне невежественны, но вместе с тем строго целомудренны и трудолюбивы.

Жизнь замужних женщин не намного лучше жизни девушек. Выходя из дома на работу, она должна наклонить голову, укутаться кругом шалью или белым платком, чтобы видны были одни глаза, не долж-

на оглядываться по сторонам и говорить с чужим мужчиной, даже и с родственником, ни слова, иначе быть беде: или муж заметит это и исколотит ее, или же другие распустят о ней по аулу Бог ведает какие слухи: тогда не показывайся в свете, не смотри мужу в глаза и добровольно делайся "езитом", т.е. личностью, презираемой всеми, и на которую может плевать каждый без суда и расправы. Точно так же и дома женщина должна скрывать себя от взоров посетителей или гостей и жить вместе с детьми в особой комнате или кухне. Замечательно то, что этот строгий наказ, передающийся из поколения в поколение, "не смей без особенной нужды выйти за порог", ничуть не возбуждает ропота среди женщин, как думают просвещенные народы; натура их, как видно, привыкла веками сидеть дома и даже до того, что их никакие блага мира, никакие удовольствия не тянут никуда, и они сами готовы делать все дома и копать вечно в своей стряпне, шитье и хозяйстве, не думая больше ни о чем, лишь бы не выходить из дома куда-нибудь, где противные мужчины будут глазеть на них.

Вообще положение девушки до замужества и женщины ничем не отличается у горских евреев от такого же тяжелого положения их у других восточных народов. Когда еврей-горец случайно увидит девушку, наметит ее для себя и вздумает на ней жениться, не зная совершенно ни ее натуры, ни ее характера, то он уведомляет через кого-либо из близких товарищей об этом своего отца, который посылает к отцу девушки сватов, обыкновенно родственников, или идет и сам с ними. Жених не может сказать отцу о своем намерении лично, ибо, по обычаю, "совестно" говорить детям со своими родителями о браке, а девушка не принимает даже и такого участия: о согласии ее на брак большею частью не осведомляются, и если спрашивают, то лишь для очистки совести тоже

через ее подругу. Девушка, не разбирая, хорош ли жених или нет, должна как "благовоспитанная девушка" ответить, что "согласна на все, что они (тут подразумеваются родители, братья и родственники) ни сделают с ней". Женщины, даже матери, также вовсе не вмешиваются в вопрос о браке. Таким образом, переговоры ведутся отцами и родственниками и преимущественно касаются размера калыма. Подобные переговоры с сыновьями при сватовстве ведутся только такими родителями, которые боятся своих "капризных детей", чтобы те после не пеняли на них и чтобы родители могли заставить сыновей отказаться от развода, в случае если последние захотят развестись с женами, сказав, что брак был заключен против их желания. Большею же частью отцы сходятся друг с другом где-нибудь в гостях и, под влиянием горячих напитков, дают друг другу руки, произносят слова клятвы — быть вечными друзьями — и соглашаются ради этого при свидетелях соединить своих детей. Такие случаи, которые, как сказано, бывают очень часто, происходят и при возрасте детей, и при младенчестве их, так что многие из сговоренных или помолвленных детей в глаза не видели друг друга, живя в разных городах или аулах, до самого дня свадьбы.

Как я сказал, девушки мирятся со своим положением, они привыкли к такому порядку вещей, но молодые люди часто не могут вынести жизни со злыми и сварливыми женами и не решаются об этом сказать родителям, которые все равно не послушают их, тем более, если жены сумеют себя как следует поставить и угодить родственникам. Вследствие этого в конце концов молодые люди впадают в неодолимую тоску и наконец в чахотку. Как факт, расскажу несчастную историю одного из моих аульных товарищей Р., который умер, так сказать, во цвете лет от подобной женитьбы. Ему было 21 год. Невеста была засва-

тана за него еще ребенком, и он не знал и не видел ее, живя от нее за 300 – 400 верст (он был в Тарки, а она в Дербенте). Она не понравилась ему после первого же свидания и стала ему противна. Несмотря на слово "совестно", он упрашивал отца отпустить ее, дать ей развод и все приданое, которое привезла она с собою. Отец упорно не соглашался, говоря, что у него нет денег, которые нужно дать в этом случае невесте наличными за привезенное ею приданое, как требуется это по "адату".

По истечении 4-х месяцев после свадьбы молодой человек слег в постель и сильно заболел. Я был в это время в VI кл. реального училища гор. Т.Х.Ш. и, услышав об опасной болезни любимого товарища детства, отправился проведать больного. Он жил в ауле Тарки. Не могу вспоминать о нем и по настоящее время без слез, так он был несчастен и жалок. "Товарищ, – сказал он мне, взяв мою руку своею, пылающею от жара, – посмотри на нее (жена убирала комнату), она точила как червь вот эти шесть месяцев мою душу и совсем заела меня. Я просил, умолял ее взять развод, сжалиться над моею молодостью и потребовать этого от батюшки... она и до сих пор, когда я уже на смертном одре, торчит у меня перед глазами... Смотри же, товарищ, будь осторожен: знаю, что и ты не любишь своей невесты, но они настаивают, чтобы ты женился теперь; лучше умри или пускай убьют тебя до женитьбы, чем вот этак!.." (Он кашлянул кровью!)

Через месяц, когда я приехал в аул на каникулы, его уже не было, и родные его, в том числе и жена, были в глубоком трауре. Следуя обычаем, родители умершего через год выдали вдову покойника за 2-го своего сына, меньшего, 18-летнего брата покойного. Ни он, ни она не соглашались сначала на этот несчастный брак, но, подавленные всеобщим требованием,

должны были уступить. Спустя полтора года у них родился от этого брака мальчик, названный именем моего умершего товарища. В последнее мое путешествие я встретил ее в Дербенте, больную также чахоткой, и недавно уведомили меня о ее смерти.

Таких случаев много между несчастными в этом отношении кавказцами. Но мне не раз приходилось по этому поводу слышать горькую правду из уст наших стариков: "Отчего, мол, всего этого не бывало прежде! Мы, мол, все, и наши деды, прадеды, женились таким образом...". "Нет, — продолжали они, — в этом виноваты русские города, где царствует разврат, где девушки ходят по улицам, садам и кабакам и чуть ли не зовут молодежь к себе среди белого дня и при всех, потеряв всякую женскую стыдливость; теперь молодежь предается разврату и перестает питать уважение и любовь к своим женам". Все это может быть отчасти правда, но мне кажется, что главную причину зла нужно искать в обычае, заставляющем девушку "не показываться молодежи нигде и ни под каким видом".

Находясь под влиянием палящих лучей южного солнца, молодежь развивается необыкновенно быстро и начинает искать различных невинных развлечений, которых она не может найти в своих родных аулах. Девочкам, под страхом жестокого наказания, воспрещают иметь с мальчиками отношения или заговаривать с ними какую-либо игру. Но они привыкли с детства никуда не выходить и не имеют понятия об удовольствиях, могут заглушить в себе различные желания, свойственные их возрасту. С мальчиками же происходит совсем иное. Бывая в городах, они соблазняются сперва холодными напитками, потом горячими и горькими, а там и развратом. Последствием всего этого выходит то, что мальчик 13 — 14 лет обирает отца и несет все, что попадается ему в руки, считая

тут и свои заработки, в притон разврата, от которого недалеко и до чахотки.

Раньше уже было сказано, что горские евреи совершают помолвку своих детей или еще в младенчестве их, или уже в их возрасте, но что дети не принимают никакого участия в этой помолвке, и переговоры, касающиеся лишь размера "калына", ведутся отцами или другими родственниками. Теперь расскажу о некоторых обычаях горских евреев, совершающихся при обряде обручения и свадьбы; кроме того укажу еще на несколько своеобразных церемоний, совершающихся между женихом и родителями невесты, между женихом и невестой в период между обручением и свадьбой.

Когда переговоры обеих брачующихся сторон придут к благоприятному результату и день обручения известен, родители жениха начинают готовиться к покупке подарков, требуемых при обручении, и доставке задатка, состоящего из 40 — 50 руб., что, конечно, трудно сразу раздобыть бедному человеку. Вечером, в назначенный день обручения, сакли родителей жениха постепенно начинают наполняться гостями, и каждый приходящий занимает свое, приготовленное ему место на полу или стоит около стены и ждет прихода рабби и почетных лиц. В это время в женской половине происходят споры и раздоры между матерью жениха, замужними дочерьми ее или невестками, если есть таковые, из-за подарков, которые должны даваться теперь новобрачной. Дело в том, что каждая мать старается тайком от мужа и домашних приготовить для будущей жены одного из любимых сыновей какую-либо драгоценную вещь или спрятать ей самую лучшую из своих вещиц, полученных ею от мужа, будучи еще невестой, или от отца. Этим, конечно, она думает приобрести впоследствии особое расположение будущей невестки и ожидает от нее по-

корности и почитания. Теперь, когда все вещи ее должны выйти на показ и поступить на общий семейный совет, она подвергается со всех сторон нападениям. Дочери укоряют ее в холодности и пристрастии, а невестки в ехидности, коварстве и лицемерии.

Иногда и муж, если он имеет в виду женить другого своего сына на своей племяннице, что очень часто бывает у евреев-горцев, также пристаёт к жене, чтобы она оставила такую-то вещь дома (тем более, если она родовая) и отправила невесте более дешёвую, отчего жена в свою очередь приходит в негодование и наотрез говорит мужу, что вещи принадлежат ей, и она вправе дарить их кому угодно. Уступчивый муж соглашается, и домашний спор кончается, а более упорный требует исполнения своего приказания, как главы дома. Слово за слово — все бросаются на бедную мать и начинают терзать ее со всех сторон... и это за два, за три часа до тех счастливых минут, в которые родители плачут от радости и приговаривают: "Слава Тебе, Господи, что ты помог мне видеть счастье моего дорогого малютки". Варварство мужа доходит до того, что он вырывает из рук жены вещи, колотит ее и оставляет ее рыдающей дома, строго приказав, чтобы она не смела выходить из женской комнаты, а сам идет в мужскую половину, откуда, наконец, когда все соберутся, родители с гостями и дочерьми, несущими на головах подносы, отправляются с песнями за невестой. На подносах лежат главные подарки, состоящие из шелкового платка, золотого или серебряного кольца, привязанного к уголку первого, иногда из серег и "һейкела" (талисмана), имеющего вид пустой трубки, закрытой в концах, и с колечками по бокам и снизу, где привешиваются серебряные монеты. Он прикрепляется под мышкой свадебного архалука и считается лучшим украшением наряда девушки. Когда она поднимает руки во время

танцев, то талисман качается и монеты, ударяясь одна о другую, производят звук, заставляющей обратить на нее внимание присутствующих и вызывающий хлопанье в ладоши, чтобы она танцевала живее и веселее.

Мать, любящая детей и мужа, терпеливо переносит побои и унижения, скрывает свои страдания, подавляет слезы, чтобы не делать шума, не обратить на себя внимания мужчин, сидящих в другой комнате. Но не все матери так сильны и нечувствительны к унижениям; часто в этих случаях доносятся в мужскую половину вопли и рыдания, раздирающие душу, требование развода и пр. Тогда мужчины бегут туда и стараются примирить супругов.

Иногда невестам дарятся такие вещи, которые должны переходить из рода в род и, следовательно, даваться только женам сыновей. Такие старинные вещи бывают почти у каждой женщины, но она их почти не носит и держит в сундуках, пока не придет время вынуть их по случаю обручения детей. Вообще надо заметить, что горские женщины не любят одеваться щеголевато и надевать на себя золото и серебро. Одежды их большею частью простенькие ситцевые, но с соблюдением чистоты и изящества. Шелковые свадебные платья их, отделанные кругом золотыми галунами, лежат постоянно в сундуках, теряют там цвет свой и нередко превращаются в лохмотья.

Подарки для невесты, как сказано, несутся на подносе одной из сестер или родственницей жениха; но кроме дочерей выступают впереди шествия еще две — три девушки, которые несут на голове, на таких же медных подносах, подарки для родителей невесты. Эти подарки, по обычаю, состоят из риса фунтов 10 — 15, большого куска копченого мяса, двух — трех колбас и куска курдючьего сала. Наконец, к ним присоединяются несколько юношей, которые несут на

руках большие кувшины и графины, наполненные вином и водкой. Вся процессия, имея во главе этих представительниц и представителей, которые громко распевают "холо-лой" и "анай-десем-ананай", двигается к невесте.

Жених в этот вечер скрывается от родителей, так как по адату ему совестно быть теперь дома, где ежеминутно произносят имя его невесты, и ночует у одного из своих товарищей. Здесь, сидя с поникшей головой и не замечая окружающих, старающихся доставить ему развлечение своими анекдотами и веселыми рассказами, он все думает о будущей невесте — кто она и что она, будущая жена его. С замиранием сердца, представляя в своем воображении всю происходящую теперь у невесты картину, ждет он появления зари и начатия работы, которая избавила бы его от этих тяжелых сомнений и глубокого раздумья. Товарищ рассказывает ему веселые анекдоты, наливает вина, доставляет из другой комнаты тарелку за тарелкой, наполненные шашлыком, пловом и разными кушаньями, но он ничего не замечает. Перед ним беспрестанно проносятся одни картины за другими, и он все думает об одном. "Что делают теперь у невесты? Ах, как бы мне хотелось побыть там, — думается ему, — посмотреть на невесту!.." Вот вошли все в комнату, чудится ему, вот невеста побежала в другую половину, на палец надевает кольцо, на уши — серьги, а она краснеет, закрывает лицо рукавом и отвертывается к стене; вот рабби пишет "тоной" (условие обручения) и пр. и пр.

По заключении "тоной" раввином и назначении родителями условий (когда уплатить оставшиеся выкупные деньги и сколько пар платья и обуви жених должен сделать невесте) гости садятся ужинать, а молодежь, собравшись в комнате невесты, проводит время в танцах и песнях. Невеста, закутанная атрибу-

том обручения — платком и окруженная подругами, закрывает лицо широким рукавом и стоит неподвижно, обернувшись к стене, пока не разойдутся все гости. После ужина посторонние уходят, а родственники думора (жениха), остаются для совершения обряда "еришерм арүс-á вокурде" (открытия лица невесты и благодарения ее за оказанное уважение, так как она со стыда закрывает от них лицо свое).

В комнате невесты отводится круг для танцев. Каждый из присутствующих, начиная с родителей жениха, а если новообрученные связаны близким родством, то также и невесты, подходит к девушкам, во главе которых стоит одна родственница-распорядительница, и просит пустить невесту с ним танцевать. Невеста выходит, продолжая закрывать лицо рукавом, и идет тихо по кругу, спотыкаясь по местам, так как не видит пола. Сделав два три круга и обняв левой рукой танцующего с ней, она идет обратно на свое место. В это время танцевавший снимает шапку в знак благодарности и дает распорядительнице какую-либо серебряную или золотую монету, после чего подруги поют протяжно "хей шобош". Положим танцевавшего зовут "Бинями" (Вениамин), и он отдал монету — рубль. Тогда они поют: "хей шобош, хей шобош, Бинями-ре шобош-хей-шобош; је моноте шобош, хей шобош". (Да будет здоров Бинями, да веселимся мы; веселимся за того, который отдал рубль.) Затем подходят по очереди прочие, танцуют также с нею под аккомпанемент гармонии или зурны с барабаном и дарят невесту деньгами по состоянию.

С этого вечера невеста перестает закрывать лицо свое от сказавших ей "сог боши" (поблагодаривших), и если те приходят в ее семью, то она сейчас же встает, кладет им на пол подушки, чтобы они сели, и стоит около стены, опустив скромно руки и ни слова

не говоря, пока они не уйдут. При малейшем движении гостя она моментально бросает на него свой вопросительный взгляд и ждет приказания. Услыша какую-либо просьбу гостя, она бежит туда-сюда, и сейчас же все готово. Усердие и почтение некоторых невест к гостям доходят до того, что они несут на ладони или между пальцами тлеющий уголь и держат его, несмотря на обжег, пока те не закурят своей трубки или папироски, которые в последнее время вошли в моду. Чем более невеста оказывает таких услуг, которые сопровождаются для нее болью и страданиями, тем более родственники остаются довольны ею и считают ее за настоящую горскую девушку. Они часто приглашают невесту садиться, чтобы испытать ее, и просиживают иногда целый день, в течение которого она должна стоять на ногах и не выказывать ни малейшего неудовольствия. Замечательно то, что она чувствует в продолжение всего этого дня наслаждение, а не тягость и особенно уважает тех, которые требуют от нее разных услуг. Кроме этого, невеста выказывает свое уважение к гостям тем, что не говорит с ними словами, а пантомимой — киванием и качанием головы — и переименованием настоящего имени их на более нежное и громкое. Всякий из близких родственников интересуется и расспрашивает других, каким именем называет его невеста, обижается, если она не переименовала и его имени. При разговоре с ними она слушает их со вниманием, улыбается чуть заметно, когда они рассказывают смешное или смеются. Но Боже упаси, чтобы был слышен ее голос, или чтобы она зевнула: сейчас начнут всюду говорить об этом и осуждать ее. Молчание невесты продолжается с каждым из родственников до тех пор, пока ему не вздумается заставить ее говорить и услышать ее голос. Невеста же долго не соглашается заговорить с ним и продолжает отвечать ему киванием или кача-

нием головы. Тогда родственник пристает к ней, говоря, что он не понимает пантомимы и не слышит ничего, и после этого невеста чуть слышно и внятно произносит ответ.

Конечно, такие шутки сопровождаются громким смехом присутствующих тут же родителей ее и порицаниями, что она не сумела воздержаться и помучить долго родственника. Для того чтобы заговорить с невестой и услышать ее голос, каждый родственник приносит ей какую-либо монету, кольцо, шелковый платок, башмаки с отделкой, материю для платья и т.п. После этого невеста не стесняется, начинает говорить с ними, беседует по целым часам и смеется, но не ест и не пьет при них. Если случается, что входит к ним гость во время обеда или ужина, то она сейчас встает с места и стоит в стороне, как ни в чем не бывало.

Любимая услуга от невесты, считающаяся наслаждением для родственников, состоит в том, что они приходят к ней по субботам или большим праздникам и заставляют ее искать у них в голове. Родственник, растянувшийся во всю длину на кровати или мягком одеяле и положивший свою голову на ее колени, засыпает под влиянием этого наслаждения, и невеста, не смея нарушить его блаженный сон, сидит в прежнем положении и продолжает трещать ногтями, если в комнате нет другого гостя. Как только пришел другой, она тихонько подкладывает под голову спящего мягкую подушку и предлагает пришедшему свои услуги. Самое большое уважение оказывает невеста избранному другу жениха, который исполняет роль посредника между молодыми и передает жениху все впечатления, произведенные на него невестой, но только с хорошей стороны.

Жених сам не видит невесты и не имеет возможности говорить с нею, пока родители ее не поблагода-

рят его за оказанное им почтение и покорность и не пригласят его к себе вместе с друзьями (Об этом будет сказано ниже). Видя достоинство свое в скромности, молчании, в оказании различных услуг родственникам и друзьям жениха, невеста дольше всего не говорит с другом жениха и делает ему кисеты, чехлы для часов и оружия и ермолки, отделанные бисером, галунами и мишурными украшениями. Редко кто не имеет подарка от невесты, и в свою очередь те также дарят ее серебряными вещами и материями. Друг жениха часто приносит невесте также подарки от себя и жениха. Подарки жениха не показываются невестой, так как ей стыдно иметь вещь, напоминающую об имени жениха, и кладутся в такое место, чтобы родители ее могли видеть, как жених ценит ее, и радовались. Увидя вещь и встретив молчание дочери относительно ее, они догадываются и спрашивают, после чего невеста надевает ее на себя и носит постоянно.

Для того чтобы сделать жениху подарок, она сидит по целым дням и ночам в особой комнате и прячет изготовляемый подарок при входе каждого, взяв сейчас же в руки другую работу. Кроме того, родители жениха и невесты посылают по праздникам друг другу также подарки, состоящие из хороших кушаньев и различных фруктов, от которых жених и невеста непременно должны попробовать, так как между ними иначе не будет "ширины" (сладости). Приносящие подарки жениху и невесте получают от них по медной или серебряной монете.

Переименование невестой родственников происходит только на родителей, самых близких родственников и друзей жениха. Имена эти даются ею или по личному усмотрению, или по совету подруги и молодых женщин, которые знают эти порядки; но родители ее не вмешиваются вовсе в это дело. Большою

частью отца и мать жениха называет она "бебе" (папаша) и "деде" (мамаша), сестру — "сйлү күз" (дочь или девушка, достойная славы) и "эрке күз" (выросшая в баловстве и дорогая), "алтунъ күз" (золотая девица) и, наконец, братьев, родственников и друзей — "сйлү улан" (сын или юноша, достойный славы), "эрке улан" (выросший в баловстве и любимый), "исбой" (стройный), "сйлү" (славный), "инче-бел" (с тонкой талией), "суйдүм" (симпатия) и проч. Часто эти имена даются без различия пола мужчинам и женщинам, но с прибавлением "күз" (девушка) и "улан" (юноша). О женихе она никогда не говорит ни слова и закрывает от стыда лицо, когда другие при ней нечаянно заговорят о нем. Если же приходится говорить о нем при близких подругах или с другом жениха, то она называет его "у" (он). Жених же называет всех по именам, а невесту также "у" (она).

Промежуток между обручением и свадьбой продолжается иногда несколько лет, и в течение всего этого времени невеста, идя куда-нибудь и встретив жениха, должна бежать, закрыв лицо платком, если она впереди, и вернуться назад, если он впереди. Когда же случается, что она сталкивается лицом к лицу с кем-либо из родственников, показавшимся из-за угла, то она оборачивается к нему спиной, закрывает лицо и стоит или приседает на землю, пока тот не пройдет. От посторонних односельцев своих, не связанных ни родством, ни дружбой с женихом и родителями его, она дома вовсе не закрывает лица. Если случается свадьба и жених с невестой приглашены, то они прячутся попеременно от народа и танцуют, т.е. когда танцует жених, то не видно невесты, когда она — жениха. Маленькие невесты, так как помолвки совершаются часто между детьми, начинают практиковаться и изучать эти порядки с 7 — 8 лет.

Уважение жениха к родителям невесты и покорность его выражаются тем, что он бежит от них, не присутствует там, где они, и не говорит. Даже и в синагогах, где каждый имеет место, назначенное обществом или перешедшее к нему по смерти отца, он перемещает прежнее место на новое, где отец невесты не видел бы его. Избегание женихом родителей невесты продолжается до тех пор, пока они не примут его в гости с молодежью и тем не откроют "шерм думоре" (лицо жениха). Когда они изъявляют на это свое согласие, то родители жениха приглашают по юноше из каждого дома и дают им знать заранее о числе сопровождающих жениха. Это для того, чтобы невеста могла приготовить каждому из молодых людей по подарку — шелковые кисеты и платки, шелковые ермолки и пр. вещи, отделанные галунами и вышивкой.

В назначенный вечер все приглашенные являются к жениху и отсюда в сопровождении зурны с песнями отправляются к невесте. Здесь встречают гостей родители невесты и, поцеловав жениха в лоб и щеки, приглашают всех в кунацкую, где приготовлены для них места на подушках. Жених садится на первое место, друг его — справа, один из родственников невесты — слева, а все остальные кругом, разделившись по четыре, по пяти на "ху" (партии). Тут им подаются водка, вина, куры (по одной каждой "ху"), плов, голубцы, шашлыки, вареники и пр. восточные блюда. Весь пол уставляется всевозможных цветов и красок тарелками и деревянными ложками и вилками, которые занимают по случаю торжества у соседей.

После ужина приносятся медные подносы, на которых красуются одежды для жениха, подарки для гостей, красные яйца, яблоки и другие плоды. Затем один поднос бывает наполнен блюдцами, в которых лежат папиросы, и пустыми тарелками, которые на-

значаються для сбора денег от жениха и присутствующих. Родственник невесты, сидящий с правой стороны жениха, снимает с подноса одежды и, торжественно произнося, из чего они состоят, кладет их перед женихом. Тот кивает головой своему другу и показывает знаками, чтобы он надел их на себя. Его товарищ встает и при общих любопытных взглядах, жаждущих видеть платья, раздевается тут же и облачается в них. Сразу устремляются на него взоры присутствующих, и со всех сторон слышатся слова удовлетворения или осуждения, смотря по достоинству одежды. После этого жених кладет в тарелку некоторую сумму, не превышающую, однако, десяти — пятнадцати рублей. Затем тарелки ставятся перед другими гостями, которые приглашаются последовать примеру жениха. Те кладут по желанию и состоянию от 30 коп. до 3-х руб. и получают из рук родственника подарок, стоимость которого соответственна уплаченной ими суммы. После этого все закуривают по папироске, берут несколько фруктов в карман и спешат домой, чтобы дать свободу жениху, который в эту же ночь со своими двумя друзьями должен идти проводить невесту. Родители невесты приглашают двух, знающих церемонии, совершающиеся при этом, молодых женщин и вместе с тем таких из подруг дочери, которых она не стеснялась бы. Приказав им смотреть во все глаза за помолвленными, они преспокойно уходят спать в другую комнату. При этом мать берет с дочери слово — остаться честной и стараться угодить желаниям жениха, на что та, краснея до ушей, кивает головой в знак согласия и идет в кунацкую комнату, где ожидают гостей.

Подруги невесты называются "согдуши" или "ендуши" ("сог" — здоровье, "ен" — бок, "душ" — плечи) т.е. девушки, присутствующие постоянно при невесте, а обычай допускать жениха на ночное свидан-

ние с невестой — "гечелей" (ночное посещение). Подруги и невеста готовят для приема жениха различные кушанья и фрукты, также и подарки и ждут их у окна. Около 12 часов ночи друзья жениха стучатся в окно условленными знаками и просят отворить его, чтобы войти в комнату. "Согдуши" просят показать прежде подарки, принесенные ими за то, что они исполняют роль привратниц. Те показывают издали; эти просят развернуть платок и показать все хорошенько; те боятся, чтобы они не требовали вторично, вырвав эти подарки, что они и делают часто, потому и показывают, держа их крепко в руках; эти не довольствуются подарками и просят еще; те обещают, а эти не верят и торгуются. Наконец, уладив дело, друзья и жених прыгают в окно. Тут они видят невесту, стоящую в углу лицом к стене, и всевозможные блюда на полу. Друзья жениха подходят здороваться к невесте, а она, закрывая лицо левой рукой и чуть держась от стыда, так как в первый раз стоит под одною кровлею с женихом и при других, подает им правую руку и делает различные движения, чтобы убежать. Жених в это время здоровается с "согдушами" и садится на почетное место.

Раз мне пришлось провожать товарища на "гечелей", и невеста, увидев нас, бросилась вон из комнаты и побежала в другую комнату, где спала мать. Мы раза три посылали к ней "согдуш", а она все не шла и не соглашалась. Наконец жених начал капризничать и просить, чтобы его отпустили отсюда, где его нога не будет больше. Об этом было передано матери "согдушами", и она насильно вытолкала невесту из комнаты и приказала сию минуту отправиться к гостям, если она не желает, чтобы отец или братья проснулись. А что будет тогда, она слышала от подруги!..

Друзья и подруги садятся к жениху и начинают говорить о разных разностях. Жених слушает мрачно,

говорит тихо, чтобы невеста не подумала о нем худо, и улыбается по временам с некоторою принужденностью. Им подают напитки и закуски. Друзья, повеселев немножко, встают со своих мест, подходят к невесте и, поблагодарив ее за почтение, начинают просить, чтобы она приняла участие в их веселье. После долгих просьб, к которым присоединяет свои также и жених, она подходит к друзьям и стоит около стены, не смея взглянуть на жениха и отвечая на вопросы и смех мужчин киваниями и скромной улыбкой. После ужина и чая, в которых невеста не принимает участия, подруги снимают с полок подушки и одеяла и готовят на полу места для желающих отдыхать. Конечно, жених и невеста прекрасно знают, что значит это "отдохнуть", и слышали, что бывает тогда. На лицах их, выражающих некоторое беспокойство и страх, выступает заметная краска стыда, яркий румянец невинности. Невеста беспрестанно бросает на своих подруг огненный, укоряющий их взгляд, который вместе с тем выражает страдание, мольбу оставить ее в покое. Заметно, как она дрожит и бледнеет, как тяжело дышит... и, Господи, чего не происходит в душе ее в эти минуты!

Я имел друзей супругов, которые передавали все впечатления, пережитые ими во время гечелей. "Вот, вот уйдут все эти друзья и подруги, — представляется ей. — Вот останется она одна с женихом, который потушит свечку, возьмет ее за руку и потащит с собой отдыхать". Ею овладевает непонятная тоска и мучительный страх. "Уя худо! (Боже), как все это безобразно, жестоко и невыносимо, — думает она, — меня караулят и не пускают бежать. Хотя бы заснули все, а то ведь знаю, что они нарочно храпят, притворяясь спящими, и будут слышать все, что мы будем говорить, замечать каждое наше движение... как это не стыдно!"

Также размышляет и жених, смотря из-под лобья на невесту и на эти маневры; но его занимают, кроме этого, еще некоторые вопросы, которых решение надеется он найти сегодня у невесты. Он не знает, любит ли его невеста и какова она — зла ли или добра, умна или глупа, капризна, горда или проста ...но он решил расспросить ее, разузнать обо всем. "А! — думает он, — ведь они следят за нами во все глаза, чтобы между нами не было греха, и я ни за что не буду говорить во всеуслышание". В это время последний из сидевших с ним прежде и не заснувший еще подходит к невесте и начинает уговаривать ее, чтобы она села, так как она, вероятно, устала. Действительно, она едва держится на ногах и, видно, что давно ей хочется присесть, хотя бы на минутку. Но чтобы она дала заметить жениху и другу его свое утомление или нездоровье — Боже упаси! Она качает головой и дает этим знать, чтобы не беспокоились о ней. Тот просит опять, говоря, что этим премного обяжет его она и доставит ему удовольствие. Странно, что друзья жениха имеют больше веса и значения перед невестой, чем сам жених, и она ужасно боится не угодить их желанию. Она уступает просьбам и, двигаясь несколько раз то вперед, то назад и дрожа всем телом, садится рядом с другом жениха и так, чтобы ей не был виден жених. В ней начинается происходить сильная душевная борьба — "остаться или идти?". Этот момент считается самым критическим.

Горские девушки, как сказал я выше, до того стыдливы, робки и целомудренны, что большинство из них готовы лучше идти на верную смерть, чем позволить себе оставаться наедине с мужчинами, которых они видят впервые. Поэтому друзьями принимаются предосторожности и запираются крепко-накрепко двери и окна. Но не всегда бывает так легко покорить горскую девушку. Иные из них оказываются более

находчивыми и смелыми на всякий шаг, чем мужчины и, воспользовавшиеся как-нибудь случаем, выбегают из комнаты. А тогда ищи невесту, сколько хочешь, кричи во все горло "Аллах", вызывай мать ее из ее опочивальни, — ничем нельзя пособить горю! Невеста забирается в глухой угол и там проводит ночь до утра в отчаянных рыданиях. Если же невеста села, то победа значит на стороне друзей, и она, наверно, не убежит, потому что это будет считаться смертельной обидой для друзей.

Как только невеста садится, друг жениха встает за чем-нибудь и, потушив свечку, будто нечаянно, отправляется также спать на приготовленное место. В это же время жених приближается к невесте, ловит ее за руку и начинает говорить прерывисто и шепотом. Но сколько стоит ему усилия, чтобы сделать этот первый шаг! Я слышал от товарищей, которые рассказывали, что они дрожали в эту минуту, как лист, и не находили, что говорить и как приступить к обезоруженной, беззащитной и тоже дрожащей девушке. Но иные обрученные, знавшие прежде друг друга или чувствовавшие взаимную симпатию, беседуют без стеснения до утра, не обращая внимания на сторожей, которые и в самом деле засыпают один за другим. Оставшись вполне наедине и в темноте, молодые делают развязными, смеются, ласкают друг друга и проводят в разговорах время, пока на заре не проснутся подруги и не поторопят жениха уйти поскорее, чтобы его не заметил народ и не осуждал его за долгое препровождение времени с невестой.

Но при всем этом надо заметить, что наши девушки-невесты остаются строго целомудренными и невинными, и ни один из молодых не может дерзнуть "дойти до греха", зная строгость законов и обычая, которым должны они подвергнуться оба. Горе моло-

дым людям, не сумевшим воздержаться на гечелеяхъ и вообще сохранить целомудрие! Каждый указывает на них пальцем, смотрит с пренебрежением, плюет при виде их, называет самыми грозными именами ... и они не могут всю жизнь избавиться от осуждения общества. Тем более несчастными делаются дети, имеющие таких родителей, и тем презрительнее относится общество к ним, называя их "пич" или "мемзир" (незаконнорожденные). После первого приглашения родителями невесты жених свободно посещает дом их, но не видит невесты. Если же появится у него желание видеть ее, то друзья устраивают ему "гечелеи", которые имеют такой же характер и стоят таких же денег. Но частые "гечелеи" осуждаются обществом, считающим их за волокитство, легкомыслие и бездельничанье, и родители невесты смотрят тогда на жениха с некоторым неудовольствием.

Отцы жениха и невесты заключают между собою, кроме договоров о выкупных деньгах, еще одно условие, по которому жених должен сделать невесте, если промежуток от обручения до венца продолжается не менее двух лет, различные шелковые наряды. День, в который представляются невесте наряды, считается одним из торжественных и называется "табаг" (поднос), ибо так же, как при обручении, подарки несут родственницы на подносах, и шествие сопровождается зурною и песнями.

За два — три месяца до свадьбы совершается для помолвленных "Рах-бура" (пресечение пути). Так названа эта церемония потому, что в этот день жених отдает отцу невесты последние выкупные деньги, и обе стороны начинают деятельно готовиться к свадьбе. С этого дня жениху и невесте очень опасно, по поверию, отправляться куда-нибудь в путь, тем более в темную ночь. Поэтому помолвленных оберегают ро-

дители и не пускают их никуда без провожатых. Поверие же основано на том, что за ними следят "шахаду" (злые духи) и, завидуя счастью людей, стараются разъединить их, увести и сделать их сумасшедшими. Также постановлено обычаем, чтобы, во-первых, после этого дня жених не бывал на гечелеях и не видел невесты, а во-вторых, невеста закрывалась бы вновь ото всех и не показывала лица никому из родственников до ночи, следующей сейчас после венца, а посторонним через две, через три недели после свадьбы и то тогда только, если они сделают "сог-боши" (благодарность), дадут ей за это подарки.

За неделю до свадьбы родители жениха приглашают своих родственниц, чтобы они скроили жениху и невесте подвенечные платья, одарили бы по своему усмотрению других близких родственников и бедных вдов и сирот платьями из готовых тут же материй. Кроме того, в течение этой же недели, женщины приготавливают плов из кур для отсылки старухам и старикам, у которых в этом году умерли дети или родственники, и вообще всем носящим траур. Своими дарами и вниманием они хотят испросить у них позволения сыграть свадьбу, так как из уважения к памяти умерших не желают своей музыкой и плясками оскорбить чувства носящих траур. После этого последние посылают помолвленным свои заочные благословения и пожелания счастья и просят родителей не откладывать Богом сужденной радости детей, так как никто не знает, что будет завтра с нами. Получив отовсюду такие ответы, мужчины идут в каждый город и аул, где только есть родственники, и просят их приехать отпраздновать вместе торжественные дни, а женщины шьют наряды жениху и невесте. Точно так же готовятся и в доме невесты к брачным пиршествам. В начале этой недели невеста также просит к себе нескольких подруг и родственниц, которые занимаются

приготовлением ей приданного. Среди подруг выбирает она двух девушек, которые делаются ее "согдушами", помогают ей в шитье платьев и находятся при ней до самого бракосочетания.

Брачные пиршества, по соглашению родственников молодых и когда обе стороны готовы, начинаются в пятницу вечером и происходят одновременно у жениха и у невесты. Свадьба происходит зимою, так как в это время накапливается много свежего вина. От жениха идут в пятницу вечером ко всем односельцам двое из молодых родственников его и приглашают мужчин вместе с их гостями на "шев бирор-думор" (ночь брата жениха). В эту ночь к жениху просят родители одного или двух из его друзей или близких родственников, которые называются "бирор-думор" (брат жениха) и обязанность которых сопровождать жениха во все время свадьбы. Кроме того, еще шесть дней после свадьбы брат жениха всюду следует за ним, и если оставляет его на несколько минут, то передает свое место кому-нибудь другому или второму "бирор-думору". Далее родители просят общество утвердить в пятницу вечером еще в должности двух "сер-коло-ли" (распорядителей, в руках которых находятся ключи от погребов, где хранятся вина и съестные припасы) и нескольких женщин для приготовления свадебных кушаньев. Они должны находиться на свадьбе, каждый при своей должности, в течение двух недель. *Сер-коло-ли* выбираются из более известной своею практичностью и строгостью молодежи, которая, не жалея женихова добра, тащит тайком из погребов вина, мясо, колбасы и др., и пирует, особо от свадьбы.

Приглашенные гости и должностные лица являються к жениху после вечерней молитвы и пируют у него далеко за полночь. От невесты *согдуши* идут приглашать девушек "спать и веселиться с невестой

до выхода ее замуж". Здесь они поют песни, танцуют и увеселяют невесту, плачущую и говорящую своим подружкам, что ей всего остается быть под кровом родных пять – шесть дней. В эти дни они окружают невесту и гуляют с нею в садах, поют песни и затевают различные игры.

Если кто-либо приводит к ним из дома жениха, они бросаются на него, срывают с него шапку и требуют денег за посещение. Таким образом девушки собирают от гостей и большею частью молодежи, приходящей танцевать, петь и смотреть на девушек, около тридцати – сорока руб., на которые приглашают народных певцов и зурну. В субботу после молитвы в дом жениха опять приходят старики и взрослые мужчины, которые, попросив принести себе обед, остаются тут веселиться. После обеда мужчин сменяют женщины, которые приносят с собою фрукты в платках и проводят время до вечера в песнях и беседах. К невесте в этот день являются молодые женщины, вышедшие недавно замуж, и парни, которые также веселятся до ночи, распевая хоровые песни и танцуя под звуки гармони, на которой играет какая-нибудь мастерица-красавица из горских девушек. В воскресенье все заняты приготовлением ужина для "пой-пою" (стоящей на ногах свиты), которую посылают приглашать сейчас же после обеда. Настоящая свадьба начинается с этого или следующего вечера, т.е. с понедельника. В приготовлении начального ужина для "пой-пою" помогают все родственники и родственницы и даже мало-мальски знакомые, если имеют свободное время. Тот рубит дрова, тот едет в город за свадебными надобностями, тот в лес за дровами и т.п.

Как семья жениха, так и невесты приглашает вообще из каждого дома по одному юноше и по одной девушке, так что число приглашенных юношей у же-

ниха доходит до 60 — 70 пар, а у невесты до 20 — 30. Все эти юноши составляют свиту жениха, а девушки свиту невесты. Журначи и барабанщик приглашаются часа за три, за четыре до начала ужина; они начинают играть "ерденкуи" (вроде марша), а собирающаяся молодежь, девушки и женщины приветствуют их, прыгая, хлопая в ладоши и затягивая хоровые татарские песни "ho-ло-лой, ho-ло-лой!". Наконец подается ужин — отдельно юношам, женщинам и девушкам. После ужина проверяется число явившихся гостей и отдается приказание распорядителям приготовить завтра обед не меньше, чем на столько-то человек.

Зурна играет до 2 — 3 часов ночи, и танцы идут во всем разгаре. На следующий день, в понедельник или во вторник, смотря потому, когда началась свадьба, юноши, являясь утром в дом жениха, отправляются к "сер-ко-лоли" (распорядителю) требовать "сепеелей-пой-пой-ре", т.е., три стакана вина, полагающиеся каждому члену свиты. Желающим из них вместо трех стаканов вина подается рюмка водки с закуской. После этого все собираются на свои места, на круг, отведенный для танцев, и выбирают из своей среды "шаха", обязанность которого смотреть за свадебными церемониями. Свадебные пиршества, как мы упомянули, продолжаются дня четыре и происходят одновременно у жениха и невесты. Главное торжество происходит в доме жениха, а у невесты собираются только ее подружки и близкие родственники. Впрочем гости переезжают постоянно из одного дома в другой, и сношения между ними не прерываются. В доме жениха, днем на дворе, а ночью или во время дурной погоды в комнатах, происходит главное торжество. Круг на полу, отведенный для танцев, посыпается песком или саманом для удобства танцующих. Вокруг него расставлены деревянные скамейки, на которых

помещается шах со своей свитой. Перед шахом стоит стол с винами и закусками, по правую руку сидит его визирь, а по левую — жених со своим нареченным братом. Все они хлопают в такт танцующим под звуки зурны и барабана.

Над девушками также есть одна старшая, которая и назначает очередь, когда какой выйти танцевать. Несколько юношей "човучи" (полицейские) вооружаются кнутами и состоят под распоряжением *шаха*. Назначение их кроме поощрения хлопающих в ладоши еще иметь, так сказать, полицейскую цель. Дело в том, что шах старается собрать у присутствующих на свадьбе родственников жениха как можно больше денег в пользу последнего. Для этого он пользуется каждым удобным случаем, чтобы наложить на них штраф в размере от 50 коп. до 3—4 руб. Если же кто заупрямится и по первому призыву шаха не отдаст положенного на него штрафа, то шах отдает приказание упомянутым членам свиты, вооруженным кнутами, и виновный привязывается к нарочно с этою целью поставленному деревянному столбу и не отвязывается до тех пор, пока не уплатит положенного штрафа. Более тяжких преступников, например, ругавших шаха или его правление, кроме штрафа сажают на пять, на шесть часов в конюшню, и никакие просьбы отпустить их не принимаются. Конечно, такой казус сопровождается громким смехом и шутками присутствующих, и танцы продолжают своим чередом. По временам их заменяют хоровые песни мужчин и женщин. Так продолжается двое—трое суток.

На первый или второй день свадьбы, когда шах, брат жениха и другие лица выбраны, все общество под предводительством шаха отправляется встречать невесту, если она едет из другого аула, и встреча происходит за две—три версты от места отправления.

Свита жениха запасается вином и закусками, не забывая при этом и музыку. Часть свиты, разузнав о скором приближении поезда невесты, пускается вскачь вперед, чтобы поздравить провожающих ее, а затем также вскачь возвращается назад, и при этом тот, чья лошадь будет впереди, получает из рук шаха в награду шелковый платок, который тут же и повязывается на шею лошади. Иногда вместо шелкового платка дают кусок хорошего сукна — аршин шесть — для черкески или бархат на занавеску стены. Эти подарки приготавливаются джигитующим в награду отцом жениха.

Во вторник в дом невесты приглашаются из каждого дома по одному взрослому мужчине. Здесь после роскошного обеда все гости дарят невесту деньгами, а родственники деньгами и вещами, которые ставятся на пол и записываются раввином. Это называется "Нотор-Хадіјо". При получении денег невеста подносит подателю стакан с вином, который выпивается им с ужимками и кривляньями, чтобы развеселить девушку, которая смотрит на него из-под лобья и тоже улыбается. В это время подруги ее, стоящие в углу комнаты, поют хором в честь подателя и невесты "һей-шобош! һей-шобош!". На этот или следующий день семья жениха приглашает женщин, в числе которых должны быть и молодые женщины, вышедшие в тот год замуж и не открывшие еще для света своего лица (Перед своими молодая открывается совсем через три — четыре месяца). Каждая женщина, вступая на порог дома, произносит: "Приносим свое поздравление, да будут счастливы молодые, да будет счастлив час, в который они соединятся", и пр., на что мать, сестры и родственницы жениха отвечают: "Да будет и твоему (сыну, брату) такое венчание, да и тем всем родственникам и знакомым, кто не был еще венчан; милости просим, войдите!". Женщина-гостья, входя в

комнату, дает матери или сестре жениха, поставленным принимать гостей, серебряную монету. Деньги, собранные таким образом, идут частью для бедных, частью на покупку фруктов и сладостей для женщин и мужчин.

Так как молодые женщины почти около полугода после своей свадьбы стыдятся выходить на улицу, говорить с посторонними и даже являться на свадьбы с закрытым лицом, то для того, чтобы сделать их развязными, молодежь выдумывает различные мимические представления и шуточные игры. Одна из известнейших повсеместно игр называется "пешли-вон" (акробатическое представление на канате). Она состоит в том, что на дворе рядом с кругом, отведенным для танцев, натягивается канат посредством четырех бревен, наклоненных попарно, вышиною около четырех — пяти аршин и на расстоянии двадцати или более шагов одно от другого. На этом канате с большим балансом в руках танцует один опытный акробат лезгинку и дает представление. Акробат одевается в пестрое платье из игральных карт или цветных бумаг с металлическими блестками. Внизу под канатом бегают туда и сюда двое, одетые в шубы наизнанку и также в папаху "думбой" (комики), лица которых бывают закрыты шкурою с отверстиями для глаз, рта, и с усами и бородой. Прежде всего представление дается в честь родителей жениха, от которых почти ничего не берут за это или берут очень мало, если они не жалеют припасов и ничего не скрывают от свиты жениха; в противном же случае их — мужа и жену привязывают к одному и тому же столбу и не отпускают, пока они или сами или кто-нибудь за них не уплатят трех — четырех рублей.

Представления даются под надзором шаха и следующим образом. Завидя кого-либо из аульных гос-

тей или приезжих, чоучи (полицейские) передают об этом через визиря шаху. Тот приказывает чоучам, чтобы они схватили гостя и велели музыке играть. "Думбой", услышав сигнал музыки, которая останавливается минут на пять, пока опять не получит приказа играть, идут под канат, начинают там прыгать, кривляться и кричать разными звериными голосами. "Пеһливончи" (актер), сидящий на перекрестных концах пары бревен, встает и готовится представлять. В это время один из "думбоев" произносит громко, подняв голову вверх: "Пеһливон, кардаш!" (друг, акробат!). Тот отвечает: "һеплей, жонкардаш!" (к услугам твоим, дорогой друг!). Думбой начинает: "һүнер-һүнер учүн, һүнер яхши игит (имя такого-то или такой-то)", т.е., если сказать тебе, в честь кого мы должны показать свой талант и искусство, то в честь такого-то храброго, доброго красавца и красавицы (имя). Пеһливончи, повторив то же, что говорит думбой, начинает танцевать на канате под звуки зурны, а думбой скачут вниз, смотря по временам наверх, чтобы подать помощь акробату в случае его падения.

Окончив свой танец, акробат садится на другом конце, а думбой бегут за деньгами к лицу, в честь которого играли, прыгают, кувыркаются и требуют большего и большего количества денег, которые затем кладутся на стол перед шахом. Смотря потому, много ли даст гость, даются представления, различные по степени опасности. Из них известны несколько, например, танцы с привязанными к пяткам горизонтально кинжалами, с прикрепленными к подошвам саблями по лезвиям или плоскостям, с обутыми в маленькие котелки ногами, с завязанными глазами и пр. Представления эти оживляют думбой своими остротами, пискливыми голосами и циничными движениями, при которых все поднимают дикий смех, бьют

в ладоши и кричат "ура, ура!". Больше всего издеваются думбой над молодыми женщинами.

В ночь со вторника на среду невесту ведут на омовение в реку, купальню или баню, смотря потому, где происходит свадьба — в городе или ауле. Провожают невесту только ее подруги и одна молодая женщина, выбранная уже для невесты в должность "куда-катун" (посаженная мать). Вернувшись домой, подруги расплетают мокрые волосы невесты, чешут их гребнями и, разделив их на несколько прядей, заплетают в косы. В это время одна начинает распевать "је шевле муһмун деде", а другие затягивать "је дүкле русмун деде" (еще одну ночь ты гостя у матери, еще остается тебе только одно веретенце выпрясти для матери). После уборки волос подруги принимаются за одевание невесты в чистое белье, приготовление ее вещей по порядку и ждут принесения от жениха подвенечных нарядов. Каждая девушка от души помогает своей подружке-невесте и, зная, как тяжело ей расстаться навсегда с родными, утешает ее, веселит и танцует с ней.

На третий или четвертый (последний) день свадьбы происходит самый обряд венчания. До венца, утром, относят невесте наряды и подарки, приготовленные женихом. Все общество, сопровождаемое музыкой, отправляется к невесте. Мужчины держат в руках сосуды наполненные вином и водкой, поют "а-на-най, а-най!" Женщины и девушки, неся на голове подносы, на которых лежат наряды невесты, сорочинское пшено, куры, индюки, гуси, чуреки и пр., затягивают "һо-ло-лой"; зурначи дерут во все горло свое "ерден-куи", весь аул приходит в движение.

Вручив все наряды и подарки родителям невесты, общество возвращается на прежнее место и занимается женихом. Часа за три до отправления жениха в

баню или на реку, на кругу, где бывают танцы, происходит нечто вроде аукционного торга. Здесь продаются подвенечные одежды жениха, каждые порознь и притом только на то время, когда жених моется. Кроме того, продается право обуть жениха по выходе его из бани в носки и чулки, право надеть на него бешмет, право обрить ему голову, право поцеловать его первым в бритую голову, что считается большою честью. Наконец, часов в 12 утра жених в сопровождении шаха, визиря, названного брата и всей свиты, отправляется в баню или "hавуз" (купальню). Процессию сопровождает музыка, и пока жених и брат его, нигде его не оставляющий, моются, вся остальная свита пляшет, и никакой мороз, ни ветер, ни гроза не могут помешать этим танцам. Между тем в предбаннике стоят женщины и торопят умывающихся своими песнями: "и чў дир омо думор иму, гаи дир омо думор иму", т.е. как это долго возится жених, как это поздно не выходит он. Когда жених кончит омовение, в предбаннике и между народом раздаются выстрелы, и его встречает купивший право поцеловать его в обриту голову в знак большого к нему уважения. Затем, одевшись, жених становится у дверей, поникши головой и уткнув лицо от стыда в рукав шубы или черкески, а сопровождавшие его все подходят поочередно и целуют его в голову. Женщины же в это время осыпают его сорочинским пшеном и мукою, символом благосостояния, плодородия и чистоты семейного счастья, а все остальные члены свиты поют или татарские песни, или гимны на древнееврейском языке.

В недавние времена после бритья головы жених садился на лошадь и выезжал джигитовать в поле со своими товарищами и свитой. Теперь это выходит из обычая. Из бани вся компания отправляется за невестой. Здесь родители ее или другие родственники

ожидают их у дверей дома. Жених падает перед ними на колени и целует их руки и ноги в знак полной покорности. Потом родители выводят невесту и отдают ее жениху, провожая со слезами свою "помощницу матери" и благословляя ее на счастливую жизнь с мужем. При этом мать целует жениха и дарит его серебряным или шелковым поясом, шелковым платком и кисетом. Опоясав его, она вешает ему свои подарки к поясу и, еще раз благословив его и дочь, следует за ними. Лицо невесты покрыто шелковым платком, окруженным двойным или тройным рядом крупных золотых и серебряных монет. Отсюда жених и невеста отправляются, каждый отдельно и со своей свитой, к родителям жениха. Затем, если свадьба происходит в городе, где можно достать приличные экипажи, жених со своим нареченным братом и "енгой" (прислужница из сестер), держащей в руках восковые свечи, и невеста с посаженной матерью и какою-нибудь девочкою-родственницей садятся в экипажи, и процессия направляется в синагогу. В руках у посаженной матери и девочки горят также восковые четырехугольные свечи, окрашенные разноцветными красками; экипажи окружает свита жениха и духовая музыка.

Если свадьба происходит в ауле, то жених и невеста идут пешком, каждый отдельно, окруженные своей свитой, которая в это время распевает хором песни и гимны. К процессии присоединяются с обеих сторон родственники и друзья с наполненными вином стаканами в одной руке и графином в другой. Крики, шум, песни, неумолкающее "ура", хохот все это сливается вместе, и встречные прохожие, выразив чете пожелания счастья, тоже присоединяются к ликующим. Между тем из дома невесты в дом жениха перевозится ее имущество, наряды, хозяйственные принадлежности и т.п. Все это обыкновенно

справляется на *калын*, полученный от жениха. Когда процессия достигает синагоги, музыка останавливается и играет лезгинку или другое что-нибудь веселое в этом роде. Жених выходит из экипажа и идет во двор синагоги, а невесту несет, как ребенка, на руках один из родственников ее или жениха.

Нельзя не сказать здесь об одной суеверии, сильно вкоренившемся между евреями-горцами и имеющем громадное влияние, во-первых, на всю следующую двух-трехлетнюю жизнь вступающих в брак, и, во-вторых, на поднятие значения и популярности знахарок и колдунов.

Горские евреи глубоко верят в то, что в брачные дела вмешиваются нечистые духи и колдуны, находящиеся под влиянием первых. По их мнению, в то время как раввин соединяет молодых словами св. Писания, дьявол старается расстроить брак и, вселившись в душу какого-либо злого человека, является на свадьбу и "связывает узел", который имеет такую силу, что молодые во веки не соединятся, пока он не будет развязан. Но узел дьявола не так опасен, как узлы людей, врагов жениха или невесты, ибо узел первого можно развязать посредством молитвы к Богу, который принудит дьявола к этому, а узел вторых развязать невозможно, потому что они могут спрятать его где-нибудь и позабыть. Бросить же связанные во время венчания узлы боится всякий, потому что после этого скоро наступает смерть бросившего их. Из узлов же, связанных во время венчания, имеют те только силу, которые сделаны как раз в то время, когда жених надевает невесте на палец кольцо и произносит девять слов из священного Писания, соединяющие законным браком; а в продолжение произнесения их можно связать не больше десяти — двенадцати узлов, что также боятся делать, ибо тогда Бог уменьшает число годов жизни связывающих узлы в два

раза столько, сколько узлов. Самый злой враг делает поэтому не больше трех — четырех и тем не дает соединиться молодым три — четыре года. Странно то, что это суеверие было проверяемо стариками несколько раз, и результаты еще более подкрепляли суеверие. Связывали без ведома жениха узлы, пускали молодых на брачное ложе, жених со стыдом выходил из комнаты невесты; развязывали через несколько дней или месяцев, и наваждение проходило.

Узлы можно связать не только ремнем, шнурком, веревкой, но и металлическими вещами, как, например, кольцом, кинжалом, саблей и т.п. Для этого нужно только перевернуть предмет и надеть наизнанку. Можно избавиться и от таких узлов; для этого нужно близким родственниками жениха и невесты быть предусмотрительными и самим постараться связать как можно больше узлов, так как те будут иметь большую силу, которые начали завязывать при первом же слове, произносимым женихом. Число же их должно быть самое большое потому, что посторонние побоятся сделать много узлов и не развязать вовремя, а родственники развяжут свои узлы сейчас же, как отпустили жениха к невесте. Поэтому нередко можно видеть во время венчания какого-либо родственника жениха, который, внимательно слушая жениха, начинающего слова писания, с усердием и каким-то самодовольством начинает делать несколько узлов и смотрит по сторонам, чтобы узнать, нет ли еще кого.

На дворе синагоги стоит балдахин, под которым должны венчаться новобрачные. Балдахин состоит из куска шелковой материи, натянутой на четыре жерди. Жерди эти держатся четырьмя родственниками невесты и жениха. Во время венчания раввин читает молитвы, а жених со своим нареченным братом и невеста с посаженной матерью стоят поникши голова-

ми под балдахином и слушают раввина¹. Балдахин окружает народ различных верований и племен, так как горцы-евреи не воспрещают никому присутствовать при своем богослужении, тем более на свадьбах. Потом раввин берет полный стакан вина, произносит молитву и передает его жениху. Последний, так же как и невеста, постится с восьми часов вечера предыдущего дня и только теперь впервые отпивает немного вина и подает его невесте. Невеста, сделав то же, подает его раввину. Затем жених надевает невесте на палец кольцо или кладет ей в руку серебряную монету и повторяет за раввином слова священного Писания. После этого раввин читает вслух брачное условие "кетибо", в котором упоминается, какое приданое приносит с собою невеста и сколько, в случае развода, жених обязывается уплатить ей наличными деньгами. После чтения раввин снова наполняет стакан вином, опять читает над ним молитву, но на этот раз подает его не жениху, а невесте. Та отдает его жениху, а последний, отпив немного, со всей силы разбивает стакан о камень, с этою целью лежащий здесь же под балдахином. Наконец балдахин снимается, и раздается дружное "ура" присутствующих.

После венца жених и невеста с *согдушами* и *енгами* садятся в экипаж, который окружается поюще гимны молодежью и учениками с одной, девушками с другой стороны и едут медленно в дом жениха, где для обоих новобрачных готовят отдельные комнаты, освещенные как можно большим количе-

¹ В прежнем описании моем ("Разсвет". 1881 г. № 18) было сказано, что невеста семь раз обходит жениха. Эта ошибка вкралась тогда, во-первых, по молодости моей и незнакомству с некоторыми обрядами нашего народа, так как маленькие вовсе не допускаются на такие торжества, где много народу; во-вторых, живя между русскими евреями и видя обряд венчания у этих последних, почти одинаковый с обрядом горцев, я не обратил внимания на это различие.

ством свечей. Дорогой со всех сторон на молодых сыплются крупа, пшено и мука, которые бросают женщины, услышав шум проходящей мимо их сакель процессии и выбегая второпях навстречу молодым. Во многих местах раздаются выстрелы из ружья и пистолета и слышится "ура" и музыка. Дома встречают молодых родители мужа и, снова благословив их и поцеловав, отводят их отдельно в приготовленные комнаты.

На брачный ужин приглашаются все в городе или ауле: мужчины с их гостями, женщины и дети. Мужчины собираются в комнате молодого, который сидит на низеньком татарском стульчике и поднимается с места при входе каждого из гостей, ласково отвечая на пожелания счастья. Перед молодым на полу ставится большой медный поднос, на котором лежат три чурека с узорами сверху и с яблоками и красными яйцами по три на каждом чуреке. В чурек втыкаются на одинаковом расстоянии три – четыре маленькие восковые свечки. Каждый входящий гость усаживается на полу, покрытом разноцветными коврами, наиболее же почетные садятся на мягкие подушки. Молодой сидит на первом почетном месте, так как он теперь в продолжение восьми дней считается выше всех в обществе. После жениха сидит раввин, перед которым ставят тарелку или расстилают большой платок, куда каждый кладет свое посильное пожертвование в пользу молодых, называемое "Ноторхадіо". Жертвования начинаются родителями жениха и невесты. Брат жениха подает жертвователю стакан с вином и, громко произнося "һей-шобош, һей-шобош", говорит его имя и сумму пожертвованного. Кроме этого, пожертвованиям ведется подробная запись, которая хранится у новобрачного для того, чтобы и он мог пожертвовать такую же сумму, если не больше, на свадьбе каждого из жертвователей или

его детей. Жертвования доходят от 50 р. до 300 – 400, смотря потому, беден ли жених или богат. В первом случае сбор бывает маленький, а во втором большой, так как на свадьбу богатого, кроме односельцев, приезжает из других городов и аулов масса родственников и родственниц.

По окончании этой церемонии подается ужин, после которого рабби служит молебен, за что и ему гости платят по состоянию и желанию. Затем общество расходится по домам. Почти тоже происходит и на половине молодой, куда собираются женщины, но с тою только разницею, что для нее не собираются деньги, и если кто-либо из женщин дарит ее подарками за "открывание лица", то только одни родственницы. С молодой сидят *согдуши* и *енга* за занавеской, чтобы не все женщины видели, как ест невеста, и ужинают.

Когда старики уходят, молодежь садится ужинать с новобрачным, а девушки с молодой. Не стесняемая присутствием старших, молодежь предается неудержимому веселью. Шутки, песни и шумный говор не умолкают. К полуночи новообвенчанные оставляют шумное общество, а девушки, собравшись в комнате молодого, поют веселые свадебные песни. Покой новобрачных охраняет названный брат жениха. Часа через три жених возвращается к своей свите, а "согдуши, куда-катун и енга" входят в комнату молодой и, узнав о благополучном исходе дела и прыгая радостно, скорее убирают ложе новобрачных. В это время друзья жениха стреляют из ружей, что извещает о благополучном совершении брачного акта. Тогда шах со своей свитой отправляется смотреть, что делает молодая. Придя к невесте, он со свитой садится на полу, и каждому из них молодая подает стакан с вином, в который они, опорожнив его, кладут какую-нибудь монету. *Согдуши* и *енга* поют "hey-шобош!", а поса-

женная мать невесты собирает эти деньги и дает юношам от имени молодой разные подарки: кисеты, обшитые золотом и серебром, шелковые, шерстяные платки и др. Затем все расходятся и сакля пустеет. Согдуши, енга и посаженная мать остаются с молодой девять дней, прислуживают ей в это время и утешают, так как она постоянно плачет об оставлении родительского дома. Тем более скучает она и горюет, если вышла замуж в другой аул или город, и с ней нет никого из родных, кроме брата, провожающего ее.

После свадьбы новобрачная три – четыре месяца не выходит из дому и не снимает покрыва. По истечении этого времени, выходя из дому на свадьбы или обручения, она продолжает носить покрывало около года, а дома снимает его и занимается хозяйством. На 10 день после свадьбы делается "родственный обед", на котором присутствуют только родственники молодых и рабби, а вечером провожают нареченного брата молодого домой, дав ему приличные подарки от имени молодых. После этого молодым супругам дается свобода и они занимаются дома хозяйственными делами.

Нужно заметить, что горские девушки выходят очень рано замуж, так что 15-ти лет они по большей части имеют уже и ребенка.

ГЛАВА IV

Сиделки у больного еврея-горца • Господствующие болезни и способы их лечения • Местные врачи и отношение горцев-евреев к медицине • Причины заразных болезней • Похороны • Женщины-плакальщицы • Траур по умершим молодым и старикам • Девушка-невеста по смерти жениха • Поверья относительно явления смерти, относительно носилок, могил и воя собак • Кровная месть • Суды и управления у городских и сельских жителей • Случаи убийства • Справление поминок • Поверья о бессмертии души и о загробной жизни • Высший верховный суд • Троны Бога • Гелгел (вращение) • Ад • Рай

Еще задолго до кончины еврея-горца сакля его беспрестанно посещается стариками и старухами одного с ним аула, которые заботливо ухаживают за ним, исполняют малейшее его желание и даже остаются ночевать у него, так что у больного еврея-горца никогда, ни днем, ни ночью, не бывает менее двух — трех сиделок. Рассказывая об обычаях евреев-горцев покупать жену, делать помолвку детей в их младенчестве, о затворничестве женщин, о знахарях и колдунах и пр., я коснулся между прочим и вопроса о господствующих болезнях между горским населением. Из них я обратил внимание на чахотку и на болезни детей и показал причины, от которых проистекают такие губительные последствия. Теперь же сообщу о некоторых болезнях, которые могут быть излечимы при правильном лечении, но благодаря невежеству евреев-горцев все-таки имеют очень дурные последствия для больных. К таким болезням относятся: припадки (дўл гўрдеи), которые, повторяясь чаще и чаще, переходят в сумасшествие (шаһадуни), золотуха (кечель),

лихорадка (лерз), горячка (кизмиш), желтуха (савзи), оспа (овле), бугорчатка (зўве, дўмбел), ревматизм (вор) и многие другие, различные по местностям и густоте населения.

Причиной припадков, сумасшествия, ревматизма и детских болезней, по мнению горских евреев, как было сказано, непременно является злой дух или дьявол. Как показывают самые названия этих болезней — "дўл-гўрдей" (хватание за сердце и сжигание его), "шаһадунн" (схваченный дьяволом) "нум пегир гўрдей" (держание в руках дьяволом), "вор" (ветер или дух дьявола), — они зависят главным образом от злых духов, которых должно умолять, уговаривать отпустить на свободу свои жертвы. Нет человека, который убедил бы евреев, что все эти названия пустяки, что исход болезней не зависит от этих названий, которые созданы народной фантазией. Они призывают персидских цирюльников, знахарей и других проходимцев с массою трав в мешочках, вверяют им больного, который, узнав название своей болезни, еще более пугается и становится чем дальше, тем хуже, пока не наступит смерть или болезнь не превратит его в щепку. Зная из практики кое-какие врачебные средства и не имея никакого понятия о медицине, эти персидские цирюльники называют себя "хаким-ами" (медиками, докторами), открывают лавочку в ауле или городе и занимаются продажей трав, которые держатся в висящих на гвоздях по всему потолку и стенам мешочках и грязных тряпках. Делаясь купцами, они в тоже время исполняют роль врачей и разъезжают на практику по аулам. Чуть что случилось с человеком, они сейчас пускают кровь и прописывают ему какую-нибудь траву, из которой делают для него настой с водкой или чай.

Несмотря на явное шарлатанство, медики цирюльники пользуются между евреями-горцами боль-

шим уважением и полным доверием, а доктора ученые, которых впрочем не заманишь в аул, вовсе ими не почитаются. Во-первых, ученый доктор, по их мнению, очень мало говорит с больным, ни о чем обстоятельно не расспрашивает его, а только пощупает ему пульс, попросит показать язык и посмотрит на лицо, "будто там написано, что делается внутри", говорит горец, а во-вторых, прописав какие-то трэфные лекарства (негодные по закону Моисея), спешит уйти, чтобы больше не приехать. А этот "хаким" говорит с больным без устали, расспрашивает его обо всем и дает такие лекарства, которые, как травы, не запрещены законами Моисея и не содержат свиного сала и свинины.

Еще интереснее, как лечат знахари "желтуху", лихорадку и другие болезни, так называемыми бабьими средствами. Однажды брат мой заболел желтухой, и все тело его и глаза пожелтели. Мать потребовала аульного знахаря, который сперва опоясал голую поясницу больного желтым шнурком, потом начал давать ему порошок из толченого янтаря в воде и, наконец, живых вшей, спрятав их предварительно в меде и не говоря об этом брату, чтобы ему не было противно принимать. Брат не умер, и благо, что мы жили тогда в городе, где можно было пригласить доктора, который и вылечил его. Желтуха происходит, по мнению евреев, от досады.

Если с человеком происходит удар, обморок или нечаянная болезнь, то это приписывают сглазу. Сглазить человека можно за его хорошие качества, и средством к лечению от этой болезни служит то, чтобы сглазивший плюнул или смазал бы своею слюною лицо больного. Для того чтобы узнать, был ли сглаз, или болезнь вызвана чем-нибудь другим, бросают на стену горсть муки, и если она пристала, то значит сглаз, если же нет, то причина болезни другая. А что-

бы узнать, кто именно сглазил, делают из теста шарики и бросают в огонь, произнося при этом имена всех односельцев мужского или женского пола, или тех, которых видел больной в последнее время. Если шарики горят, при этом не трескаясь и не выскакивая из огня, то значит, никто из названных не сглазил; если же шарик выскакивает с треском при произнесении имени кого-либо, то сейчас посылают к этому лицу и просят прислать в блюдец своей слюны или же придти самому и смазать слюною лоб больного, губы, щеки, подбородок и плечо. Шарик же, выскочивший из огня, превращают в порошок и дают больному с водою.

От лихорадки лечатся также или травами, настоями и "нейкелями" (талисман), или же посредством гаданья, которое происходит следующим образом. Мальчик или девочка из родственников идет ночью под окна трех соседей и, разбудив кого-либо из их домашних, спрашивает, изменив голос, чтобы не знали от кого: "Какое нужно лекарство от лихорадки?" Там просыпаются и, зная обычай, говорят сразу, что придет в голову. Например, в одном месте называли кашу, в другом — шашлык и в третьем — хинкал. Три дня собирают тогда из этих трех домов по тарелке этих кушаний и потом, смешав их в одно, кормят больного. От ревматизма лечат или натиранием различными маслами и купанием в минеральных водах и грязях, которые имеет Кавказ почти во всех уголках своих, или же привязкой бус из различных горных камней, руд и металлов на больное место. По мнению евреев, эти бусы имеют свойство выгнать газ, вселившийся по повелению злого духа в органы человека, и исцеляют больного.

Причиной лихорадки, бугорчатки, сыпи, золотухи и пр. заразительных болезней, от которых страдают большею частью молодые организмы, служат, конеч-

но, узкие грязные улицы, теснота и нечистота жилищ, особенно женской половины, где преимущественно живут дети, и навоз, разлагающийся или тлеющий по временам около жилищ.

Интересен также у горских евреев способ лечения от испуга. Если кто кого испугал нечаянно или умышленно и тот заболел от этого сильно, то виновник должен вымыть руку и дать эту воду пить больному. Этот способ у нас, т.е. в восточном Дагестане, уже выходит из употребления и имеет силу в г. Кубе. Вместо него у нас испугавшемуся дают кусок земли, на которой он стоял во время получения испуга, растворив ее в воде.

Когда наступает минута смерти еврея-горца, весь аул приходит в движение. Сакля покойника наполняется стариками и молодыми, мужчинами и женщинами, знакомыми и незнакомыми, — все спешат отдать покойнику последний долг. Никакая спешная работа не может остановить их в этом. Торговцы на целый день запирают лавки, и будь у них в это время какой угодно выгодный покупатель, они без всяких церемоний просят его придти в другой день, так как теперь религиозные обязанности не позволяют им медлить ни минуты. Ремесленники-кожевники, которых особенно много между евреями на Кавказе, как сказал я выше, и другой работающий люд бросают свои дела и поступают точно так же.

Женщины у трупа еврея горца играют первенствующую роль. Как только слух о смерти кого-либо в ауле дойдет до них, они бросают все свои домашние работы и, поручив их старшей дочери или дочери соседки, которая никогда не откажет в этой услуге при таких обстоятельствах, собираются все вместе, чтобы идти к покойнику, да кстати предварительно, по женскому обыкновению, почесать языки о случившемся. Затем они одеваются в белые платки и желтые чува-

ки — знак глубокого траура — и отправляются гурьбой в дом покойника. Мужчины уступают им место в комнате умершего и выходят во двор, причем старшие и близкие родственники располагаются ближе к дверям сакли, а младшие стоят у ворот. Пятеро из молодых людей идут на кладбище копать покойнику могилу; остальные стоят молча с поникшими, в знак печали, головами.

Между тем женщины толпятся у постели покойника и оглашают его саклю раздирающими душу воплями, причем большинство из них немилосердно царапает себе лицо, рвет на себе волосы, так что во время похорон едва ли можно увидеть хоть одну женщину из родственниц покойника, у которой щеки и грудь не были бы окровавлены. Покойника снимают с постели и кладут на землю, на которой он лежит до тех пор, пока один из ушедших копать могилу не сообщит, что она готова. В это время зажигаются свечи, а грамотные и рабби читают псалмы Давида и несколько глав из толкований "Мишне", чтобы успокоить, утешить душу, порхающую беспокойно над своим жилищем.

Наконец возвращается один из могильщиков с известием об изготовлении могилы. Мужчины принимаются обмывать покойника, а женщины в это время сшивают покойнику из тонкого холста его последнюю одежду: рубаху, штаны, чулки, ермолку и перчатки. Поверх всего этого на умершего надевают саван и опоясывают его кушаком из того же холста. Такое одеяние получают только умершие естественною смертью, умершего же насильственной не обмывают и не снимают с него ни одной части платья, в котором он умер, а только заворачивают его в саван. В этом случае с ним хоронят и оружие, которое он носил.

Обмывают покойника, смотря по его полу, мужчины и женщины. Обмывание происходит на дворе

или под балконом в палатке, устроенной из нескольких бревен и покрытой одеялами. Рубашка, штаны, чулки и прочие одежды покойника пришиваются одна к другой и закрывают все части его тела, за исключением лица, для которого тоже делают покрывало. Сверх этих одежд и под саваном покойника обертывают в большой "сысыт" (покрывало, которым покрываются евреи во время богослужения). Когда покойник снаряжен для погребения, начинаются общие вопли мужчин и женщин, сопровождающиеся ударами в лоб, в лицо, и в грудь, вырыванием волос на голове, царапаньем щек, кусанием рук и тому подобными выражениями печали и сочувствия.

Обществом плакальщиц управляет какая-нибудь родственница покойника. Ее можно узнать по наиболее растрепанным волосам и обезображенному лицу, и она громче всех завывает: "уя-уя! вов-вов!". Является шесть человек с носилками, на которые укладывают покойника. Носилки окружают женщины в два ряда, взявшись за руки, и снова начинают оглашать двор воплями и страшными криками "уя-уя! вов-вов!". Наконец, проводив покойника со двора, они возвращаются назад, а процессия трогается к кладбищу, три раза останавливаясь на дороге. Во время остановок носилки опускаются на землю, и раввин читает над покойником молитвы. Носильщики меняются каждые двадцать пять — тридцать шагов, пока процессию завидят копавшие могилу. Тогда они направляются ей навстречу, заменяют последних носильщиков и несут покойника до самой могилы. В могилу опускаются два, привычные к этому делу человека и укладывают мертвеца головой к Востоку. Голова покойника лежит на набитой земле подушке, а у ног его стоит выкрашенный яркими красками памятник, обращенный лицевой стороною также к Востоку. На

памятнике описывают добрые качества и благодеяния покойника, гостеприимство его, заступничество за бедных и пр. Кроме этого, на нем помещаются стихи из книг пророков и обозначается день, число и год, в который покойник потребован к Верховному Небесному Суду. В стихе говорится следующее: "Да пробудятся и встанут многие из спящих к жизни вечной". Тело кладется в могилу без гроба, но могила устилается с боков и сверху досками, которые лежат в вышину одного аршина, поддерживаясь тремя поперечными палками. Могила засыпается всеми присутствующими, причем каждый старается бросить хотя бы одну горсть земли. Для того чтобы могилу можно было, до постановки на ней памятника, отличить от других, родители или родственники покойного ставят с двух сторон ее камни или вбивают колья. Глубина вырытой могилы доходит обыкновенно до двух с половиною или до трех аршин. Провожавшие покойника, возвращаясь с могилы, срывают траву на кладбище и бросают ее через плечо, повторяя эту церемонию три раза со словами: "Да не будет больше смерти, да прекратится она навеки, аминь". Выйдя с кладбища, они образуют круг, среди которого становится отец, сын, брат или близкий родственник покойного и читает заупокойную молитву, после чего везде раздается "аминь!". Затем точно так же поступают и другие, находящиеся в трауре по умершим недавно, и все начинают утешать родственников покойного, вымыв руки и протягивая им правую.

Целую неделю после похорон общество не оставляет сакли покойника. Неделя эта называется у горцев "овил", а на древнееврейском языке "шивой". Во все продолжение ее родители усопшего сидят дома: мужчины там, где лежал покойник, а женщины на женской половине и никуда не выходят, поэтому и все знакомые не покидают их на это время, чтобы их

утешать и развлекать. По поверию горцев-евреев, в продолжение целой недели душа не может свыкнуться с мыслью, что она лишилась своего жилища, и все это время посещает тот дом, в котором жила при жизни. Вследствие этого в углу той комнаты, где лежал мертвец, родственники целую неделю ставят зажженную свечу, которая спереди закрывается медным подносом. Мужчины каждое утро и вечер читают молитвы, псалмы Давида, книгу Иова и главы из Мишны и талмуда об упокоении души умершего и не уходят домой даже для обеда и ужина, которые приносятся им из дома в саклю умершего. Родители или родственники покойного с своей стороны делают ежедневно для гостей завтрак, который служит поминками по умершим.

Женщины, оставшиеся на эту неделю в сакле покойного из уважения к его родителям, сидят на полу, образуя собою несколько групп. Близкая родственница, о которой было сказано еще раньше, обращает на себя теперь всеобщее внимание. Она стоит на почетном месте на коленях и, обезображенная, окровавленная, только бьет себя в бессилии по бедрам и, произнося хриплым голосом "huja! huja!" или машинально повторяя какое-либо слово другой плакальщицы, растрогавшей ее своими воплями, рыдает в иступлении и падает в изнеможении. С боков ее поддерживают постоянно две женщины, которые ей не позволяют вырывать волосы и царапать лицо. И смешно, и горько, и жалко, и, наконец, страшно становится при виде этой женщины. Большею частью таким истязаниям предаются жены, сестры и мать покойного, из каждой группы по очереди начинает плакать одна женщина (обыкновенно или родственница покойного, или приехавшая на похороны, или какая-либо плакальщица-мастерица), а остальные подтягивают ей жалобным тоном с восклицаниями

"во-о-о-о-й! во-о-о-о-й!" и оглашают воздух протяжным напевом, слышным на далеком расстоянии от дома усопшего.

По временам вместо воплей плакальщицы начинают восхвалять доброту, благодеяния, богобоязливость и вообще всякие хорошие качества покойника. Чем больше они причитывают с чувством и толком и умеют затронуть душу красноречивыми словами, тем больше имеют перед собою плачущих мужчин и тем большую приобретают известность. Мужчины все это время, когда идет "гире" (плачь), стоят у дверей сакли и поочередно входят в нее, причем каждый из них становится на колени перед плакальщицами, плачет и бьет себя кулаками по лбу, по груди с восклицаниями "о-о-о-й! ой! умираю!". После чего плакальщица говорит: "Не дай Бог, чтобы ты умер, сын мой! Да паду я жертвой за тебя и перед тобою; плач за брата, за такого-то", — и вспоминает при этом имя давно умерших отца, матери или близкого родственника, отчего тот плачет еще громче и опять повторяет, ударяя себя еще сильнее по груди и по лбу. Иные простирают свое усердие до того, что через два — три дня у них появляются синие шишки.

В промежутке между этими шумными воспоминаниями общество спокойно разговаривает о совершенно посторонних предметах, а женщины входят, выходят гурьбою из сакли покойного и дорогою рассуждают о тех женщинах, которые отличались своими речами и движениями, и о мужчинах, которые или вовсе не входили к плакальщицам, или же плакали без слез; "Как это не совестно им!" — говорят они, расходясь по домам. Во время одного из этих промежутков днем и ночью подают мужчинам и женщинам обедать и ужинать, причем прежде едят мужчины, а женщины в это время занимаются пересудами и различной болтовней. Когда подают женщинам кушать,

то из разных домов являются роскошные кушанья, приготовленные знакомками в честь приезжих женщин. Один из траурных дней назначается родственниками умершего, если он был молод, для молочного обеда, приготовляемого ими обществу.

Но не всегда сопровождаются похороны горцаеврея такими трагическими картинами. Иногда похороны превращаются чуть ли не в свадьбу, и все проводят траурные дни в веселье, пированье и даже в танцах. Это в том случае, если умирает какой-либо почетный старик или старуха, жившие около ста лет и имеющие несколько поколений потомков. Тогда, исполняя религиозные обряды "сидеть на полу и придаваться печали", родственники раз в день просят плакальщиц начинать свой плач, который продолжается около часа и во время которого входят к плакальщицам только дети усопшего, а остальное время все проводят в еде, в чтении псалмов и в молитвах за успокоение души усопшего и в играх, в которых принимают участие даже дети и внуки, не предаваясь особенной печали. При этом происходит следующая смешная церемония: если умирает старик, то один из родственников умершего переодевается в старческое платье и идет в женскую половину, где одевают какую-либо старуху невестой и ждут прибытия старика-жениха. Вокруг жениха собирается молодежь, которая распевает свадебные песни, и девушки с подносами на голове, на которых лежат, как на свадьбе, чуреки с воткнутыми восковыми свечами. Везде слышится хохот и веселье, на всех лицах видна радостная улыбка. Когда является жених, сопровождаемый процессией, на него сыплются со всех сторон остроты, и к нему выводят на круг невесту-старуху. Жених обнимается и целуется с невестой. Раздается смех и "ура". Их заставляют танцевать, хлопая в ладоши. Наконец, все присутствующи-

щие танцуют с невестой, которая тоже старается подражать во всем девушкам-невестам, чем опять вызывает в присутствующих веселый смех. На деньги, собранные при этом, покупаются фрукты, которыми угощают мужчин и женщин. Если же умирает старуха, то невеста идет к переодетому жениху в мужскую половину, где происходят те же шутки.

На седьмой день родители или родственники покойного устраивают по нем настоящие поминки, называемые "хай-рат", и отпускают своих гостей, поблагодарив их за выраженное ими участие. Траур носится родственниками покойного в продолжение года. Кроме того, они не ходят купаться и не только не бывают на свадьбах и тому подобных празднествах, но даже не входят в дом, где собралось какое-нибудь веселое общество. Женщины же все это время собираются в дом покойника по понедельникам и четвергам и оглашают саклю своим плачем. Наконец, если приезжает какой-нибудь знакомый гость в аул или отсутствовавший родственник умершего, то он обязан идти, не заходя даже домой, сейчас же к его родственникам, где уже собрались женщины и начали плач. Войдя в саклю, он орет во все горло, приговаривая: "Ох брат мой! Зачем я не увидел тебя! Ой, ой..." и пр., и бьет себя по лбу и по груди. Когда он обессиливает от рыданий и ударов, плакальщица перестает и просит его сесть на приготовленный для него низенький татарский стульчик. После этого начинаются расспросы об его здоровье и делах. Отсюда он идет в дома других носящих траур, у кого в продолжение года были покойники, и те также встречают его с плачем. Иногда гостю приходится плакать целый день, не быв дома, не поев и не отдохнув с дороги. Если же он позабыл какое-либо место или просто не пошел, то все родственники того умершего избегают с ним встреч и вовсе не говорят с ним.

Сверх всего этого родители за упокой души детей, а дети — родителей одиннадцать месяцев ходят ежедневно утром и вечером в синагогу для чтения заупокойной молитвы "кадыш"; по прошествии же одиннадцати месяцев на могиле покойного ставится памятник. Затем ежегодно, в день смерти, по нем справляются поминки, и женщины собираются плакать. Девушек вовсе не бывает на похоронах, за исключением невесты умершего молодого человека, когда она играет первенствующую роль и доводит себя до экстаза. Такая невеста становится по обычаю невестой младшего брата умершего, если тому даже два — три года, а ей пятнадцать — шестнадцать. Она должна ждать его, пока он вырастет, и он обязательно женится на ней. Если умерший не имеет братьев, то ей дается свобода без всякого развода. Когда же покойник имел женатых братьев и она, вдова его, не имеет детей, то один из братьев, по соглашению между собою, должен или жениться на ней и потом дать ей развод, или же отдать ей "халисо" (Так же поступают женатые братья относительно невесты покойного брата).

"Халисо" сопряжено с большими трудностями и состоит в том, что один из братьев должен обуться в башмак, сделанный из пергамента и окрашенный сажей. Башмак прикрепляется к голени до самого колена поясами, переплетенными как-то искусно, по требованиям обряда религии, и застегивается кожаными пуговками, спрятанными тоже как-то особо под ремнями. Этот башмак считается одной из священных вещей, требуемых обрядом при разводе, и делается раввином рублей за двадцать пять — тридцать. По указаниям раввина, при свидетелях и народе девушка должна прикреплять башмак к ноге выбранного из братьев, застегивать по правилам и потом снять ремни и расстегнуть пуговицы, не запутываясь. Если она

сняла благополучно, то делается свободной и может выйти замуж, а в противном случае должна остаться вечной вдовой. Но в последнем случае боясь, чтобы женщина не оставалась без мужа и тем не вводила бы всех родственников в грех, ее венчают с одним из них и потом разводят обыкновенным порядком, если он не захочет жить с двумя женами. Но до развода он обязан жить с ней все-таки не менее шести месяцев.

Чрезвычайно интересны поверья наших евреев-горцев, относящиеся к смерти человека, — поверья, основанные на талмуде и народной фантазии. Так, по поверию, когда приближается минута смерти человека, с неба спускается ангел и становится у изголовья умирающего. Ангел этот имеет ужасный вид, и тело его сплошь покрыто глазами. В руке он держит меч, на конце которого висят три капли ада. Умирающий, при виде страшного ангела, от испуга широко раскрывает рот; тогда ангел смерти опускает ему в рот первую каплю яда, от которой человек желтеет, после второй — являются предсмертные судороги, а после третьей — смерть.

По другим сказаниям, ангел смерти режет свою жертву мечом. Вследствие этого три соседние дома должны вылить воду, находившуюся у них во время смерти соседа, потому что ангел, не найдя у него воды, может обмыть свой меч в каком-нибудь соседнем доме. Когда душа оставляет тело, она кричит страшным голосом, раздающимся на весь мир. Крик этот так ужасен, что человек, услышав его, непременно бы умер, но, к счастью, никто этого услышать не может, кроме кур. Второй точно такой же страшный крик издаст душа, когда тело умершего снимают с постели и кладут на пол. Эти минуты, по поверию, самые мучительные для мертвеца. С одной стороны, тело мучится физической болью, а с другой — душа тоскует, порхая над телом, подобно ласточке над разоренным

гнездом. Она все слышит, все видит, но не может принять участия в разговоре живых людей.

Когда мертвеца выносят из дома, то, смотря по его заслугам, если он был праведник, его встречают добрые духи и приветствуют его, если же грешник, злые духи набрасываются на него и терзают его. И те, и другие являются в количестве, пропорциональном совершенным покойным при жизни поступкам, по словам Св. Писания, "каждое доброе дело сотворяет доброго ангела; каждое злое — злого". Но евреи-горцы, думая задобрить серебром злых духов, бросают на воздух, подойдя к кладбищу, серебряные монеты, которые потом собирают маленькие сироты и бедные. Когда покойник зарыт в могилу и живые оставили его, к нему является ангел "Малах-хе-Думи" с длинным огненным кнутом и бьет им по могиле. Могила тотчас же открывается, ангел спускается туда и спрашивает мертвеца: "Ме-шемихо?" (Как твое имя). Мертвец кричит страшным голосом, и крик этот разносится далеко по всему миру. Живой человек, услышав этот крик, умер бы от ужаса; поэтому, закопав могилу и прослушав заупокойную молитву, читаемую сыном или родственником умершего, необходимо как можно скорее уйти от нее, не оглядываясь назад. Но как мертвец ни старается, он не может вспомнить своего имени. Тогда ангел три раза ударяет его кнутом, отчего живот мертвеца трескается. Ангел вынимает внутренности человека, бьет ими его по лицу и говорит с насмешкой: "Вот ради чего ты жил!" Эти посмертные страдания называются "хибор-гоковер", и от них, говорят, редко кто избавляется, даже праведник.

Относительно носилок и вырытых готовых могил тоже существуют у евреев-горцев различные поверья. Одни из аулов имеют временные носилки, а другие — постоянные. Это ведется у них с незапамятных

времен, и заменить одни другими считается тяжким грехом, падающим на голову всего общества; поэтому те аулы, которые имеют постоянные носилки, не делают вовсе временных, — также и наоборот. Это основано на том, что их отцы, чтобы остановить смерть и запугать ее тем, что они не боятся ее, сделали постоянные носилки, а некоторые другие, живя с надеждой, что придет день, когда вовсе не будет смерти, и если иметь готовые носилки, то, значит, приготовить их для кого-нибудь из своих членов, воспретили иметь таковые.

Современные же горцы-евреи идут по следам своих отцов и придерживаются строго тех правил, которые они установили. Если могила, назначенная для такого-то, не удалась сразу, то это значит, что умерший был тяжкий грешник, если же она будет стоять вырытою несколько дней, то непременно умрет один из общества. Временные носилки представляют собою две толстые палки, переплетенные поперечными палочками наподобие лестницы, а постоянные — ящик в виде корыта, имеющий ножки и четыре ручки. Временные ломаются сейчас же после похорон и бросаются в реку, чтобы больше не приходилось делать их и вода унесла бы с собою всякие воспоминания о них, постоянные же вместе со свадебным балахином стоят в притворах синагог.

У евреев, как у многих других народов, есть поверие, что собака чует мертвеца и показывает это своим воем. Кавказские евреи, как только слышат вой собак, тотчас же втыкают в землю около порога нож, ножницы или какое-нибудь другое острое стальное орудие. Это для того, чтобы злой дух не переступил порога, так как он, как было сказано, очень боится стали. Не всегда, однако, похороны еврея-горца обходятся таким образом. Иногда в сакле его, среди воплей печали, раздаются гневные возгласы, требова-

ния крови и голос мести. Каждая капля крови, по мнению еврея-горца, должна быть отомщена, и покойник до тех пор не успокоится, кровь его не перестанет кипеть, и он не будет принят к престолу Всевышнего, пока не будет взята кровь за кровь. Долг мести переходит от одного близкого родственника к другому, и мстить могут родственники убитого не только убийце, но и всякому, попавшемуся им на пути из его родственников. В последнее время, однако, благодаря увеличению полицейского надзора в селах и городах, убийцы находят защиту и избегают мести, заплатив за кровь убитого назначенную "адатом" (обычным правом) сумму.

После смерти кого-либо от руки горца-еврея, родные последнего рассылают тайных гонцов по всем местам, аулам и городам с печальным известием и просят всех — даже самых дальних родственников — быть осторожными и каждому беречь свою голову. Те вооружаются, собираются в крепкой позиции и ждут нападения неприятеля три дня. Богатые нанимают еще караул, который стоит эти три дня кругом позиции и предупреждает малейшее движение врагов. Если в эти три дня родственник убийцы попадет на пути родственника убитого и лицом к лицу, то первый должен сложить свое оружие и сдаться в руки второму или убежать. Конечно, последнего не должен сделать, по понятию горца, мужчина, носящий папаху и опоясывающийся кинжалом. В противном случае он не мужчина, а баба и достоин носить только женский платок.

По истечении трех дней, если родные убитого не сумели отомстить за его кровь, являются старшины города или аула мирить кровных врагов. Перед миром между обеими сторонами идут переговоры о известной сумме денег, которую платит убийца семейству убитого и таким образом выкупает себя из опас-

ности подвергнуться мщению. Сумма эта доходит до 500—600 рублей, начиная со 100. Когда переговоры приходят к благоприятному результату, то все родственники убийцы, окруженные сельским караулом, босые и без шапок, отправляются к родителям убитого, где также собираются все родственники его, чтобы после не вышло недоразумения. Их сопровождают старшины и почетные лица в ауле. Придя в дом покойника, все бросаются на колени и просят прощения. Те прощают при свидетелях и народе и целуются. Этим устанавливается мир, который не может быть нарушен под страхом жестокого наказания от общества, никакой стороной, и родственники убитого с родственниками убийцы становятся с этого дня кровными родными. Между тем убийцу сажают в тюрьму и дают знать высшему Народному суду, существующему в главном городе области, о результатах мира и выкупных деньгах. Тогда убийца выпускается из тюрьмы и отправляется в дальний аул на год или полтора, чтобы родственники убитого не убили его. По прошествии этого срока убийца возвращается домой, мирится со всеми родными убитого и делается их родственником (одним из ближайших). Родители же и братья убитого называют его сыном и братом, и если у покойника остались дети, то они называют его отцом. Словом, отношения между ними становятся гораздо более близкими, чем между настоящими родственниками, и они получают законное право мстить друг за друга. Такому суду подчиняются в настоящее время только те из евреев-горцев, которые приписаны к аулам и не принадлежат к городским сословиям. Последние подчиняются правительственным судам, а первые имеют общее судилище с теми племенами, с которыми живут они в одних аулах. Места судилища в аулах называются "правлениями", а судьи старшинами.

Суд производится по адату (обычаю) и (у мусульман) по шариату (законам Корана). Сельские суды решают тяжбы, не превышающие ста рублей, а более крупные дела отправляются в областной Народный суд, имеющий значение, равное окружным судам. Старшины выбираются народом из туземцев — магометан и евреев — по числу дымов и утверждаются правительством. Так, в Тарках (Дагестанской области) приблизительно 50 дымов евреев-горцев на 100 — 200 дымов мусульман и один старшина из евреев на 6 — 7 из мусульман.

Горцы-евреи, принадлежащие к городским сословиям, как сказано, подчиняются только русскому суду и не имеют права требовать суда в Народных судах. Если случаются убийства, то виновные не выкупаются и не отправляются в другие аулы, а ссылаются в Сибирь. Поэтому городские горские евреи, мстившие убийце самостоятельно, подвергаются суду за самоуправство и тоже ссылаются, смотря по вине, или заключаются в тюрьму.

Но природе горца-еврея не так скоро, должно быть, суждено измениться. Несмотря на строгость законов, несмотря на то, что его за убийство сажают на несколько лет в тюрьму, отправляют в каторгу, он, как видно, ничуть не думает об этих наказаниях и только поддается своему пылкому характеру и дикой натуре, когда того требует священный долг кровомщения. Помню я такой случай. К Шуринскому равнину приехал родственник его, молодой человек, подававший большие надежды. Через год он должен был кончить свое учение, и готовились уже отпраздновать его свадьбу. Но вышло иначе: молодой человек пал жертвою несчастного случая. Дело произошло таким образом. В день праздника Эсфири и Мардохея "гомуну" (Пурим), который, как сказал я при описании праздников, проводится у нас всегда очень

весело, сидел я с несколькими своими приятелями. Входит названный родственник нашего раввина Мушаилова и просит меня поехать с ним покататься. Хотя такие прогулки в этот день у нас в большом ходу и совершаются в память езды Мардохея на богато убранной царской лошади, в царском одеянии и с венцом на голове, какое-то необъяснимое предчувствие заставило меня отказаться от прогулки за недосугом и невозможностью по случаю собравшихся у меня гостей. Ю. очень обиделся моим отказом и пошел искать себе другого попутчика...

В самом разгаре веселой беседы мы были поражены раздавшимся звуком ружейного выстрела. Мигом выбежали мы на улицу и увидели какого-то молодого человека, в страшном испуге выскочившего из соседнего дома. На наш вопрос "что случилось?", бежавший отвечал только несвязными словами: "Ах!... несчастный, несчастный... я... кажется, убил его!" — и убежал дальше. Я опрометью бросился в дом, но охваченный клубами порохового дыма, выходящими оттуда, остановился на пороге. Тогда я увидел на полу комнаты того самого Ю., которому отказал я час тому назад на его приглашение кататься. Как узнал я впоследствии, Ю. не был жертвой злого умысла, а один из его приятелей в виде шутки навел на него ружье, заряженное двумя пулями и, не подозревая, что оно заряжено, спустил курок. Убийца поспешил отдаться в руки полиции, так как иначе ему грозила кровная месть от родственников убитого, и, хотя он убил его по нечаянности, ему не избежать бы верной смерти.

И действительно, не прошло и десяти минут после происшествия, как в дом, где лежал убитый, явился старик лет 75-ти, вооруженный с ног до головы и громко требовал выдачи убийцы. Когда же ему сказали, что убийца добровольно отдался в руки правосу-

дия и находится теперь под охраною полицейских, старик вышел из себя. Как сумасшедший бегал он туда и сюда с обнаженным кинжалом в руке, грозя полицейским кинжалом, если они будут следить за ним, и отыскивая кого-нибудь из родственников убийцы, чтобы отомстите хоть им за преступление убийцы. За ним бежал другой родственник убитого с ружьем в руке, и они оба раздражались проклятиями убийцам и требованиями мести. К счастью, все родственники убийцы, узнав о случившемся, поспешили скрыться, иначе кровь неминуемо потекла бы по улицам нашего города, и горцам-евреям пришлось бы оплакивать не одну жертву...

Справление поминок горскими евреями кроме оплакивания состоит в том, что прежде всего зажигается вечером в синагоге одна стеариновая свеча, которая поддерживается целые сутки, и потом во время молитвы этого дня читается сыном, отцом или братом умершего заупокойная молитва "кадыш". В день поминок раввин и ученики его читают из "Мишны" несколько глав, число которых, впрочем, бывает такое, сколько букв в имени умершего, и каждая глава должна начинаться этими буквами. Затем читается несколько псалмов. После этого родственники умершего приносят в синагогу несколько бутылок или графинов с водкой и вином и два подноса, один с "тутуи" слоистыми хлебами, печеными на масле, а другой с курами и гусями. Раввин подходит и, отслужив молебен над вином, поданным ему в стакане родственниками умершего, отрывает рукой кусок "тутуи" и курицы и отходит. Затем подходят другие и следуют его примеру, пока на подносах не останется ничего. Дома же кроме "тутуи" женщины приготавливают плов, который рассылается с девочками в тарелках родственникам и знакомым. Сверх всего этого родственники умершего, как в первый год после его смер-

ти, так и в следующие года, стараются достать новых фруктов и плодов еще до появления их на базаре, и несут их раввину и другим почетным лицам аула, чтобы те пожелали покойному "царства небесного".

Как показывают и самые обряды поминок, горские евреи имеют странные представления о бессмертии души и о загробной жизни. По мнению некоторых, душа человека, оставивши мертвое тело, сейчас летит в небеса, где говорят ей, что ее будут судить по истечении семи дней. Записав ее в число душ, поступивших на верховный суд, ангелы-распорядители предоставляют эти семь дней, называемые "овил", на ее усмотрение и позволяют ей сойти на землю для свидания с прежним жилищем своим и местом, где она находилась. Поэтому душа, в ожидании суда, беспокоится и посещает в эти дни то могилу умершего, то место, где она оставила тело. По прошествии же этого срока ее зовут на верховный суд, который представляется огромной палатой, освещенной бесчисленным множеством восковых свеч и сиянием Бога, сидящего на престоле¹ и скрытого от взора огненной завесой. В палате сидят праведники и седые старики в саванах на скамейках, расставленных вокруг длинных столов, покрытых белой шелковой материей с огненными кисточками по углам. С правой стороны трона стоит ангел с весами в руках, а с левой — секретарь с книгой, где записаны все добрые и злые дела умерших. Кроме того, в палате присутствуют некоторые из праведных предков умерших, которым предоставляется право ходатайствовать за явивших-

¹ Он считается временным, ибо Бог сидит там только во время суда: два дня "нового года", день "Судный", день "һүшиано" и "тиш-обе-ов". Новый год, Судный день и "һүшиано" (6-й день праздников Кущей) бывают в сентябре, а "тиш-обе-ов" (разрушение Иерусалима) в июле. Кроме этого, есть еще несколько неопределенных дней, в которые Господь судит и слушает решения суда.

ся в суд потомков относительно смягчения наказания, если для этого они имеют какое-либо основание. По мнению евреев-горцев, Бог всегда смягчает наши наказания и не взыскивает с нас строго, соответственно грехам. По вызову ангела-секретаря являются ангелы или духи, созданные добрыми и злыми делами умершего, и окружают его. Ангел-секретарь приказывает им становиться на весы. Если окажется при этом, что вес злых духов больше веса добрых, то душу отправляют в ад, если же наоборот, то в рай. Но прямо в рай никто не попадает, и надо благодарить Бога, если прямо попадешь для очищения от грехов сперва в ад, ибо тяжких грешников гонят на "гелгел" (вращение). Тогда душа скитается из одного конца света в другой целые сотни и тысячи лет и не находит себе ни постоянного места, ни покоя. В это время ее переселяют в тела различных животных, которые переносят всевозможные страдания. Вместе с ними страдает и душа.

Переселение души тоже различно. Смотря по количеству и по свойству грехов, ее сперва селят в траву, которая должна засыхать, не давать плодов, кроме колючек, и перерождаться ежегодно. Затем вселяют ее в мелких насекомых и гадов, где она пребывает несколько десятков и сотен лет. Наконец, попадает она в высшие животные и человека, откуда уже, тоже по истечении многих веков, прямо в ад. Здесь ее облачают образом прежнего тела и дают в распоряжение ангелов-палачей или иных духов. Те, радуясь своей жертве, кидают ее с одного конца света в другой, пока ее тело не превращается в массу, бросают в кипящие котлы, в огненные печи, жарят на сковородах и терзают всевозможными пытками, пока не придет приказание с Неба подвергнуть ее последнему истязанию, после которого, очистившись совсем от грехов, она попадает в рай. После каждого покаяния те-

ло души возобновляется и принимает прежний вид². По поверию, ад находится в глубине земли, а рай над седьмым небом³.

Между адом и раем находится толстая накаленная проволока, по которой должна идти душа, чтобы окончательно очиститься от грехов и попасть в рай. Она несколько раз пытается доходить до середины длинного пути, спотыкается под тяжестью грехов и падает на проволоку, которая с шипением и свистом разрывает ее тело пополам, после чего летит вниз и попадает в огонь, где превращается в пепел. После этого тело опять возобновляется, и душа продолжает терзаться, пока на ней не останется ни одного греха. После очищения она благополучно доходит до седьмого неба, где ее встречают добрые ангелы, показывают ей все величие Бога и сопровождают ее в рай. Здесь для нее готовится место, смотря по количеству и достоинствам считающихся за нею добрых дел. Входя в рай, она ослепляется лучезарным сиянием Господа Бога и красотой всего окружающего Его. Ангелы стоят перед Ним и славят в благоговении Его имя. Кругом на золотых креслах сидят праведники и наши праотцы, считая от престола и с правой стороны его — Адам, Ной, Исаак, Яков и другие, а с левой — Ева, Сара, Ревекка, Рахиль и другие. Все сидят и слушают речи ангелов, превозносящих "Егову-Севоута".

² Некоторые же из евреев думают, что душа, после оставления ею тела, сейчас же переселяется в какое-нибудь животное и вовсе не является на верховный суд, пока не получит оттуда приказания отправляться в ад.

³ Небо представляется воздушной массой, состоящей из семи "табага" (этажей). Каждый этаж отделяется от другого плотной перегородкой "перде" и назначен для звезд, планет и ангелов. Над седьмым этажом стоит постоянный трон Всевышнего.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Области и губернии	Города и аулы	Число домов	Число душ		Число садов	Число лавок		Число раз-носчиков
			муж. пол	женск. пол		мануфак.	бакал. и мелоч.	
Дагестан-ская область	1. Темир-Хан Шура	64	164	170	1	18	2	2
	2. Тарки	56	155	145	1	1	2	3
	3. Г. Петровск	15	57	66	—	7	—	—
	4. Чир-Юрг	11	46	55	—	5	2	—
	5. и Султан-Янги-Юрт	7	22	18	—	—	—	—
	6. Буйнак и	15	38	52	—	1	—	1
	7. Гувден	29	52	68	—	1	2	4
	8. Дюртеги	16	32	39	—	—	1	2
	9. Карабаkent	41	150	159	2	6	3	—
	10. Дашлагар	220	900	771	160	2	17	5
	11. Г. Дербент							
Кайтако-Табасаранский округ		121	301	228	3	5	4	8
	12. Маджалис	26	59	67	5	—	—	2
	13. Рукель	45	114	118	—	—	—	15
	14. Мутатыр							

Продолжение табл.

Области и губернии	Города и аулы	1 дес. = 4 кап. Число капанов земли		Число хлебопашцев	Число домашних животных			Число рабочих душ	Число коженников
		пахотный	покосн. и месн.		рогат. скота	и			
						лошад.	и ослов		
Дагестанская область	1. Темир-Хан Шура	—	—	—	10	6	27	30	12
	2. Тарки	28	5	1	42	6	2	4	43
	3. Г. Петровск	—	40	—	6	2	4	6	2
	4. Чир-Юрг	—	—	—	27	4	8	7	3
	5. и Султан-Янги-Юрг	—	—	—	16	1	9	9	3
	6. Буйнак и	—	—	—	10	1	3	8	4
	7. Гувден	—	—	—	2	—	1	2	12
	8. Дюртеми	—	—	—	70	3	19	20	10
	9. Карабакаент	—	—	—	25	30	21	193	—
	10. Дашлагар	20	1000	1	—	—	—	—	—
	11. Г. Дербент	—	—	—	—	—	—	—	—
Кайтако-Табасаранский округ	12. Маджалис	46	37	2-3	30	25	37	37	25
	13. Рукель	30	13	1-4	8	2	13	20	—
	14. Мутагыр	74	—	1-2	46	14	2	11	—

Продолжение табл.

Области и губернии	Города и аулы	Число табачных водов	Число шелководов	Число ремесленников	Число имеющих собственную дом, саклю	Число молитвенных домов	Число грамотных	Число раббы	Число училищ (евр.)	Число ученых	
Дагестанская область	1. Темир-Хан Шура	—	—	—	55	1	27	2	1	15	
	2. Тарки	7	1	—	48	1	15	1	1	20	
	3. Г. Петровск	—	—	—	11	1	10	2	1	5	
	4. Чир-Юрг	—	—	—	11	1	10	1	1	7	
	5. и Султан-Янги-Юрг	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	6. Буйнак и	—	—	—	2	1	9	1	—	4	
	7. Гувден	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	8. Дюртели	14	—	—	7	1	8	1	—	5	
	9. Карабдакент	12	—	—	—	1	2	1	—	—	
	10. Дашигар	—	—	—	40	1	12	1	—	—	
	11. Г. Дербент	—	4	4	4	220	4	120	6	8	95
	Кайтако-Табасаранский округ	12. Маджалис	33	—	—	70	1	15	2	1	15
		13. Рукель	—	—	—	11	1	9	1	1	3
		14. Мугатыр	29	—	—	34	1	10	2	2	14

Продолжение табл.

Области и губернии	Города и аулы	Число дымов	Число душ		Число садов	Число лавок		Число раз-носчиков
			муж. пол	женск. пол		мануфак.	бакал. и мелоч.	
	15. Гемейда	19	56	46	1	—	—	—
	16. Янги-Кент	103	360	324	1	2	4	25
	17. Ньюгуг Кюринский округ	26	83	69	—	—	—	6
	18. Нуг-Ди-Мюш-кюр	114	380	398	52	—	1	4
	19. Хош-Мемзоль	35	85	82	10	—	—	2
	20. Аглаби	27	19	14	—	—	—	—
	21. Ханчел Кала	50	126	117	27	—	—	—
	22. Мамрата	100	318	350	3	—	—	—
	23. Араг	110	353	352	3	5	3	16
	24. Карчаг	46	132	123	30	—	—	22
	25. Джерах	49	137	139	4	—	—	—
Бакинская губерния	26. Г. Куба	822	3230	3052	8	7	13	28
	27. Мюджи	112	506	451	3	2	42	30
	28. Афтаран-Мюджи	88	366	326	—	—	15	29

Продолжение табл.

Области и губернии	Города и аулы	1 дес. = 4 кап. Число капанов земли		Число хлебопашцев	Число домашних животных		Число рабочих душ	Число кожевников	
		пахотный	покосн. и лесн.		рогат. скота	лошад. и ослов			
	15. Гемейда	33	7	4-2	48	2	1	4	-
	16. Янги-Кент	167	30	10-8	35	3	11	13	10
	17. Нютуг	60	-	2-8	5	2	2	10	-
	Кюринский округ								
	18. Нуг-Ди-Мюш кюр	800	40	3-52	105	15	8	30	-
	19. Хош-Мемзюль	40	-	2-30	10	1	2	10	-
	20. Аглаби	100	-	8-11	6	-	3	20	-
	21. Ханчел Кала	70	196	3-10	65	2	9	10	-
	22. Мамрата	200	50	18-5	85	6	13	15	-
	23. Араг	179	-	2-25	70	65	40	20	-
	24. Карчаг	187	-	1-11	108	35	4	10	-
	25. Джерах	300	100	21-3	153	14	2	6	-
	26. Г. Куба	85	208	25-10	300	270	300	150	-
	27. Мюджи	-	-	-	70	85	5	30	-
	28. Афтаран-Мюджи	320	100	30-5	200	60	4	20	-
Бакинская губерния									

Продолжение табл.

Области и губернии	Города и аулы	Число табачководов	Число шелководов	Число ремесленников	Число имеющих свой собственный дом, сакмо	Число молитвенных домов	Число грамотных	Число рабы	Число училищ (евр.)	Число учеников
	15. Гемейда	17	—	—	15	1	15	1	1	10
	16. Янги-Кент	30	—	—	85	2	40	2	2	16
	17. Нютуг Кюринский округ	20	—	—	22	1	12	1	1	6
	18. Нуг-Ди-Мюш кюр	6	3	—	100	1	40	2	2	35
	19. Хош-Мемзюль	12	—	—	48	1	15	1	1	7
	20. Аглаби	5	—	—	17	1	5	1	—	—
	21. Ханчел Кала	—	—	—	44	1	15	1	1	12
	22. Мамрача	60	—	—	78	1	50	1	1	15
	23. Араг	4	—	—	82	1	55	2	2	30
	24. Карчаг	27	—	—	44	1	12	1	—	10
	25. Джерах	41	—	—	45	1	10	1	—	14
Бакинская губерния	26. Г. Куба	300	—	8	669	7	468	8	15	325
	27. Мюджи	—	5	2	105	1	70	2	2	45
	28. Афгаран-Мюджи	—	6	—	85	1	20	1	1	30

Продолжение табл.

Области и губернии	Города и аулы	Число домов	Число душ		Число садов	Число лавок		Число раз-носчиков
			муж. пол	женск. пол		мануфак.	бакал. и мелоч.	
Елизаветинская губерния	29. Варташен	213	744	652	—	—	40	40
	30. Ташкеча	74	364	326	3	9	10	3
	31. Хасав-Юрт	55	207	141	12	8	9	6
	32. Андреевское	17	86	71	1	3	2	1
	33. Кустек	37	160	133	1	6	1	2
Чеченский округ								
Кабардинский округ	34. Г. Грозное	199	824	770	4	20	7	1
	35. Г. Нальчик	76	150	185	4	5	20	3
Кубанская область	36. Джегонский поселок	52	116	160	1	2	12	2
	а) В аулах	2587	5164	4868	149	16	139	217
	б) В городах	1503	5728	5369	191	99	73	45
в) Всех		4090	10892	10237	340	115	212	262

Продолжение табл.

Области и губернии	Города и аулы	1 дес. = 4 кап. капанов земли		Число хлебопашцев	Число домашних животных		Число рабочих семейств	Число рабочих душ	Число кожевников
		пахотный	покосн. и лесн.		рогат. скота	лошад. и ослов			
Емзав. губ. Терская область	29. Варташен	6	—	2—3	70	86	38	53	—
	30. Ташкеча	1400	2144	—3	21	3	7	25	25
	31. Хасав-Юрт	5200	2260	1—4	32	8	13	22	4
	32. Андреевское	—	126	—2	26	2	3	6	3
33. Кустек	100	285	3—2	42	27	9	10	2	
Чеченский округ									
	34. Г. Грозное	16	—	1—2	195	46	65	12	23
Кабардинский округ									
Кубанск. область	35. Г. Нальчик	12	—	1—3	70	20	5	15	35
	36. Джегонский поселок	—	—	—	30	5	2	4	31
	а) В аулах	4140 кап. 1034,9 А	3133 кап. 783,3 А	122—189	1313	462	232	387	158
	б) В городах	5333 кап. 1333,3 А	3608 кап. 877 дес.	21—19	735	389	463	1805	89
	в) Всех	9473 кап. 2368,2 А	6641 кап. 1660,3 А	143—208	2048	851	702	2192	247

Окончание табл.

Области и губернии	Города и аулы	Число табачководов	Число шелководов	Число ремесленников	Число имеющих своих собственных домов, садов	Число молитвенных домов	Число грамотных	Число рабы	Число училищ (евр.)	Число учеников
Емзав. губ.	29. Варташен	80	8	—	200	2	70	5	2	40
Терская область	30. Ташкеча	—	—	1	10	1	15	2	1	27
	31. Хасав-Юрт	—	—	2	35	2	15	2	1	25
	32. Андреевское	—	—	1	2	1	10	1	1	10
	33. Кустек	—	—	—	6	1	15	1	1	15
	Чеченский округ									
	34. Г. Грозное	—	—	6	155	2	70	2	2	45
	Кабардинский округ									
Кубанск. область	35. Г. Нальчик	—	—	2	65	2	35	3	1	30
	36. Джегонский поселок	—	—	1	35	1	20	2	1	20
	а) В аулах	397	23	5	1195	27	557	36	25	403
	б) В городах	300	4	22	1261	21	767	27	30	547
	с) Всех	697	27	27	2456	48	1324	63	55	950

SUMMARY

A very important part in the study of ethnography of Mountain Jews of Caucasus belongs to their first scholar Ilia Sh. Anisimov (1862 – 1928), and to his monumental work "Mountain Jews of Caucasus", first published in 1888, not available anymore in most libraries of the world and reprinted now.

This monograph consists of four chapters. Chapter 1 describes relations of Mountain Jews with other highlanders, important statistical data about them, basic data about education, rabbis, synagogues, religious behavior. Chapter 2 tells about the position of women in the family, the situation with polygamy, housing patterns, food patterns, details of costume, gatherings for joint labor, rituals, connected with delivery and circumcision. Chapter 3 describes the rites of wedding and betrothal, relations and meetings of the bride, the bridegroom and their relatives, the customs connected with divorce, avoidance customs. Chapter 4 is devoted to the folk medicine, local healers and charlatan medicine men, amulets, drugs, methods of cure, the reasons for a wide spread of infectious diseases. Then the author describes in great details the funeral rites, the mourning custom, difference in the attitude to a premature death of a young person and the death of very old persons, the situation with the bride of a deceased young man, the beliefs connected with the dead. He also deals with widespread feuds

(vendettas), the role of courts of elders and the ways of reconciliation and compensation. The final and extremely important part of this chapter is devoted to the relics and survivals of pagan beliefs among Mountain Jews, their deities and demons, the ideas of an eternal life, the cycles of rebirth, the travels of the soul between the hell and the paradise.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ.....	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ВВЕДЕНИЕ	13
ГЛАВА I	
Об оседлости горских евреев. Отношение других горцев к ним. Статистические сведения об евреях-горцах. Занятия горских евреев. Религия и верования. Праздники народные и религиозные. Образование. Училища. Раввины. Синагоги. Религиозные обязанности женщин и их омовения	29
ГЛАВА II	
Тип и характер. Праздность и любознательность горских евреев. Женщина — труженица семьи. Склонность женщин к сплетням и дракам. Многоженство. Жилища и гостеприимство. Пища и напитки. Одежда. Домашний быт горских евреев. Булка. Сугум. Обряды при рождении и обрезании	90
ГЛАВА III	
Женитьба. Положение женщины как причины различных несчастий. Обряды горцев-евреев при помолвке детей и обручение. Жених и невеста. Приглашение жениха родителями невесты. "Гечелей" (ночные свидания). О разводе. Взгляд общества на гечелей. "Табар". Пресечение пути жениху и невесте. Поверья. Свадьба	116

ГЛАВА IV

Сиделки у больного еврея-горца. Господствующие болезни и способы их лечения. Местные врачи и отношение горцев-евреев к медицине. Причины заразительных болезней. Похороны. Женщины-плакальщицы. Траур по умершим молодым и старикам. Девушка-невеста по смерти жениха. Поверья относительно явления смерти, относительно носилок, могил и воя собак. Кровная месть. Суды и управления у городских и сельских жителей. Случаи убийства. Справление поминок. Поверья о бессмертии души и о загробной жизни. Высший верховный суд. Троны Бога. Гелгел (вращение). Ад. Рай	155
СТАТИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ	179
SUMMARY	188

Научное издание

**Анисимов
Илья Шеребетович**

**КАВКАЗСКИЕ
ЕВРЕИ-ГОРЦЫ**

Зав. редакцией Н.Л. Петрова
Редактор В.М. Черемных
Художник В.Ю. Яковлев
Художественный редактор Т.Б. Болотина
Технический редактор З.Б. Павлюк
Корректоры Г.В. Дубовицкая, Е.Л. Сысоева
ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 14.06.2002
Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Гарнитура Балтика
Печать офсетная
Усл.печ.л. 11,2 + 0,1 вкл. Усл.кр.-отт. 12,1. Уч.-изд.л. 8,5
Тираж 1000 экз. Тип. зак. 6414
Заказное

Издательство "Наука"
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-008841-2

9 785020 088412

Ilia Sh. Anisimov

MOUNTAIN
JEWS
OF CAUCASUS

ISBN 5-02-008841-2

9 785020 088412

NAUKA